

АЛТАЙ

1977

4

И. РУДЗИТЕ-ЦЕСЮЛЕВИЧ.
Весна. Х., т., 1974.

Портрет матери. Х., т., 1975.

АЛТАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Год издания XXIX

№ 4 (83) 1977

СОДЕРЖАНИЕ

Е. В. АНИСИМОВА. Конституция развитого социализма 3

ПРОЗА

Василий ГРИШАЕВ. Чоновцы Алтая 6

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

Владимир КОСАРЕЦКИЙ. Ответ. «Меня туманы свежестью поили...» «Кот, мурлыча, жмурится спросонок...» Отголоски детства. «Вот и сирень разделась...» Память. Синева. Охотничья страсть. «Когда на утиной охоте...» «Утеплены замазкой хаты...» Стихи 30

Валерий СЛОБОДЧИКОВ. И отозвалось эхо. Рассказ 32

Леонид ЕРШОВ. «Прекрасна неизбежность жить...» «Благословенны все заботы дня...» «Живу...» «Дни стоят на загляденье...» «Война ушла...» «Живу в такой далекой стороне...» Стихи 37

ПОЭЗИЯ

Геннадий ПАНОВ. Кулундинский канал. Береза. Хлеб. Водопад Корбу. «Жгут ботву, будылья по весне...» Стихи 39

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр АСТАПОВ. Лебяжинские волшебники 40

И. ЛАГРАНСКИЙ. Наладчики 49

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

- Э. КАЦЕНШТЕЙН. Человек и поэт Владимир Гердт. Штрихи к творческому портрету 52
- В. ГЕРДТ. У Кремля. Четверостишия. В картинной галерее. Лермонтов. Стихи. Перевод М. Юдалевича 54

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- К. САРАНЧА. О книгах Н. Г. ДВОРЦОВА (обзор творчества) 55
- Юрий СОРОКИН. Человеку посвящается 61

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- Письма Матвея Константиновича Цаплина 65

ДЛЯ ДЕТЕЙ

- Биктор СИДОРОВ. Однажды летом. Рассказ 73
- Николай ЧЕРКАСОВ. Сказка про деревянного справедливого солдата 77

1010786

Редактор Н. Г. ДВОРЦОВ

Редакционная коллегия:

В. М. БАШУНОВ, Е. Г. ГУЩИН (зам. редактора), И. С. КАЗАНЦЕВ,
Л. И. КВИН, Ю. А. МАЙОРОВ, В. Н. ПОПОВ

АЛЬМАНАХ «АЛТАЙ 1977. № 4

Художественный редактор Б. Лупачев. Технический редактор М. Сафонова.
Корректоры Г. Ульченко, Н. Тырышкина

Рукописи не возвращаются.

АГ 09141. Сдано в набор 24. X. 1977 г. Подписано к печати 5. XII. 1977 г. Формат 84x108/16. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 10,646. Тираж 10000 экз. Заказ № 704. Цена 40 коп. Алтайское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли — Барнаул, Ленина, 76. Производственное объединение «Полиграфист» управления издательства, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — Барнаул, Г. Титова, 3.

Адрес редакции: Барнаул, 56. Ленина, 8. Телефон 95—4—21.

АЛТАЙСКИЙ
Красная
им. В. Я. Шолохова
г. Барнаул
Библиотечка

КОНСТИТУЦИЯ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Нынешняя осень вошла в историю нашей Родины событиями величайшего политического и социального значения: в канун своего шестидесятилетия Советское государство обрело новую Конституцию.

«Это не просто совпадение во времени двух крупнейших событий в жизни страны, — сказал в докладе о проекте Основного Закона СССР и итогах его всенародного обсуждения Председатель Конституционной комиссии, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР. — Связь между ними гораздо глубже. Новая Конституция — это, можно сказать, концентрированный итог всего шестидесятилетнего развития Советского государства. Она ярко свидетельствует о том, что идеи, провозглашенные Октябрем, заветы Ленина успешно претворяются в жизнь».

Конституция СССР — конституция развитого социализма. В ней отражены завоевания общества зрелых социалистических отношений, породивших новую историческую общность людей — советский народ; отражена руководящая и направляющая роль Коммунистической партии Советского Союза: КПСС существует для народа и служит народу, все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР.

Манифестом эпохи назвали советские люди новый Основной Закон государства.

Проект заинтересованно обсудили четыре пятых взрослого населения страны, это более 140 миллионов человек. Весь народ стал творцом новой Конституции. И в этом — яркое свидетельство подлинной социалистической демократии, присущей нашему государственному строю.

«Главный политический итог всенародного обсуждения, — отметил товарищ Л. И. Брежнев, — состоит в том, что советские люди сказали: да, это тот Основной Закон, которого мы ждали. Он правильно отражает наши завоевания, наши чаяния и надежды, правильно определяет наши права и обязанности. Закрепляя достигнутое, он открывает перспективу дальнейшего развертывания коммунистического строительства».

Вся власть в СССР, говорится в Конституции, принадлежит народу. Советы народных депутатов составляют политическую основу государства.

Обратимся к примерам. Только в нашем крае около 30 тысяч тружеников избранны и активно работают в Советах народных депутатов. Каждый третий труженик города и села выполняет общественные поручения, участвует в управлении делами государства и общества.

Страной подлинного народовластия называют нашу Родину трудящиеся за рубежом. Где, в какой капиталистической стране возможно, чтобы в работе Верховного органа государственной власти участвовала рядовая ткачиха и хлебороб, учительница

сельской школы и знатный строитель — люди, чья общественная значимость определяется не личным богатством, не знатностью происхождения, а их умением трудиться, отдавать лучшие силы, жар души общему делу, их верностью своему народу.

Экономической основой нашего государства, определяет Конституция СССР, является социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности.

Впервые в истории человечества наша Конституция четко сформулировала положение о социальной основе социалистического государства. Ее составляет у нас нерушимый союз рабочих, крестьян и интеллигенции. Статья 20 гласит: «В соответствии с коммунистическим идеалом «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности». Как отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в докладе о 60-лети Великой Октябрьской социалистической революции, новая Конституция Советского Союза «...еще раз подтвердила, что все преобразования, все перемены, которые совершаются в нашей стране, направлены прежде всего на обеспечение каждому человеку подлинно человеческих условий жизни. Она вновь убедительно показала, что понятия свободы, прав человека, демократии и социальной справедливости наполняются действительным содержанием только в условиях социализма».

Да, Конституция законодательно закрепила за гражданами страны величайшие права. Одним из них является право на труд. Основной Закон нашего государства не только провозглашает это право, но и гарантирует возможность выбора профессии в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и учетом общественных потребностей. Могут ли мечтать о такой заботе государства простые люди в странах капитала? В мире чистогана, безудержной наживы немногих за счет эксплуатации миллионов — безработица — неотъемлемый фактор капиталистической системы производства. В США, ФРГ, Англии и других высокоразвитых капиталистических странах армия безработных, исчисляемая миллионами человек, растет с каждым днем.

Социальный строй капиталистического государства не дает никаких гарантий на будущее; даже если человек имеет работу, он не избавлен от тревоги за завтрашний день, так как может в любой момент оказаться безработным.

В Советской стране родилось и выросло три поколения, не знающих такого уродливого явления в жизни общества, каким является безработица. Государство предоставляет выбор работы, заботится о повышении квалификации и мастерства работника. Труд, отношение к делу определяют у нас положение человека в обществе. Наша жизнь дает бесконечное множество примеров, подтверждающих эту мысль. Кто, скажем, у нас на Алтае самые известные люди? Конечно же, передовики производства, Герои Социалистического Труда, представители славных трудовых династий, чье отношение к делу являет собой яркий пример для других, особенно для молодежи.

Право на отдых, на охрану здоровья, на материальную обеспеченность в старости, в случае потери трудоспособности или потери кормильца, право на жилище — Закон не только гарантирует эти социальные блага, но и содействует их активному воплощению в жизнь. Густая сеть оздоровительных, лечебных учреждений, бесплатная медицинская помощь, из года в год растущее жилищное строительство, забота о пенсионном обеспечении граждан — все это наша повседневность.

Только на Алтае за годы девятой пятилетки открыто 45 больниц и лечебных корпусов, 34 аптеки, 143 фельдшерских пункта, 217 колхозно-совхозных профилакториев. Летом практически вся наша детвора имеет возможность отдохнуть в пионерских лагерях.

Право на образование, на пользование достижениями культуры... В каждом уголке Родины работают общеобразовательные школы, миллионы юношей и девушек обучаются в высших и средних специальных учебных заведениях страны. Только в нашем крае действуют восемь вузов, 48 средних учебных заведений, 1304 средних и восьмилетних школ, густая сеть Домов и Дворцов культуры, клубов, кинотеатров, библиотек, музыкальных и художественных школ. Каждый вечер около сотни тысяч трудящихся края заполняют зрительные залы театров, клубов, Домов культуры, концертных и читальных залов, приходят в библиотеки и выставочные залы.

Свобода научного, технического и худо-

жественного творчества гарантируется гражданам СССР сорок седьмой статьей Основного Закона. Она обеспечивается широким развертыванием научных исследований, изобретательской и рационализаторской деятельности, развитием литературы и искусства. Система государственной заботы и помощи творческим союзам, обществам, охрана права авторов, изобретателей и рационализаторов гарантирует активную жизнедеятельность этих союзов и общества.

Каждая глава, каждая статья новой Конституции СССР — свидетельство величайшей заботы советского государства о своих гражданах. Конституция развитого социализма, великая хартия народных прав и свобод, величайший исторический документ эпохи — так характеризует мировая общественность Основной Закон Советского государства. Особый интерес он вызывает у трудящихся братских социалистических стран, зарубежных коммунистических и рабочих партий. Он служит вдохновляющим примером в строительстве социализма, в борьбе за права человека. Вместе с тем, буржуазная печать, радио и телевидение делают сейчас все возможное и невозможное, чтобы ослабить притягательную

силу нашей Конституции, законодательно закрепляющей права свободного человека в социалистическом обществе.

Новая Конституция СССР живет и действует. Она получила признание и горячую поддержку всех слоев населения страны. Сегодня повсюду идет углубленное изучение этого важнейшего исторического документа. Советские люди, изучая свою Конституцию, свои права и свободы, понимают их неразрывную связь с добросовестным выполнением своих гражданских обязанностей.

Недавно в Москве состоялся объединенный пленум творческих союзов СССР. Его участники подчеркнули значение Основного Закона государства в развитии и росте духовного потенциала советских людей, счастье работать в стране, где осуществлена подлинная свобода творчества. Это — свобода раскрывать правду времени, служить своим творчеством народу. Воспеть советского человека, активного строителя коммунизма, запечатлеть героизм его повседневных свершений, внести свой вклад в строительство нового общества — в этом видят свой гражданский долг писатели, художники, артисты, представители всех категорий творческой интеллигенции страны.

Е. В. АНИСИМОВА,
заслуженный работник культуры РСФСР

Василий ГРИШАЕВ

Василий Федорович Гришаев родился в 1926 году в селе Верх-Бобровка Косихинского района Алтайского края.

С 1944 года по 1973 служил в Советской Армии. В настоящее время — сотрудник краевого госархива.

Читателю альманаха известен материалом «Любовь любовью отзовется».

«Чоновцы Алтая» написана на основе исторических документов.

ЧОНОВЦЫ АЛТАЯ

1

28 февраля 1922 года эскадрон ЧОН под командованием Николая Воронкова прибыл из Улалы в Солонешное — для усиления частей, действовавших против банд Кайгородова и Колесникова.

Когда из-за последнего поворота показались утонувшие в сугробах избы с мирными дымками, Воронков в волнении поправил лохматую баранью папаху с выбившимся из-под нее смоляным чубом, карие его глаза потемнели.

Вот и опять родное село!..

Вообще-то он родился в Ануйском Старо-Тырышкинской волости, но еще мальчонкой вместе с родителями переехал сюда. Здесь прошли-промчались не слишком радостные годы детства и юности. Пас чужих коров, гнул спину на кулаков и маслозаводчиков. Пришла пора — взяли в армию, и с тех пор он беспрерывно воюет, вот уже пять лет из двадцати шести, прожитых на свете. Но не раз за эти бурные годы возвращался в родные Солонцы.

Возвращался по-разному.

В январе восемнадцатого прищандыбал с германского фронта на костылях: обезножел после контузии. В феврале девятнадцатого, в предвесеннюю первую росте-

пель, пробрался тайком: удрал из колчаковской «освободительной» армии. И месяца не прожил в родном доме, как схватили, примерно выпороли и отправили на фронт, под Пермь. Там в первом же бою перебежал к красным и через три месяца уже командовал эскадронам во 2-ом Петроградском кавалерийском полку.

Молодой комэск лихо рубал колчаковцев, мог неплохо разъяснить бойцу ленинскую линию и за что воюет трудовой народ. Но ежели случалось написать какую бумажку — с него семь потов сходило. В школе-то не довелось быть ни одного дня. Какая там школа, когда в семье семь ртов и одни обутики на двоих! Читать-писать самоуком мало-мало выучился в перерывах между боями, а о большем пока думать было некогда: который месяц не вылезает из седла.

16 октября 1919 года в освобожденном от колчаковцев Кургане Воронкова приняли в партию большевиков.

Вскоре он был ранен и после госпиталя опять вернулся домой — долечиваться. Не успели толком затянуться раны, по предгорным селам разнеслась тревожная весть: из Монголии вторглась банда есаула Шишкина. В одном лишь Усть-Кане бандиты зарубили одиннадцать человек!..

Воронков вычистил привезенный из армии револьвер, оседлал коня и отправился в Черный Ануй, куда уже стекались коммунисты со всей округи. Член Черно-Ануйского волпарткома, бывший командир партизанской роты Иван Шайдуров формировал коммунистический отряд. Они настигли банду Шишкина на Ябоганском тракте и в коротком злом бою порубили ее.

Вскоре Воронков ушел добровольцем на Врангеля. Но Врангеля к тому времени расколотили, и их полк повернули на польский фронт. А оттуда — снова в Сибирь, на подавление Ишимско-Петропавловского кулацкого восстания.

Суровое то было время — начало двадцатых годов. Истощенная двумя войнами молодая Республика Советов задыхалась в тисках разрухи, голода, эпидемий. Чтобы спасти население промышленных центров и армию от голодной смерти, правительство вынуждено было изымать у крестьян излишки продовольствия путем продразверстки. В июле 1920 года продразверстка была введена и в Сибири. На долю Алтайской губернии, как самой хлебородной, выпало 31 миллион пудов — треть сибирского задания.

Кулак встретил продразверстку в штыки. По стране прокатилась волна кулацко-эсеровских мятежей. Особый размах приняли они в Сибири.

Сибирское крестьянство в силу особых исторических условий жило зажиточнее своих собратьев из европейской России. Прослойка, а следовательно, и влияние кулака — векового хозяина сибирской деревни — были более значительными. В полной мере это относилось и к Алтаю — краю сельскохозяйственному, крестьянскому.

Алтайский кулак был богат. В то время как питерские и московские рабочие получали по осьмушке хлеба в день, а в Поволжье вымирали целые деревни, у него стояли немолоченными клади трех-пятилетней давности. Они уже почернели снаружи, но внутри было не зерно — золото. И с этим золотом кулак расставаться не хотел. Люто ненавидя Советскую власть, он рассчитывал умирить ее голодом. Используя продразверстку (позднее — продналог), а также ошибки и перегибы некоторых продработников как повод, он развернул бешеную агитацию против Советской власти и особенно против партии большевиков.

— Коммунисты наш хлебушек сплавляют за границу, — нашептывал он мужикам. — А что не сплавят — погноят в «советских амбарах» (под открытым не-

бом). Нас же скоро загонят в коммунию, а там, известно, все будет общее, от ложки до кошки. Попомните, мужики: ежели не встанем супротив коммунистов, все по миру пойдем.

Сибирский крестьянин за свое кровное постоять ни перед кем не боялся, но был темен, доверчив, невежествен в политике. А разоблачить кулацкую агитацию, вывести их на чистую воду в деревне зачастую было просто некому. В сельсоветах, волисполкомах и партичейках сидели, за малым исключением, те же темные мужики. В партии без году неделя, о грамоте не спрашивай. Как привыкли с партизанских времен на кулака и прочую контру наганом да конфискацией жать, так и продолжали. Подругому не умели. И продразверстку выжимали в основном тем же методом. А чего рассусоливать?

Такие «нажимные» методы нередко отпугивали крестьян от коммунистов, и кулаки умело использовали это. Им удалось на первых порах повести за собой середняка, также недовольного продовольственной политикой Советской власти.

А ведь часто достаточно было доходчивого слова (об этом говорят документы многих беспартийных конференций), чтобы от кулацко-эсеровской брехни не осталось и следа — крестьяне дружно голосовали за продразверстку, помощь голодающим и везли хлеб на сыпные пункты!..

Губком партии мобилизовал на продрабату более пятисот коммунистов — все, что мог наскрести, но это была капля в море.

Кулаков активно поддерживали недобитые колчаковцы. Сотни и тысячи их после разгрома белых армий распылились по Сибири, схоронились в горах, тайге — без них потом не обошлось дело ни в одной банде.

Включились в контрреволюционную борьбу эсеры и меньшевики. Эсеры, учитывая, что вера мужика в их «крестьянскую» партию сильно поколеблена, организовали «Сибирский крестьянский союз», назвав его «беспартийным». К осени 1920 года только на Алтае действовало до четырехсот ячеек «Союза». Основной лозунг «Союза» был «За Советскую власть, но без коммунистов!». Ниточка от «Союза» тянулась в Париж, Лондон, Токио, Харбин, где битые белые генералы при поддержке иностранных правительств разрабатывали планы новых походов против Республики Советов.

Уже летом 1920 года на Алтае вспыхивают контрреволюционные мятежи Рогова,

Новоселова, Плотникова. Вскоре они начались и в Горном Алтае. В июле 1921 года кулаки Белого Ануя, предводительствуемые Федосом Тырышкиным, отказались везти зерно в уплату продналога, убили прод-агента, а подошедший продотряд встретили залпами. Тырышкин разослал по селам приказ: продналог не платить, коммунистов и продотрядчиков убивать и устанавливать такую власть, «какую мужики сами захотят».

Банда Тырышкина, именовавшая себя «Первым сибирским повстанческим конно-лесным полком», развернула активные действия в Ануйском районе и на Чуйском тракте. Под Онгудаем и Хабаровкой части Красной Армии совместно с ЧОН нанесли ей крупные поражения, но уничтожить до конца не смогли.

Бандиты громили сельсоветы, волисполкомы, коммуны, сыпные пункты. Но наиболее яростный удар обрушивали на коммунистов и комсомольцев. Те для защиты себя и населения вынуждены были вооружаться. В укомы и губкомы посыпались просьбы об оружии.

«Могут носить оружие двадцать семь человек, а имеют всего пять», — сообщали из Верх-Ненинской партячейки.

Из Куягана писали:

«Просим дать оружие, а то гады распозлись по горам, могут делать ночные грабежи. Население волнуется».

«Если не будет оружия, то просим выписать из партии большевиков», — заявляли Березовская и Солтонская ячейки.

Так стихийно возникли первые коммунистические отряды — зародыш будущих грозных ЧОН (частей особого назначения)*.

Малочисленные, разрозненные, слабые, они первыми принимали удары озверевших банд, оказывали большую помощь частям Красной Армии.

Поначалу по миновании надобности они распускались, но жизнь настоятельно требовала их постоянного существования.

В циркулярном письме Алтайского губ-

* Коммунистические воинские формирования — части особого назначения — начали создаваться в нашей стране сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции. К декабрю 1919 года в центральных губерниях Республики в их рядах насчитывалось около 30500 человек. Основное их назначение — борьба с внутренней контрреволюцией. Использовались они и при проведении других ударных кампаний: продналоговой, лесозаготовительной, а также для охраны государственных учреждений, складов, коммуникаций. В Сибири ЧОН возникли после победы над Колчаком.

кома РКП(б) от 27 сентября 1920 года говорится:

«...Белоэсеровские кучки поднимают восстания, убивают партийных и советских работников, сеют провокационные слухи.

Губком РКП(б), учитывая все это, понимает, что только вооруженной рукой мы можем раздавить всех этих гадов, только тогда, когда все коммунисты губернии будут знать военный строй, когда у нас по всей губернии будет сеть небольших коммунистических отрядов, готовых в любую минуту прийти на помощь своим братьям — рабочим и крестьянам.

В силу этого губком постановил:

1. Все коммунисты Алтайской губернии считаются мобилизованными и должны пройти краткосрочную казарменную выучку...»

К осени 1920 года на Алтае было создано двадцать пять коммунистических отрядов. Вскоре по решению ЦК партии они перешли в ведение Всевобуча, где были реформированы по типу регулярных частей Красной Армии. Было налажено централизованное снабжение оружием, боеприпасами и другими видами довольствия, конечно, в пределах, возможных для разоренной двумя войнами республики. Началось регулярное военное обучение. Особое внимание было уделено политическому воспитанию, ибо подавляющее большинство коммунистов вступило в партию в 1920 году и позже и не имело должной политической закалки.

Х съезд РКП(б) в связи с обострением внутренней и международной обстановки принял решение о дальнейшем укреплении отрядов особого назначения. По новому положению, утвержденному ЦК партии 26 августа 1921 года, они были выведены из системы Всевобуча и преобразованы в самостоятельные боевые единицы со своим особым командованием. Собственно лишь с этого времени они стали называться частями особого назначения (ЧОН), а рядовые бойцы милиционного состава — коммунарами.

При Реввоенсовете республики был создан Центральный штаб ЧОН во главе с командующим. Ему подчинялись командующие и штабы ЧОН военных округов, губерний, уездов. Общее руководство осуществлялось ЦК РКП(б) через совет ЧОН республики, а на местах — губкомами и укомы партии, тоже через советы ЧОН (губернии, уезда).

Части особого назначения строились по структуре территориально-милиционной си-

стемы Красной Армии. Они состояли из кадрового и милиционного состава. Кадровый состав находился на действительной военной службе. Милиционный состав — коммуны — состояли на военном учете, периодически проходили сборы, а в случае надобности призывались под ружье.

Каждая партийная ячейка в зависимости от числа коммунистов представляла собой отделение, взвод, роту. Учетом и военной подготовкой в ней ведал военорг, назначавшийся командованием ЧОН по согласованию с бюро партячейки. Аналогичная картина была и в комсомольских ячейках, только из комсомольцев не создавалось отдельных подразделений, они зачислялись в состав коммунистических формирований.

В те годы практически каждый коммунист и комсомолец в возрасте от 17 до 55 лет состояли в ЧОН, проходили военную подготовку и обязаны были по первому сигналу с оружием в руках встать на защиту завоеваний Октября. Исключения не составляли и женщины, только они использовались в основном для вспомогательных служб: санитарной, связи, канцелярской.

Звание «чоновец» стояло очень высоко. Достаточно сказать, что в июле 1923 года, в двухлетнюю годовщину ЧОН Алтая, на торжественном собрании в Барнауле почетным чоновцем Алтая был избран Владимир Ильич Ленин.

Красная Армия выделила в ЧОН лучший командный состав.

К концу 1921 года на Алтае было сформировано десять частей особого назначения.

В одну из них, 4-й особого назначения Алтайский кавалерийский дивизион, был назначен командиром 1-го эскадрона Николай Воронков.

2

В январе 1922 года тревожные события развернулись в районе Телецкого озера. На северном и северо-западном его берегах появилась банда Штанакова. Вскоре она объединилась с бандой колчаковского офицера Словарецкого, бежавшей сюда с Чемала в ноябре 1921 года.

У Телецкого озера велись крупные лесозаготовки, имевшие большое значение для губернии. Работали на них в основном крестьяне близлежащих сел в порядке леспромхозов. Условия труда и быта на лесозаготовках были тяжелыми, а снабжение плохим. Это создало благоприятную почву для антисоветской агитации. Банды захватили в селе Кебезень склады гублес-

промхоза, где хранилось до двадцати тысяч пудов хлеба, и часть его раздали. Это качнуло к бандитам наиболее несознательных крестьян.

Штанаков и Словарецкий, объявив мобилизацию мужского населения в возрасте от 18 до 40 лет, за короткий срок довели численность банды до полутора тысяч человек. Она была разделена на два полка и получила название Биекатунской группы. Командиром ее стал Штанаков, начальником штаба — Словарецкий, адъютантом — колчаковский офицер Блинов.

Около половины банды было вооружено трехлинейными винтовками, остальные — охотничьими ружьями. Имелось даже два пулемета. Ввиду острой нехватки патронов была организована мастерская по их изготовлению.

У бандитов имелось даже знамя: трехцветное, с двуглавым орлом и крестом. Политические лозунги банды были те же, что и у остальных: «Да здравствует Учредительное собрание, долой коммунистов!»

Почти весь состав банды был на лыжах, что имело немаловажное значение в условиях бездорожья и многоснежной зимы.

Пользуясь отсутствием в районе Телецкого озера воинских частей, банда захватила Кебезенскую, Турочакскую, Успенскую волости, село Никольское и быстро продвигалась вниз по реке Бие.

Для борьбы с нею в направлении Никольское-Ынырга были двинуты подразделения 184-го и 186-го стрелковых полков 62-й бригады, а также 1-й эскадрон 4-го особого назначения Алтайского кавдивизиона. Здесь он получил боевое крещение.

Но основную роль в разгроме Штанакова и Словарецкого сыграли 2-я и 3-я роты 1-го батальона 4-го особого назначения Бийского пехотного полка.

Командовал батальоном Василий Васильевич Кочкин. Уроженец Горного Алтая, малограмотный крестьянин-бедняк, он, как и многие, прошел военные и политические университеты сначала на германском фронте, откуда вернулся унтер-офицером, затем в рядах горноалтайских партизан и Красной Армии. В 1921 году стал командиром батальона 2-го Алтайского коммунистического полка, на базе которого в конце года был развернут 4-й Бийский полк.

Батальон Кочкина с августа по январь принял участие в тридцати боях с бандами, и командир его заслужил добрую славу как среди бойцов, так и у командования ЧОН и Красной Армии.

Все единодушно отмечали личную храб-

рость молодого комбата, его редкое хладнокровие, разумный расчет и инициативу, великолепное знание местности и условий горной войны, а также необыкновенную работоспособность и организаторский талант.

Получив приказ на отмотилизование второй и третьей рот, он сумел выполнить его менее чем за трое суток, и это в условиях суровой зимы, бездорожья, нехватки транспорта, продфуража, снаряжения и большой разбросанности волпартячек!

2-я рота формировалась из коммунистов семи волостей: Мартыновской, Яминской, Поповичевской, Сузопской, Солтонской, Новиковской, Карабинской, а 3-я — из девяти: Макарьевской, Бардинской, Тайнинской, Нижне-Карагужской, Успенской, Озеро-Куреевской, Кебезенской, Лебедской и Ыныргинской.

К исходу 31 января роты (общая их численность составляла 300 человек) сосредоточились в двенадцати верстах западнее Турочака, в кедраче, заваленном глубоким снегом. В Турочаке были бандиты.

Неутомимый Кочкин переходил от взвода к взводу, за ним, раскрасневшись от лязанья по сугробам, неотступно следовал помполит М. П. Северов, представитель Бийукомпарта.

Времени на длинные разговоры не было. В двух словах объясняли текущий момент, призывали не пожалеть жизни, чтобы освободить родной край от кровавых бандитов, дать возможность рабочему и крестьянину спокойно трудиться.

— Политику мы понимаем, — отвечали коммунары. — Об чем толковать! Нам бы, товарищ комбат, лыжи. Бандиты, слышно, поголовно на лыжах. Разве пехом мы за ними по сугробам угонимся?

— Лыж мало, — соглашался Кочкин. — Пару взводов как-нибудь поставим, остальных придется, видимо, у бандитов просить.

— Попросим, — смеялись коммунары.

В полночь двинулись на Турочак.

Взводу 3-й роты (90 штыков, под командой Захарова) приказано было обогнуть село с севера, через лесной участок Лебедской, выйти в глубокий тыл к Тондошке, находящейся по тракту в двадцати верстах от Турочака, взять ее. Другой взвод той же роты был послан обойти село с южной стороны и перерезать дорогу на Тондошку. Остальные наступали с запада, по тракту.

Турочак взяли без потерь, хотя посланный на перехват дороги взвод и опоздал с выходом. Были захвачены первые трофеи: 26 коней с седлами, 25 бердан, 10 винтовок, взято в плен шесть бандитов

Захаров также успешно выполнил задачу.

Оставив в Тондошке для охраны 20 человек, 3-я рота при двух пулеметах под командой командира роты Можарова повела наступление на Кебезень — ее обороняли крупные силы во главе со Словарецким. На помощь к нему из района Ынырга-Никольское подошел Штанакон.

Чоновцы были встречены ураганным огнем. Можаров с криком «Ура!» бросился вперед, за ним коммунары И. Е. Титов, С. Е. Куксин, Н. Г. Григорьев, А. Л. Локо-таев. Их пример увлек остальных.

В Кебезени были захвачены знамя банды, канцелярия, мастерская с тремя тысячами изготовленных патронов, два воза берданок, воз пик и сто пар лыж. Лыжам коммунары особенно обрадовались.

Успешно действовали и подразделения 184-го и 186-го полков с 1-м эскадронном 4-го Алтайского кавдивизиона. Они выбили бандитов из Никольского и Ынырги и погнали их к Телецкому озеру.

Роты Кочкина продвигались с непрерывными боями. Спротивление бандитов по мере приближения к Телецкому озеру нарастало. В каждом удобном месте они устраивали засады. Обойти их в тридцатиградусный мороз по снегам, горам, бурелому было очень трудно, а порой невозможно. Чоновцы несли большие потери.

Упорный бой разгорелся в устье реки Пыжи. Здесь в скалах засело около двухсот бандитов с двумя пулеметами. Они прикрывали отход Ыныргинской группы, у которой не было другого пути. Потеряв в лобовой атаке несколько человек, 3-я рота отошла и повела наступление в обход, с востока. На помощь ей из Кебезени было выслано 20 лыжников от 2-й роты. Горными кручами они зашли в тыл банде, сумели захватить пулемет, посеять панику. Это решило исход боя.

5 февраля 3-я рота подошла к Артыбашу — последнему селу на пути к Телецкому озеру и, видимо, последней надежде бандитов. Нигде еще не дрались они с таким упорством.

Была ночь, мороз, сильная метель. Коммунары, перебегая от дерева к дереву, от камня к камню, медленно приближались к селу.

Бандиты, засев в снежных окопах, били залпами. От больших потерь коммунаров спасала темная ночь. К утру они ворвались в село и схватились врукопашную. Бандиты отступили. Не успели коммунары отдышаться, сориентироваться, как в крутящейся

ся снежной пелене показались густые цепи бандитов. Их было много, во много раз больше, чем измученная многодневными боями, истекавшая кровью рота.

Можаров, весь в снегу, с намерзшими на ресницах ледышками, встал на колени, потрясая наганом.

— Подпухай ближе! Рота, залпом...

Вдруг он схватился за грудь и упал лицом в снег.

Подползший коммунар перевернул его на спину. На обледеневшем полушубке ротного, на груди, росло, расплывалось алое пятно. Из приоткрытого залепленного снегом рта текла струйка крови. Небритое, осунувшееся лицо быстро приобретало восковой оттенок.

— Эх, командир! — горестно сказал коммунар. — Не уберегли мы тебя...

От бандитов, видимо, не укрылось возникшее в роте замешательство. Они пошли в атаку, стали обходить с тыла.

— Отходить к мельнице! — подал команду командир взвода Захаров.

Рота, отстреливаясь, отошла к мельнице, находившейся в трех верстах от села, в стороне от дороги, закрепилась.

Взвод 2-й роты (30 человек, под командой командира роты Ромайкина), шедший на помощь 3-й роте, не разобрался в метель в обстановке и вошел в село. Вдруг из-за плетней и домов защелкали частые выстрелы.

Взвод не растерялся. Он успел занять круговую оборону и несколько часов отражал натиск бандитов, во много раз превосходивших его численностью.

— Стволы раскалились — рука не выдерживала, — вспоминал позже один из коммунаров. — В снегу остужали.

Теперь уж 3-я рота пришла на выручку второй. К вечеру 6 февраля Артыбаш был взят. По льду озера потянулись конные и пешие бандиты, обозы, стадо коров. Небольшая часть банды огнем прикрывала отступление.

Телецкое озеро замерзает лишь в январе. Молодой лед не выдержал, затрещал, разошелся. Отступавшие оказались в воде. Зрелище барахтавшихся в ледяном крошеве и тонувших сотен людей и животных было ужасным. Стрельба прекратилась с обеих сторон.

Лишь немногие из отступавших сумели выбраться на берег и уйти в горы.

Для их преследования был выделен взвод (40 человек) на лыжах. Командовал взводом Фризюк, его помощником был коммунар Илья Белозерцев.

Пройдя берегом Телецкого озера, взвод вышел в долину Чулышмана и 18 февраля с боем занял Благовещенский монастырь. Здесь чоновцы узнали о трагедии, постигшей коммуны «Свободный труд», располагавшуюся в монастыре.

В ночь с 19 на 20 декабря 1921 года она была захвачена бандитами. Руководители коммуны П. И. Попов и Тырышкин подверглись пыткам. Тырышкин умер, а Попов бежал, но был пойман и после нечеловеческих издевательств зарублен на берегу Чулышмана и брошен на лед. Там он и лежал до прихода чоновцев. Неубранными были истерзанные тела и остальных десяти коммунаров.

Чоновцы похоронили их в братской могиле и, накаляясь еще большей ненавистью, снова двинулись вдогонку за бандитами. 21 февраля юго-восточнее Кумуртука вспыхнула жестокая схватка. Банда, потеряв сорок человек убитыми и шестьдесят пленными, фактически перестала существовать. Штанакон и Словарецкий с несколькими приспешниками бежали к монгольской границе. Преследованию их помешали сильные морозы и бураны. Чоновцы за долгий, немислимо тяжелый путь оборвались, почти все были обморожены и простужены. К тому же их вышло из последнего боя всего 12 человек. В конце февраля они вернулись в Кумуртук.

Так закончилась первая крупная операция, проведенная ЧОН Алтая. Командование и реввоенсовет Сибирского военного округа высоко оценили беспримерный героизм чоновцев. Были награждены орденом Красного Знамени В. В. Кочкин, М. И. Можаров (посмертно), В. А. Ромайкин, В. И. Фризюк, И. С. Белозерцев, И. С. Захаров, Н. Г. Поветкин, М. Г. Леонов. Десятки коммунаров, командиров и политработников батальона получили материальные награды.

В начале марта из коммунаров 1-го батальона был сформирован для действий против банды Семенка на Чемале истребительный отряд № 4. Командиром его был назначен М. Г. Леонов, помощником — начальник пулеметной команды батальона Н. Г. Поветкин.

11 марта отряд двумя группами вышел из Ынырги. Первая группа (40 конных и 50 пеших, под командой Захарова) двинулась через Симультинский хребет на Эдиган. Проводником в ней был алтаец Степан Кырлычев. Вторая группа в составе 50 лыжников шла по реке Кара-Кокше на урочище Симульта.

18 марта группа Захарова, пройдя триста километров по горному бездорожью, ворвалась в Эдиган, занятый бандой Кучукова, сподвижника Семенка. Навстречу чоновцам выскочил офицер.

— Господа, господа, не стреляйте, мы кучуковцы!..

Блеснула шашка, офицер (это был адъютант Кучукова) упал, так и не поняв, с кем имел дело.

Выбив бандитов из села, чоновцы погна-ли их вниз по Катунь. Вскоре они встре-тились со второй группой отряда, насту-павшей от устья Ашиехты.

Эскадрон Воронкова 12 февраля был отозван из района Телецкого озера в Ула-лу — для отдыха и пополнения. Через две недели ему был вручен новый приказ — следовать в Солонешное.

Так вот и получилось, что вчерашний со-лонешенский батрак вновь вернулся в род-ное село. Вернулся не один. За ним, торопя притомившихся, закуржавевших от инея ко-ней, двигалось сто двадцать всадников, сто двадцать таких же, как он, крестьянских сынов, ехавших воевать за новую жизнь.

Воронков приподнялся на стременах и оглянулся назад. Вид у бойцов, конечно, не парадный. Одеты наполовину в военное, наполовину в свое, крестьянское, потрепан-ное, пробитое, прожженное в боях и походах. К седлам приторочены лыжи — пере-няли у бандитов такую привычку.

Но хоть обмундировкой и не взяли, на-род надежный, боевой. Вон едут рядышком Николай Печуркин, его помощник, и Петр Перетягин, секретарь по политчасти, оба черноануйцы. С ними Воронков еще на Шишкина ходил. Поколесили по фронтам и партизанским тропам Иван Бабушкин, Никифор Гарусов, Игнат Казанцев, Филипп Вяшев, Петр Князев, Александр Коновалов. Начни считать, так почти у каждого ком-мунара одна-две войны за плечами и в партизанах вдоволь по этим горам полази-ли, да и с бандитами встречаются не впер-вой. С такими бойцами хоть куда. И лоша-ди подкормились за время отдыха. Нека-зиста на вид алтайская лошадка, но в го-рах любого рысака обойдет.

— Эскадр-он, подтянись! — звонко скомандовал Воронков, придержав коня.

3

Еще в разгаре были бои со Штанаковым и Словарецким, а из Аргутского ущелья выполз матерый волк — подьесаул Кайго-родов.

Кайгородов был наиболее видной фигу-рой бандитского движения в Горном Ал-тае, признанным его руководителем. Мест-ный уроженец, хорошо владевший алтай-ским и монгольским языками, полный геор-гиевский кавалер, он еще в девятнадцатом году активнó боролся, правда, без успеха, с горноалтайскими партизанами. В начале двадцатого, спасаясь от партизанских пик и красноармейских штыков, бежал с остат-ками колчаковцев в Монголию.

В сентябре 1921 года он во главе боль-шого «русско-инородческого отряда Алтай-ской области» вторгся в Горный Алтай, чтобы возгласить контрреволюционное дви-жение (к тому времени здесь действовало уже одиннадцать банд общей численностью до трех тысяч человек).

Объединившись с Карманом Чегурако-вым, Тырышкиным, Семенком и другими, он с боями прошел по Чуйскому тракту, но у Теньги свернул в Ануйский район.

Морозным ноябрьским утром банда вступила в Черный Ануй. Запылали бума-ги во дворе волисполкома и волпарткома, затрещали двери кооперативной лавки. Бан-диты кинулись по домам коммунистов и комсомольцев, но успели поймать лишь коммунистку Попкову. Полураздетую, ок-ровавленную женщину с улюлюканьем про-гнали через все село и зарубили у по-скотины. Потом с гиканьем понеслись по селу, взметаая копытами коней недавно вы-павший снег.

— Эй, хозя-вы! На сход! Жив-ва! Сам Ляксандра Петрович говорить будет!..

Кайгородов взобрался на бречку, вы-прямился во весь свой высокий рост. На нем была длинная шуба, крытая синей далем-бой и подпоясанная синим же шарфом, на боку богатая сабля, на крутой груди — бинокль. Задубевшее на горных ветрах чер-ноусое лицо атамана, припухшее не то с мороза, не то с перепоя, выражало недо-вольство. Колючим темным взглядом обвел он хмурые, испуганные, недобрые лица му-жиков. Редко-редко мелькнет умильная ро-жа кулака...

Резко вскинул руку с витой плеткой.

— Мужики! Кучка коммунистов и ко-миссаров довела русский народ до голода, нищеты и разрухи! Они виновники затянув-шейся братоубийственной войны! Они выгре-бают ваш хлеб, а взамен мануфактуры, керосину, плугов и борон дают бумажки с обещаниями! Теперь они сулят свободную торговлю, амнистию и прочие поблажки. Не верьте им, мужики! Вступайте в нашу освободительную армию. К нам на помощь

идет из-за границы большое войско. Мы боремся за истинное народовластие, без коммунистов и комиссаров, за независимость горных алтайцев. Дружным напором сметем большевистскую тиранию! Да здравствует Учредительное собрание и освобождение русского народа от гнета коммунистов!..

В давящей тишине раздался одинокий голос:

— Нашему заступнику и освободителю — ура!

«Ура» получилось до смешного жиденьким, и лицо Кайгородова стало мрачнее ненастного серого неба, нависшего над головой.

Вдруг из первых рядов кто-то смело спросил:

— Дозволь задать вопрос, не знаю, как тебя ныне величать.

— Ну...

— Не обессудь за правду, в девятнадцатом ты немало нашего брата, мужика, погробил, когда с партизанами воевал за Колчака. Таперя нас против коммунистов зовешь. Допустим, побьешь ты коммунистов. А кого вместо них посодишь? Вон того, кто тебе «ура» кричал? Сызнова — кулака?

— Ты кто таков?

Пожилой, бедно одетый мужик вышел из толпы, припадая на грубо оструганную деревяшку. Под деревяшкой тонко скрипел снег.

— Никулин мое фамилие. Крестьянин тутошний.

— Ногу где потерял?

— А в партизанах.

— Ну, много тебе дала за нее Советская власть? — зло усмехнулся Кайгородов.

— Советская власть мне землю дала. А вы што дали? Ворвались, как, извиняй за выражение, разбойники, неповинную бабу порешили, лавку обчистили.

Один из бандитов потянул из ножен саблю, взглядом спросил Кайгородова: «Смарать краснопузого?»

Толпа, заметив его движение, глухо зашумела.

— Не пужай! — бесстрашно выкрикнул Никулин. — Меня убьешь — правду не убьешь.

— Тих-хо! — Кайгородов потряс плеткой. — Мужики! Не слушайте смутьяна. За такие слова я сам мог бы раскроить его до пояса, но не хочу саблю марать. Я пришел к вам с добром, мужики, не убивать, не грабить, а защищать вас от коммунистов. А бабу мои ребята порешили за то, что она коммунистка, и вы это знаете. Коммунистам и их прихвостням мы пощады не даем.

И всех, кто не хочет жить под их властью, зовем под наше знамя!

Из всего села в банду записалось лишь пять кулаков, среди них волостной писарь Соснин, ставший впоследствии автором погромных листовок, призывавших к расправе с большевиками.

Из Черного Ануя Кайгородов двинулся в богатые кержацкие села Топольное и Туманово. Они дали ему более ста человек пополнения. Но в Александровке местный отряд самоохранны встретил Кайгородова пулями. Дав несколько залпов, отряд умчался в Куяган. А что еще могли сделать двадцать человек с полторатысячной бандой?

И в Александровке и в Демино ни один человек не пожелал вступить в банду.

Утром 4 ноября снеженные цепи бандитов, проваливаясь в рыхлом снегу, начали окружать Куяган. Самоохрана во главе с секретарем волпарткома И. Н. Кудрявцевым открыла по ним огонь. Но силы были слишком неравны. Отстреливаясь, самоохранны начала отступать в горы. Они еще не покинули села, как в церкви раздался торжественный колокольный звон.

— Вот подлюги! — выругался Кудрявцев. — «Освободителя» встречают. Поп сработал.

Он привстал на стременах.

— Отряд стой! По колокольне, залпом!

Нестройно грохнули выстрелы. Звонарь кубарем скатился с лестницы и метнулся в ближний переулок.

Кудрявцев погрозил ему вслед кулаком.

— Вернемся, поговорим!

Уведя отряд в горы и выставив заставы, он разослал по окрестным селам гонцов — собирать коммунистов. Но они немножко припоздали. 6 ноября под Тоураком Кайгородова настиг 186-й полк и наголову разгромил. Под красноармейскими пулеметами и снарядами двух горных орудий полегло до тысячи бандитов. В этих боях хорошо показали себя и молодые коммунистические формирования.

К селу Белый Ануй подошла банда Тырышкина численностью до трехсот человек. В селе находился склад боеприпасов и вооружения. Его охраняли тридцать бойцов 3-й роты 2-го Алтайского коммунистического полка во главе с командиром роты В. Ф. Тришкиным.

Полтора суток сдерживали они натиск вдесятеро большей банды, а когда той удалось занять часть села, смело кинулись врукопашную. Бандиты были вытеснены. Среди убитых на улице остался адъютант Тырышкина колчаковский подпоручик Моты-

лев, а при нем — печать и дневник боевых действий банды.

В конце октября В. Ф. Тришкин с семьюдесятью бойцами оказался в самом центре района, контролируемого бандами Кайгородова и Тырышкина. Тринадцать дней он бесстрашно маневрировал по охваченному бандитизмом краю, среди волнующегося населения, мобилизовал коммунистов, милиционеров, сельских активистов, не давая разрастаться восстанию. Увеличив свой отряд до трехсот человек, он прорвался через заставы Кайгородова и принял активное участие в его разгроме под Тоураком.

Впоследствии В. Ф. Тришкин командовал 12-й особой назначенная Алтайской пехотной ротой. За боевые подвиги награжден орденом Красного Знамени.

Вырвавшись с остатками банд из-под Тоурака, Кайгородов под Мокур-Чергой снова попал в окружение и опять вырвался и ушел на Уймон. Догнать его не смогли. Начались сильные морозы с буранами, а красноармейцы были раздеты и разуты. Мороз выводил из строя больше бойцов, чем бандитские пули.

По приказу командования эскадрон 59-го кавполка, пройдя от Усть-Ини берегом Катуня на Уймон, 19 ноября навязал Кайгородову бой у села Катанды. У того осталось к тому времени не более тридцати человек. Разделившись на две группы, бандиты пустились наутек: одна — к устью реки Кочурлы, другая — к Сок-Ярыку. Красные конники настигали. Разгоряченный жеребец Кайгородова ступил на тонкий голубой лед и, приседая, пошел по трещавшей прогибавшейся глади. Ни один из спутников Кайгородова не рискнул последовать за ним. Провалившись — не спастись. Вмиг засосет бешеный горный поток! Они предпочли сдать в плен. Красноармейцы, подскочив, с седел открыли огонь по удалявшемуся одинокому всаднику, но тот скрылся за прибрежной скалой.

4

В Катанде стала на постой 7-я рота 186-го стрелкового полка. Она должна была не допустить выхода Кайгородова на Уймон. Здесь, в богатом кержацком крае, насчитывавшем до десяти тысяч человек, у него была тьма сторонников. Но рота по вине своих командиров проявила недопустимую беспечность. Они, видимо, решили, что Кайгородов теперь и носа не высунет из-за Катуня.

Плохо они его знали.

К нему отовсюду потянулись сторонники. Из Монголии пробралась большая группа колчаковцев — остатки разгромленного отряда Бакича. Сидя в Аргуте, Кайгородов через тех же катандинских кулаков, уходивших мимо красноармейских постов якобы на охоту, знал обо всем, что делается в Горном Алтае. А обстановка в нем, как он считал, складывалась для него благоприятно. В декабре в Солонешном поднял восстание приказчик местной многолапки Колесников. Его банда вскоре стала одной из самых крупных в Ануйском районе. В январе у Телецкого озера пошли большие дела у Штанакова и Словарецкого. Ожили загнанные красными в горы Тырышкин, Семенек, Тужлей. Кайгородов решил, что снова настал его час.

В ночь на 5 февраля 1922 года он внезапно (для красноармейцев) появился в Катанде, с помощью местных кулаков разрушил два взвода роты (третий успел бежать), захватил два пулемета, до сотни винтовок, 25 тысяч патронов и двинулся по Уймонскому тракту на север.

Стремясь придать видимость прочности начатой авантюре, он организовал на Уймоне «Временное районное управление», передав ему всю «полноту» гражданской власти. Фактически управление было административно-хозяйственным приложением штаба Кайгородова. Оно ведало содержанием военнопленных, рассылкой военно-оперативных сводок, учетом и распределением награбленных кооперативных товаров и собранного в счет продналога хлеба.

Состояло управление в основном из меньшевиков и эсеров с примесью махровых черносотенцев. Возглавлял его меньшевик Андреев, бывший работник Бийского совнархоза.

20 февраля управление провело «Первый съезд выборщиков Уймонского края». Съезд послал поздравительную телеграмму «талантливому вождю освободительной армии Кайгородову».

Но дела «вождя» к тому времени были уже плохи, хотя он достиг Сентелека и сумел соединиться с Колесниковым. Речи, которые он по-прежнему произносил с брочки или с крыльца разгромленного его «ребятами» волисполкома, находили еще меньший отклик, чем в первом походе. Теперь после его речи на брочку влезал адъютант, бывший колчаковский офицер с обмороженным носом и чирьем во всю щеку (аргутское сидение не пошло их благородию на пользу). Простуженным злым голосом читал он угрюмо молчавшим мужикам «приказ № 7

командующего отрядами освободительной армии»:

«...Объявляю мобилизацию всему гражданскому населению в возрасте от 18 до 45 лет, способному носить оружие или обеспечивать хозяйственные нужды частей...»

На добровольцев уже рассчитывать не приходилось. Но и мобилизация шла туго, из-под палки. Талицкий сельсовет так, например, ответил командиру повстанческого полка, приславшего приказ о мобилизации:

«Население села Талицы не желает присоединиться к вышеуказанному полку, а также к мобилизации. Таковой быть не может. Что и удостоверяем».

Крестьяне на горьком опыте убедились, что «народные защитники» ничего, кроме новых лишений и кулацко-байского засилья, им не принесли и не принесут. Невмоготу стало мужику затянувшееся кровопролитие. Вот опять весна на носу, а непонятно, что готовить: плуг или берданку. Зима прошла — никто в тайге не был. Попробуй сунься. А ведь она, матушка, тоже кормит и одевает. Дня спокойной не проживешь: то мобилизация, то реквизиция, пропади они пропадом, эти ослободители!.. Им что осталось? Сладко попить, поесть, гульнуть вволю, а там один конец. Не простит им Советская власть: много крови на каждом. Для кулаков, конечно, они последняя надежда, им тоже терять нечего. А мужику с ними не по пути.

Да и битое их дело. Вон какие генералы-адмиралы пытались Советскую власть свалить, четырнадцать держав ходили на нее походом, а что вышло?.. Теперь, вишь, Санька Кайгородов да солонешенский лавочник Лариошка Колесников задумали Москву брать. Шавки бесхвостые... Нет, замиряться надо с Советской властью, самая она правильная для мужика власть. Да за работу браться, за хозяйство, от него уже две паршивых овцы осталось да Полкан.

«Отношение населения к бандитам — отрицательное». Этот вывод проходит по всем партийным и советским документам того времени.

Не сразу все это случилось и не само собой.

5

Не так трудно было разбить Кайгородова и другие банды в открытом бою. Гораздо труднее было открыть глаза трудящемуся крестьянину, русским и алтайцам, на истинное лицо «народных защитников», противопоставить их лжи, клевете и демаго-

гии терпеливое разъяснение политики Советской власти и партии большевиков. На это были брошены все силы партийных и советских органов, лучшие политработники Красной Армии и ЧОН.

Губком партии и укомы являлись политическими штабами по борьбе с бандитизмом. Не было, по сути дела, ни одного заседания бюро, пленума, конференции, на которых не рассматривался бы этот вопрос.

На многочисленных митингах, беспартийных конференциях, в листовках, рассылаемых по селам и аилам, правдиво рассказывалось о небывалых трудностях, переживаемых победившей республикой рабочих и крестьян. Продовольственная политика правительства вызвана чрезвычайными обстоятельствами: разрухой, голодом в Поволжье. Продналог — это вклад трудящегося крестьянства в дело победы своей, народной революции. Придет время — он окупится сторицей.

«Требовать с Советской России теперь же товары за хлеб, — говорилось в одной из листовок Сибревкома, — так же неразумно, как требовать с младенца деньги за молоко матери. Вырастет младенец — и сам будет кормить мать».

А за посулами бандитских главарей ничего не стоит, кроме возврата к старым проклятым порядкам. Только в братском единении русского и алтайского народов, при сохранении союза рабочих и крестьян возможны преодоление послевоенных трудностей и построение социалистического общества.

В одном Бийском уезде лишь в мае 1921 года было проведено 110 митингов, 80 лекций, 22 беседы, на которых присутствовало 37200 человек. В Горном Алтае только в ноябре того же года проведено 90 митингов. Состоялась поездка политгруппы во главе с П. Я. Гордиенко по селам и аилам. Она провела 21 собрание.

Работать приходилось в сложных и опасных условиях. Немало агитаторов и пропагандистов погибло от бандитских пуль.

«Днем проводим партийно-советскую работу, — докладывал секретарь Горно-Алтайского укома Л. А. Папардэ, — а ночь под ружьем: банды в пяти-шести верстах».

«Редкий день проходит, — сообщал секретарь Куяганского волпарткома И. Н. Кудрявцев, — чтобы не было столкновений самоохраны и партячек с бандами. Волпартком все время представляет из себя военный штаб. На партийную работу остается лишь часть времени».

За время борьбы с бандитизмом одна Куюганская волпарторганизация потеряла убитыми и ранеными 63 человека из 150.

Губком партии и укомы настойчиво учили сельские ячейки теснее держать связь с массами, не командовать, а разъяснять, убеждать, завоевывать общественное мнение, откалывать середняка от кулака.

Авторитет ячеек в ходе борьбы с бандитизмом неизменно рос. Крестьяне почувствовали в них своих настоящих защитников, увеличился наплыв желающих вступить в партию. Так, в Бело-Ануйской партиячке после отражения налета бандитов число коммунистов выросло с 48 до 80 человек. Они завоевали прочное большинство в сельских и волостных Советах.

Неимоверные трудности легли в те годы на плечи коммунистов, и особенно сельских коммунистов. Только в ЧОН, под ружьем, их находилось от 50 до 80 процентов. А ведь надо было еще обеспечивать другие, не менее важные государственные ударные кампании: продналоговую, лесозаготовительную, помощи голодающим и др.

В ходе разъяснительной работы было широко оповещено о начале работы комиссии по предоставлению алтайцам национальной автономии. Ойротская автономная область, как известно, была создана 1 июня 1922 года.

Было приостановлено взимание продналога в Горном Алтае и прилегающих районах. Снова объявлена амнистия всем, кто добровольно сложит оружие.

Одновременно была усилена карательная политика, созданы чрезвычайные тройки по борьбе с бандитизмом в губернии, уездах, при крупных воинских частях. Бандитов, захваченных с оружием в руках, как правило, расстреливали. Эта мера помогла отсечь от бандитского движения сильно мобилизованных и колеблющихся. Они поняли, что в банде безнаказанно не пошалишь, надо, пока не поздно, спасти свой челпан*. За короткий период вышло из гор и сдалось до пятисот бандитов, больше, чем за это же время было убито и взято в плен в боях.

Были приняты и военные меры. В помощь частям 62-й стрелковой бригады перебрасывались два полка 13-й кавбригады и 1-й особого назначения Семипалатинский кавполк. Из Барнаула в Горный Алтай прибыл 3-й Сибирский сводный отряд ВЧК в составе пехотного батальона и кавалерийского эскадрона. Управление военным по-

давлением бандитизма было централизовано: части Красной Армии и ЧОН объединялись в Горно-Алтайскую группу войск под командованием комбрига-62 А. К. Галлинга.

В феврале 1922 года губком партии поставил перед Сибревкомом вопрос о том, чтобы основную часть борьбы с бандитизмом на Алтае возложить на ЧОН, воинские же части использовать как резерв на случай вторжения крупных сил.

Это предложение, вскоре примененное на практике, дало прекрасные результаты.

Принятые меры подсекли корни бандитизма. После временных успехов банды начали терпеть поражение за поражением. 23 февраля 3-й особого назначения Бийский кавдивизион под командованием Минакова выбил Кайгородова и Колесникова из Сентелека, и они покатались вниз по Чарышу, оставляя село за селом.

Но до полного их разгрома было еще далеко.

6

Всего несколько денечков довелось погостить Воронкову в Солонешном, повидаться с родителями, помочь по хозяйству измаявшейся жене, помянуть с дочуркой Маней и малолетним братиком Терешей.

В начале марта пришел приказ командующего войсками Алтайской губернии начальника 21-й Пермской стрелковой дивизии Овчинникова, который по-новому поворачивал тактику борьбы с бандитизмом и возлагал на ЧОН небывалые задачи.

Собрав командиров взводов, Воронков сам начал зачитывать приказ, хотя это получалось у него все еще медленно, вспотычачку.

— «...Для непосредственных боевых действий против банд и уничтожения их назначаю следующие истребительные отряды:

№ 1. В составе 3-го особого назначения Бийского кавдивизиона, 220 сабель под командованием Минакова. Немедленно выступить из Усть-Кана на Абай, найти Кайгородова и уничтожить.

№ 2. 1-й эскадрон 4-го особого назначения Алтайского кавдивизиона, 120 сабель, под командованием Воронкова...»

— Наш? — спросил Печуркин.

— Выходит, наш.

— «Через Усть-Кан, Ябоган перейти в район урочища Каярлык и уничтожить банду Кармана Чегуракова...»

Воронков строго глянул поверх листов

* Голова (местн.).

и вдруг озорно улыбнулся. Сразу стало видно, какой он молодой и отчаянный.

— Ясно?

— Ясно, — заулыбались и командиры взводов, тоже не привыкшие вешать голову перед опасностями.

— Третий и четвертый истреботряды тоже создаются в основном из чоновцев (это я своими словами вам рассказываю). Их задача — уничтожить Товара Чегуракова* и Семенека. А теперь слушайте дальше... «Начальники истреботрядов подчиняются непосредственно мне. Поставленные им задачи должны быть выполнены во что бы то ни стало.

Раз найдя банду, начальник отряда не имеет права упускать ее, он должен вцепиться в нее, весь состав отряда должен быть проникнут одной мыслью: не выпускать банду до тех пор, пока не будет уничтожено ядро банды вместе с главарем. Твердо помнить завет Суворова: «Недолюбленный лес вновь вырастет».

— Правильно! Кайгородова в прошлом году не добились, и он что вышло. С Колесниковым тоже прохлопали...

— Товарищ Печуркин, к порядку. Дай дочитать.

— «...Никаких обозов отряды иметь не должны, каждый начальник отряда должен быть вдвое быстрее банды, инициатива и энергия должны лежать в основе каждого боевого действия. Опираясь на гарнизоны боевых участков, отряды должны истребить бандитов без пощады».

Воронков бережно отложил листки, прикрыл папашой.

— Спокойно, товарищ Печуркин, дай сначала я скажу. Считаю, приказ бьет в самую точку. Красноармейцы не успевают гоняться по горам за каждой бандой. Тем все тропки знакомы, везде — глаза и уши, а красноармейцы часто не знают, что делается за соседней горой. Вот и попадают в засады, гибнут целыми ротами, а то и батальонами. Сколь обозов потеряли с оружием, боеприпасами. Да и в местных условиях они похуже нас разбираются, особенно с алтайцами.

Это узелок не простой. Алтайец Советскую власть толком еще не видел. Привык верить баю. Бай хоть и кровосос, но «свой», а русский — «чужой». Вот бай и вертит им как хочет, в банду за собой тянет. Помню, под Ыныргой взяли мы в плен одного такого вояку. Оборванный, исхудалый, непонят-

но, в чем душа держится. Спрашиваю: «Почему в банду пошел?» — «Бай велел». — «А сам-то ты за кого: за белых или за красных?» — «Не знаю... Я ни белый, ни красный, я самый раз». Вот и потолкуй с ним. В общем, это дите гор, доверчивое, запуганное дите. И обращаться с ним надо как с дитем: с терпением, лаской, а не рубить сплеча.

И по горам мы не хуже бандитов лезть умеем, потому что выросли тут. Бандитам это крепко не нравится. Помню, там же, у Телецкого, одного колчаковца пришлось допрашивать. Вот Печуркин не даст соврать. На что, говорю, надеетесь? Красная Армия Колчака разбила, а с вами-то, как с котятками, управится. Он глазами сверкнул, злой попался гад. «Уберите, — говорит, — чоновцев с гор Алтая, и нам не страшны будут целые дивизии вашей Красной Армии». Ценют, как видите, нашего брата... В общем, по всем статьям нам, чоновцам, сподручней бандитов из гор выковыривать.

Воронков поднялся, одернул гимнастерку, тряхнул непокорным чубом.

— Хорошенько выкормить коней, проверить оружие, амуницию. Утром выступаем на Кармана.

С 13 марта эскадрон завязал тяжелые бои на Ябоганском тракте. На помощь Воронкову подошли 3-й особого назначения Алтайский кавэскадрон (80 сабель) и небольшой отряд куяганских добровольцев. Но бандитов было во много раз больше. Они отрезали 3-й эскадрон и изрядно потрепали его. Тот отошел к Онгудаю. 17 марта западнее Теньги несколько сот бандитов навалились на Воронкова. Отбиваясь, тот начал отходить на запад, по тракту. Уже в потемках остановились у одинокой избы с выбитыми окнами. Лошади и коммунары, утомленные четырехдневными боями, еле держались на ногах.

Разожгли костры, наломали лапнику, повалились спать. Рядом стояли нерасседланные кони, похрустывая остатками овса в торбах. Красноватые блики угасающих костров отражались в усталых лошадиных глазах.

Воронков с Печуркиным, разделенные костром, лежали на остро пахнущих сосновых ветках, курили, смотрели в огонь. Лица у обоих осунулись, заросли щетиной — родная мама не узнала бы.

— С кем хоть воюем? — спросил Печуркин.

* Карман и Товар Чегураковы были родными братьями.

— Должно, с Колесниковым. У Кармана в основном алтайцы, а тут их не видно.

— Колесников хитрая лиса. Еще в партизанах эти места на брюхе облазил. Не придумал бы что-нибудь.

— У меня тоже беспокойно на душе, Петрович. Кого ты к лесу поставил? Там самое опасное место. Не обошли бы.

— Белоануйцев Шилова Филиппа, Панфилова Прокопия, Руденского Якова.

— Ребята надежные. Давай-ка вздремнем немного, глаза как песком засыпаны. А потом я схожу к лесу...

Среди ночи со стороны леса загремели выстрелы. Тонко дзенькнула по камню пуля, жалобно заржал раненый конь.

Неужто оплошали белоануйцы?

— Туши костры! — скомандовал Воронков, отползая в сторону, за камень. — В це-е-п!

Пули защелкали чаще, гуще. К Воронкову подполз Печуркин, без шапки, с темной от крови щекой.

— Не выдержим, командир. Выщелкают по одному. Да и патроны на исходе.

— Вижу! Ранен, что ли?

— Пустяки.

— Вот что... Пока темно, попробуем мелкими группами распылиться по горам. За всеми не угонятся. Сбор в Усть-Кане. Понял? Жми на тот фланг, давай команду.

Через три дня в Усть-Кане собралось около половины эскадрона. Остальных так и не дождались. Пополнились за счет коммунистов окрестных сел. Принимали в порядке исключения и беспартийных, по надежным рекомендациям.

Печуркин привел в штаб худощавого паренька с характерным печуркинским разрезом небольших серых глаз.

— Вот, командир, младший брательник завился, Илюха. Беспартийный коммунист. В ЧОН просится.

— Да уж больно молод.

— Две недели назад девятнадцать стукнуло. А что на вид хрупкий, на это не смотри. Мы, Печуркины, все такие. Силенка у парня есть. Недаром молотобойцем в кузне работает. И вроде не трус. В девятнадцатом связным был у нас, партизан.

— Вон как. — Воронков испытующе глянул на Илью. — Винтовку-то в руках держать умеешь? Нам ведь учить некогда.

— Стрелял.

— Может, писарем пока побудешь?

— Писарем не пойду!

— Образованья-то сколько у тебя?

Илья замялся. Старший брат со смехом ответил:

— Три года во вторую группу ходил, да так и не перешел в третью.

— Что так?

— Как дело к весне — отец забирает его из школы и определяет в батраки. Нас ведь девять человек у него было, а земли совсем не имели. Вот и гнули спину всей семьей до самой революции...

— Ну, эту радость я на своем горбу испытал. В ЧОН-то, Илья, сам идешь или брат сагитировал?

— Сам! — паренек даже покраснел. — Я, товарищ командир, не подведу. Вот увидите...

За окном зацокали копыта, послышалась команда:

— Завертай во двор!

В избу, зацепив за косяк побелевшей винтовкой, ввалился широкоплечий здоровяк с красным от мороза лицом. Отдирая сосульки с усов, проворчал:

— Ну марток, наденешь трое порток. Который из вас товарищ Воронков? Пополнение принимай с Ильинской партячейки.

— Добро. Иду.

Глянул на младшего Печуркина.

— Ну что, Илья... Получай винтовку и шашку. Чур, домой не проситься.

— Слушаюсь, товарищ командир!

В конце марта эскадрон Воронкова снова выступил на Ябоганский тракт.

7

Первому истребительному отряду Минакова на первых порах тоже не повезло. Он гнался за Кайгородовым по Уймонскому тракту до самой Усть-Коксы и только тут разобрался, что воюет вовсе не с ним, а с одним из его помощников — Гориновым. Сам же Кайгородов с главными силами, ловко обманув преследователей, еще под Сугашем свернув в горы, вышел к Каярлыку и соединился с Карманом Чегураковым и Колесниковым.

9 марта объединенная банда окружила Тузкту. Оборонявшие ее две роты 3-го Сибсводотряда, потеряв шестьдесят три человека и израсходовав боеприпасы, с трудом вырвались из кольца и отошли к Шебалино.

10 марта в семи верстах северо-западнее Тузкты банды захватили обоз 185-го полка с продфуражом, оружием и 21500 патронов.

Отправив Колесникова для прикрытия тыла к устью реки Каярлык, Кайгородов основными силами повел наступление на Онгудай, где находились большие продовольственные склады. С юга к нему подо-

шел Товар Чегураков, а всего собралось до 1200 бандитов при четырех пулеметах и нескольких автоматах (ручных пулеметах).

Онгудай обороняли четыре роты, команды конных и пеших разведчиков 185-го полка во главе с командиром полка Д. С. Фроловым и военкомом Е. Н. Исаковым.

Силы были настолько неравны, что Кайгородов не сомневался в успехе. Но маленький гарнизон, заняв круговую оборону, за трое суток отбил двадцать атак. Потеряв более двухсот человек, банды отошли на Туэтку (Кайгородов) и Хабаровку (Товар Чегураков).

Кайгородов двинулся на Уймон, но под Сугашем встретился с обманутым им первым истребительным отрядом и подошедшим к нему на помощь 1-м Семипалатинским кавполком. Не выдержав их натиска, он вернулся на Чуйский тракт, к Шебалино. Взять Шебалино также не смог и ушел в верховья реки Каспы.

Было ясно, что измученные, обложенные со всех сторон бандиты будут во что бы то ни стало прорываться на Уймон — свое надежное убежище. Действовавшим против них 185-му полку, 3-му и 5-му Сибсводотрядам было приказано перекрыть дороги. С этой же целью из-под Топучей перебрасывался в Туэтку первый истреботряд.

Но Кайгородов опередил преследователей. В ночь на 26 марта долиной реки Кура-ты он вышел к Чуйскому тракту и, перевалив его, двинулся по рекам Караколу, затем Терехте на Уймон.

У Чуйского тракта его настиг, наконец, первый истреботряд и начал неотступное преследование. Вслед за бандой он перевалил Теректинский хребет и приблизился к деревне Терехте. До выхода в Уймонскую долину оставалось несколько верст. И тут Кайгородов, послав часть банды на лыжах по горам, сумел окружить чоновцев. С трудом прорвав кольцо, те вынуждены были уйти назад, на Чуйский тракт. На Теректинском хребте их застигли свирепые бураны с морозами. Только обмороженными отряд потерял сорок человек. На горных кручах погибло двадцать лошадей.

Тяжелейшие испытания, перенесенные первым истреботрядом, огромные переходы по горным опасным, начавшим подтаивать тропам, с почти ежедневными боями, засадами, выстрелами из-за каждого камня не дали желаемых результатов.

1 апреля отряд прибыл в Онгудай. В командование отрядом вступил командир 1-го эскадрона И. И. Долгих. Минаков был отстранен за нерешительность.

Эскадрон Воронкова вместе с подразделениями 185-го полка четверо суток вел бой с бандой Товара Чегуракова, оборонявшей Хабаровку. Хабаровка прикрывала путь к одному из проходов в Уймонскую долину, бандиты защищали ее отчаянно. Лишь 2 апреля они были сбиты и покатались по Чуйскому тракту на юг.

5 апреля эскадрон Воронкова достиг крохотного станка Малый Яломан. Товар ушел на Уймон берегом Катуня, надежно закрыв заставами проход у Верблюжьей шейки. После неудачных попыток овладеть им Воронков отошел к Малому Яломану.

На другой день сюда подошел первый истребительный отряд. И люди и лошади в нем носили следы тяжелого и неудачного теректинского перехода.

Впереди на рослом коне ехал сурового вида высокий человек с черными усиками на загорелом, худом, решительном лице. Из-под насупленных его бровей светились мрачноватым блеском зоркие темные глаза. На всаднике была длинная серая шинель с проженной полкой, черные пимы и круглая рыжая алтайская шапка с кисточкой.

Приблизившись к Воронкову, он легко соскочил с покачнувшегося коня и, небрежно козырнув, сказал:

— Командир первого истреботряда Долгих.

— Воронков.

— Имею приказ комвойск губернии взять командование над обоими отрядами.

— Я такой приказ получил. Жду распоряжений.

Воронков с любопытством разглядывал Долгих, возвышавшегося над ним на целую голову. Слышал он о нем немало, а вот встречаться еще не приходилось.

Барнаульский рабочий, участник германской войны, Долгих воевал за Советскую власть еще в восемнадцатом году на Черепановском фронте. Потом командовал эскадронами в отряде Петра Сухова, прошел с ним весь двухтысячестерстный путь, участвовал и в том последнем трагическом бою за Тюнгуром, чудом остался жив, бежал, сидел в тюрьме, был партизаном у Мамонтова, в двадцатом добровольцем ушел на Врангелевский фронт, потом служил в Красной Армии. 25 февраля 1922 года, в разгар боев с Кайгородовым и Колесниковым, принял 1-й эскадрон 3-го Бийского кавдивизиона.

Коммунары за глаза называли его Полтора Ивана, а еще чаще Стенькой Ра-

зиным — вероятно, за крутой, кремневый характер и отчаянную храбрость, которой он удивлял даже чоновцев. А еще, говорят, за длинную красную гимнастерку и длинные волосы. Последняя клочка прилепилась крепче. Вскоре по всему Горному Алтаю всех служивших под командованием Долгих стали называть не иначе, как «разинцами».

В одной из брошенных изб станка с насквозь промерзшими стенами Долгих собрал командиров эскадронов. За грубым столом вокруг разостланной мятой карты двухверстки расположились кто на чем комэск-один Григорий Куличенко, комэск-два Илья Нартов, адъютант Иванюк, Воронков.

Долгих обвел всех мрачноватым взглядом, протруженно кашлянул, начал без предисловий:

— Кайгородова мы проворонили — это факт. Теперь он отсидится до весны, а там начнет все сначала. Опять польется кровь. Этого допускать нельзя. Сами знаете, уезд разорен до предела, алтайцы вымирают целыми семьями, да и наши семьи скоро по миру пойдут. Который месяц бабы одни в хозяйстве маются.

Долгих закашлялся, глаза его стали как горячие угольки.

— Мне вручен приказ комвойск: любой ценой уничтожить Кайгородова до весны. Не выполнив приказа — не возвращаться...

— Легко сказать, — нарушил молчание обычно невозмутимый Нартов. — Под Терехтой попробовали — едва ноги унесли. На Абай, через Громатуху, нечего и соваться. Может, у Верблюжьей шейки попробовать?

— Я пробовал, — сказал Воронков. — Всех людей положим — не пробьемся.

— Ну, а ты что скажешь, Григорий Матвейч? — повернулся Долгих к Куличенко. Недавно назначенный комэском, вчерашний старшина Куличенко смущенно пожал плечами. Тут и более опытные-то ничего придумать не могут.

— Твое слово, Николай Иванович, — Долгих глянул на Воронкова.

Воронков тронул пышный чуб, ответил неторопливо:

— У меня в эскадроне есть толковый смелый алтаец Серьга Глушаев. Партизаны 2-го полка его знают, он у них разведчиком был. Так вот, этот Серьга пытался пронюхать у своих сородичей, нет ли какой тропы через Яломанские белки. Тут ведь напрямки до Катанды не боле сорока верст...

— Запрещаю спрашивать об этом местных жителей, — нахмурился Долгих.

— Да он не прямо, он хитрый. Лошадь, говорит, ушла, не к белкам ли подалась.

Ну, ему в один голос отвечают, что лошадь туда не пройдет. Иногда этим путем ходят, но не на лошадях, наиболее опытные и смелые охотники... В нынешнюю же зиму даже пешего не пропустит Яломан. Перевал наглухо закрыт снегами. Так говорят.

— Так говорят? — с непонятной улыбкой переспросил Долгих.

— Да.

— Хоро-шо.

— Что же хорошего?

— В восемнадцатом, после гибели Петра Сухова, меня спас от расстрела катандинский волостной староста. Выпросил у казаков как специалиста по сельхозмашинам. Пусть, дескать, поработает, прихлопнуть всегда успеем. Так вот, в Катанде я тоже слышал, что кое-кто из местных охотников ходит через Яломан в малоснежные зимы. Но в такую зиму, как нынешняя, никто еще не совался. Там и без снега-то можно дважды два голову свернуть. С белка на Катанду ведут девять спусков, один другого круче. Ну, а мы, — Долгих сделал продолжительную паузу, — этим путем должны пройти.

— Через Яломан? — вскинул голову Куличенко.

— Через Яломан.

Адъютант Иванюк осторожно сказал:

— Сухари кончились, овес тоже.

— Знаю. Потери будут, и, возможно, немалые, но другого пути у нас просто нет. А приказ мы выполним должны.

— Без проводника не пройдем.

— Проводник есть. Василий Андреевич Волков из первого эскадрона. Говорит, не раз ходил через Яломан. Согласен провести.

Долгих поднялся, всем огромным ростом навис над столом.

— Товарищи командиры, на нас возложена задача огромной важности. От того, как мы ее выполним, будет зависеть, быть этим летом долгожданному миру в Горном Алтае или нет. Приказываю: больных, раненых, проводников из крестьян отправить в Онгудай. За ночь заготовить вареного мяса на трою суток. И чтоб ни одна душа прежде времени не знала, куда идем. У Кайгородова уши длинные. На рассвете выступаем на Яломан.

9

Эскадрон Воронкова вышел последним. Длинная изогнутая колонна медленно поднималась по каменистому скату, покрытому неглубоким слежавшимся снегом. Рядом с каждым всадником двигалась его неесте-

ственно длинная тень. Утро выдалось безветренное, морозное. Коммунары привставали на стременах терли носы, щеки, хлопали себя по бокам, доставалось и лошадям.

Воронков стоял обочь, пропуская эскадрон. Заметил у двух бойцов притороченные сзади вязанки с сеном, нахмурился. Где сумели стащить, сукины дети? В горах бескормица. В другое время взгрел бы, но теперь, глядя на пустые арчимаки (переметные сумы), смолчал. Выдержат ли кони такой переход на одном подножном корму? И того пока нигде не видно. Вдруг сердито окликнул:

— Рудаков!

— Я, товарищ командир!

Веселый парень-черноануец повернул голову в барсучьей огромной шапке, в жестком ее меху блеснул лучик красной звезды.

— Почему нагрудник не прицепил? На первом же крутике съедешь с седлом на хвост. Первый раз в горах?

— Не первый, товарищ командир. Только я на крутике всегда слажу. И конюю легче, и мне способней.

— Да у него не конь, а кобыла, — сказал ехавший следом Петр Перетягин, растягивая в улыбке непослушные на морозе губы. — И по весне, конечно, брюхата. Через ее брюхо ни одна подпруга не сползет.

В колонне раздался смех.

Воронков тоже охотно улыбнулся. Хорошо, когда с таким настроением выйдут в поход.

Обогнал эскадрон, поехал рядом с Долгих. Глядя сбоку в его озабоченное лицо, признался вполголоса:

— Одна мысль, Иван Иванович, со вчерашнего дня покоя не дает. Что, ежели какой гад пронюхал и скачет теперь к Кайгородову? Тогда наша карта бита.

— Не успеет, — подумав, ответил Долгих. — Напрямик не рискнет, а кружным путем, через Ябоган, язык высунет — раньше чем на четвертые сутки не доскачет. А мы к тому времени должны успеть...

Справа из ущелья потянул пронизывающий ветер, закурилась поземка.

Долгих тревожно глянул на белесо-голубое небо, на снявший впереди белок.

— Только б не пурга. Пропадем, как куропатки.

— Да вроде не похоже...

Поднялись на плато, поросшее редким кедрачом. Снег становился все глубже и глубже. Лошади проваливались по брюхо, дышали со свистом, тяжело поводя вспотев-

шими боками. Дав им немного передохнуть, всадники снова гнали их вперед. Движение замедлилось, затем совсем остановилось.

— От-ставить! — зычно скомандовал Долгих. — Не мучить лошадей! Спешиться, протапывать дорогу поочередно. Смена через тридцать минут!

В ход пошли клинки и заранее приготовленные деревянные лопаты*. Коммунары вырезали ими большие кубы слежавшегося снега, отбрасывали в сторону. Другие разгребали и утапывали оставшийся снег. Лица работавших заблестели от пота. Неширокая траншея росла метр за метром. Она была такой глубокой, что у ехавших сзади коммунаров были видны лишь головы. Кони рыли копытами низовой снег, жадно хватали редкие желтые стебельки.

Когда снег кончился и сели в седла, почувствовали, как дьявольски устали. К вечеру мороз усилился, полущубки затвердели, холод пробирал до костей.

Шли след в след, все вверх и вверх. Лошади с опавшими, курчавыми от пота боками тяжело брели по скользким камням, и каждый неверный шаг дрожью отдавался в их теле, передаваясь всаднику. И лошади и люди тяжело дышали: воздуха стало не хватать.

Снова — снег. Все пошло сначала. Уже перед заходом солнца вышли на малоснежное место, остановились на привал. Выбившиеся из сил люди сидели и лежали вокруг крохотных костерчиков из можжевельника, который дымил, но не грел. Ничего другого здесь не росло. Рядом, понурив головы, стояли лошади.

День угасал. В лиловый полумрак погружались горы, подавляя своим первобытным величественным безмолвием. Ни человеческого, ни звериного следа... В последних лучах розовел белок, такой же недоступно близкий, как в начале пути.

— И куды забрели? — с сердцем сказал один из коммунаров. — Уже друг друга не узнаем, лошади ребрами стучат, а что дальше будет?

— У Кайгородова, сказывают, боле двух тыщ, — отозвался другой. — А нас горстка. Кто в белках не пропадет — там кости сложит.

— На погибель завел нас Долгих. Вертаться надо, пока не поздно.

* О лопатах местные сторожилы рассказывали ученикам 74-й Барнаульской средней школы, совершившим в июле 1977 года поход по пути отряда И. И. Долгих. Обломок такой лопаты, сделанной из кедровой доски, они нашли на перевале и принесли с собой.

За ночь не отдохнули, а еще больше измучились. К утру ропот стал всеобщим. Он грозил перейти в прямое неповиновение.

Долгих приказал построить отряд.

Встал на серый камень-валун, заговорил резко и гневно:

— Товарищи коммунары! Коммунисты и комсомольцы! Пока мы тут пурхались в снегу, некоторые забыли, кто мы такие. Дак я напомню! Мы есть красные бойцы-чоновцы, гвардия революции! Русский бедняк и алтаец-кочевник ждут, когда мы избавим их от Кайгородова и его кровавой своры. И мы это сделаем! Гляньте, на какую высь мы залетели! До белка рукой подать. С тех пор, как эти горы стоят, ни один воинский отряд тут не проходил. А мы, чоновцы, пройдем! И возьмем Кайгородова тепленьким! Запомните: назад нам пути нет! Первого, кто начнет пускать панику, я пристрелю вот этой рукой! Вы знаете, я слов на ветер не бросаю. А если я скомандую назад, стреляйте в меня. Точка. Митинг закрываю. Вперед!

Двинулись молча. Часа через три сделали привал. Потом снова пошли, чтобы не окопел с голоду. Время уже не измерялось сутками. Шли, пока хватало сил. Потом падали, жевали остатки мяса, по крупинке собирали махру, пуская сигарку по кругу. И снова шли.

Впереди на низкорослой алтайской лошадке ехал проводник Волков, кряжистый молчаливый мужик лет сорока, с зоркими глазами охотника, сейчас до краев набрякшими заботой. Он только тут, на Яломане, понял, какой груз взвалил на себя. Часто останавливался, внимательно глядел по сторонам, ища одному ему известные приметы. Потом двигался, не оглядываясь.

Первыми стали отставать лошади. Бредет-бредет коняга, вдруг упадет на колени, потом на бок — и хоть арканом тащи! Ни плеть, ни пинки не помогают. Только вздрагивает опавшим дымящимся боком, да в глазах почти человеческое страданье. Помучается, помучается коммунары — снимет седло, погладит верного друга по обмерзшему храпу и идет догонять колонну.

Потом стали отставать и люди.

Долгих приказал бросить седла, а ослабевших посадить по двое на лошадей.

К исходу вторых суток вышли на широкое плато, где росло несколько листовенниц — целое богатство. Развели костры, забили лошадь на шашлыки.

Илья Печуркин принес Воронкову и брату Николаю по куску темно-красного обугленного мяса, надетого на палочки.

— Спасибо, товарищ, — сказал Воронков, глотнув слюну. — А соли, случаем, не найдется?

— Соли ни у кого нет, товарищ командир. Я уже спрашивал.

— Ну ладно. Пересол, как говорят, на спине.

Разжевывая крепкими зубами жесткое полусырое мясо, спросил:

— Не жалеешь, Илья, что с нами пошел? Ты ведь беспартийный, и возраст у тебя не призывной, сидел бы дома.

— Не жалею, товарищ командир. Я еще в девятнадцатом в партизаны просился. Не связным, а чтобы воевать. Не пустили. Охота мне было за дядю Петю отомстить.

— За дядю Петю?

— Да. Дядя у меня был, Петр Федорыч Михайлов. Очень добрый, меня любил, баловал, и я его без памяти любил. В девятнадцатом он вместе с братухой Николаем ушел в партизаны. Однажды приехал вдвоем с Терентием Сапожниковым в баню помыться. А в это время Черный Ануй заняли каратели. И одна казачка донесла им, что в селе партизаны. Их взяли, вывели за село и расстреляли. На другой день нам разрешили их поднять. Мы с тетей поехали. Сапожников был уже холодный, закоченевший, а дядя оказался живой. Когда мы его стали поднимать на телегу, он глаза разлепил, увидел меня, прошептал чуть слышно: «Илю-ша...» Положили его на телегу, у него кровь изо рта забулькала, и он тут же скончался. Помирать стану — не забуду, как он позвал меня перед смертью. Будто наказ хотел дать...

От соседнего костра кликнули:

— Товарищ Воронков, к товарищу Долгих!

Долгих потребовал от командиров эскадронов доложить о наличии людского и конского состава. Картина оказалась безрадостной. Лошадей потеряно до полутора сотен, и людей осталось более двух десятков. А многие из оставшихся в бой не годятся.

Долгих молчал, кусая обветренные губы. Потом произнес отдельно и твердо:

— Всех ослабевших оставить. Пусть идут следом, как могут. Остальным приготовиться к маршу. До спуска осталось пять-семь верст. На рассвете атакуем Катанду.

Воронков недоуменно посмотрел на него.

— Как же бросать боевых товарищей на произвол судьбы? Случись пурга — пропадут.

В голосе Долгих прозвучала несвойственная ему мягкость:

— Другого выхода у нас нет. Не успеем

выйти на степь до рассвета — все пропадем.

За час до захода солнца триста всадников двинулись в последний переход.

Спуск становился все круче. Дорогу пересекла широкая наледь, образованная стекавшим здесь ручьем. Комэск-один Куличенко первым выехал на лед. Вдруг конь подскользнулся и, как на катушках, покатился вниз, к пропасти. Куличенко в последнее мгновение успел выскочить из седла. Сидя на льду, он с ужасом глядел вслед исчезающему коню. Оттуда донеслось жалобное ржание, глухой удар, и все смолкло. По впалой щеке Куличенко поползла слеза.

— Бойцы смотрят, — сурово сказал Долгих.

— Два года... Два года с ним не расставался... Сколь разов мне жизнь спасал...

Коммунары, спешившись, клинками начали расковыривать полированную ледяную гладь, чтобы хоть за что-то можно было зацепиться конскому копыту.

Подошли к обрывистому спуску. В сумерках уже не видно было, где он кончается и чем.

— Куда ты нас завел? Тут костей не соберешь! — накинулись коммунары на проводника.

Волков морщился, как от боли, уговаривал своим густым мягким голосом:

— Да вы, ребята, не робейте. Маленько на задку прокатитесь, эка беда! Спуск ровнехонький, всего сажень двести, а внизу прилавок. Другой дороги все равно нет.

К обрыву протолкался пеший Долгих.

— В чем дело? Почему остановились?

Взглядом уперся в рослого чоювца с обмороженным лицом.

— Командир взвода, вперед!

— На погибель?!

Долгих расстегнул кобуру.

— Вперед!

— Эх-х!..

Командир взвода дернул за повод упиравшегося коня, и оба покатились вниз.

Долгих перевел взгляд на другого:

— Вперед!

Один за другим бойцы и кони исчезали внизу, в темноте. Особо упиравшихся лошадей валили на бок и спихивали вниз. Долгих спустился последним.

Когда там, внизу на площадке, собрались и оглядели друг друга, удивились:

— Целы!..

Лишь несколько лошадей разбилось при спуске, да один боец сломал руку. Синяки и царапины в счет не шли.

Второй спуск преодолели уже с меньшей боязнью, за ним — третий, четвертый... Ночь

уходила. Долгих торопил изо всех сил. Отставших не ждали. Подойдя к очередному обрыву, катились вниз, разбивались, калечились в темноте и спешке. Только щебенка шуршала, глухо ударялись живые тела о камни, слышался сдавленный стон да ржанье лошадей... На каждом прилавке отряд становился все меньше и меньше...

Катандинский кулак Коробов был разбужен на заимке резким стуком в дверь.

— Кого там нелегкая несет? — удивился старик, с трудом оторвав голову от мягкой подушки. — Кажись, ишо первые петухи не пропели. — Подумал: «Должно, кайгородовские молодцы пасуху не допраздновали. Не миновать лезть в подпол за брагой».

Кряхтя, сунул ноги в пимы, засветил лампу, откинул крючок. То, что он увидел, заставило его похолодеть от страха, хотя старик был не из робких.

В избу, бряцая оружием, ввалилась группа людей, похожих на призраки — до того они были обледенелые, изможденные, оборванные. Передним был страховидный, ростом под матицу верзила с горящими, как угли, глазами и наганом в опухшей лапе.

— Кайгородов в Катанде? — хрипло спросил он, наставляя наган на хозяина.

— Где ж ему ишо быть...

— Кто еще с ним?

— Да вы кто такие?

— Отвечай!

Несмотря на испуг, старик заметил, что всех вошедших била дрожь. Их трясло, как в лихорадке, они еле держались на ногах. Но то был не страх, страха в их глазах не было. Старик вдруг понял, кто его незваные гости. «Неуж, дьяволы, с белков свалились? Свят, свят...»

Его толкнули на середину комнаты, посадили на табуретку. Лампу отобрали, погасили. Он покорно начал рассказывать.

— В Катанде у Кайгородова народу немного. Ударная сотня, сотня личной охраны, но от ей, сказывают, не боле шести десятков осталось с последнего похода. Штаб, само собой, лазарет...

— Где остальные?

— В Усть-Коксе и Тюнгуре. Оттуля ждуд гостей...

— А отседа не ждали?

— Промашку дал Кайгородов...

Раздался смех, хриплый, простуженный. Старик удивился. Они еще смеяться могут...

Долговязый спросил:

— Из жратвы что есть?

— Сухарей мешка два в амбарушке, сало. Солонина в подполье.

— Лошадей сколько?

— Двадцать. Дык то кайгородовские!

— А нам без интересу. Товарищи командиры, пересчитать людей, покормить. Лошадей раздать. Воронков! Ребятам надежнее в разведку! Чтоб не спугнули. Теперь все на волоске.

К заимке спустилось сто пятьдесят человек — половина из тех, что двинулись с последнего привала. Лошадей уцелело вдвое меньше.

В пять часов, немного отдохнув и подкрепившись, они двинулись на Катанду.

До нее оставалось четыре версты.

Одна группа во главе с Куличенко отделилась, пошла вправо, на Абайское седло. Воронков с другой группой двинулся на Тюнгурскую дорогу. Ни одна бандитская душа не должна была вырваться из Катанды и привести помощь атаману!

Остальные чоновцы во главе с комэском два Нартовым и его политруком Н. Ф. Шведовым пошли прямо на село.

Оставив лошадей, группа Воронкова под прикрытием кустарника подползла к заставе, охранявшей Тюнгурское седло. На обочине, в полупещере, горел костер, что-то варилось в котле, наверно завтрак. Вокруг костра в спокойных позах сидели и лежали бандиты. Один из них встал и прошелся вприсядку, видимо, разогреваясь.

Как бандиты наступали,
Пулеметы чикали,
Комиссары удирали,
Только шпоры брякали.

— Огонь! — скомандовал Воронков и швырнул в костер последнюю оставшуюся у него гранату. Грохнул взрыв, котел опрокинулся, все заволжало дымом и паром. С бандитами было покончено.

Вскоре со стороны Катанды послышался быстро приближавшийся стук копыт.

Воронков щелкнул затвором.

— Приготовиться! Залпом!

Несколько всадников прорвались сквозь огонь и наметом пошли на Тюнгур.

— За мной! — крикнул командир взвода Емельян Васильев, вскакивая на коня. За ним устремились Князев Петр и еще десяток чоновцев.

Вскоре они вернулись, ведя в поводу четырех лошадей. На двух сидели связанные бандиты, две другие были с вьюками.

— Важных птичек поймали! — сказал разгоряченный боем Емельян Васильев. — Вот этот, седой, комендант Катанды пол-

ковник Толеев, а другой — главный интендант поручик Толмачев. Драпал со всех ног, а мануфактуру не забыл прихватить.

Васильев кивнул на вьюки, сплюнул.

— Никто не ушел?

— Не. Одного чуть не упустили. Больно лошадь у гада была хорошей. Спасибо, Князев сумел достать его пулей. Тоже из начальства оказался. Кискин, командир сотни Товара Чегуракова.

— А где сам Товар?

— Эти сказывают: Кайгородов его за сдачу Хабаровки запер в амбар и сжег.

— Вот зверюга!..

10

Группа Нартова, наступавшая на Катанду, удачно сняла у поскотины двух задремавших часовых. От них разило самогоном. Затем, опепляя двор за двором, коммунары начали повальный обыск в каждом доме, сарае, амбаре, чердаке, погребе. Бандиты, не ожидавшие нападения, к тому же хорошо гульнувшие на пасеке, выскочили в полуодетые, с опухшими испуганными лицами. Некоторые сразу поднимали руки, другие пытались обороняться, но скоро падали под пулями, штыками и клинками чоновцев. Лишь немногие успевали вскочить на лошадей и кинуться в сторону Тюнгура или Усть-Коксы. Но далеко уйти не могли.

На крыльце одного из домов выскочил высокий человек во всем кожаном, крикнул властным голосом:

— Что за стрельба? С ума посходили!

— Ты кто такой? — спросил оказавшийся рядом старшина 2-го эскадрона Тихон Михайлов.

— Сдурел? Я Кайгородов.

— Тебя-то нам и надо!

Грохнул выстрел. Кайгородов схватился за грудь. Прежде чем он скрылся за дверью, Михайлов успел выстрелить второй раз. И кинулся вслед за Кайгородовым. За ним ворвались в дом Пастухов, Килин, Рудаков, Попов. У дома на охране остались Печуркин, Бородкин, Чеканцев.

Вскоре дверь открылась, показался запыхавшийся Михайлов.

— Помогите, ребята. Тяжелый, черт. В подпол успел сигануть, оттуда уже мертвого вытащили. Должно, отравился, вон какая пена изо рта. Печуркин, добудь сани, повезем в штаб.

В воспоминаниях одного из коммунаров говорится, что Кайгорова стащили с кыльца, раздели. Яловые сапоги его взял Рудаков Иван из Черного Ануя. Он был почти

бос. Тужурку и брюки хромовые коричневые поделили между собой Василий Чеканцев, тоже черноаунец, и Никанор Бородкин из Ильинки.

Тело атамана бросили в голые сани и повезли в штаб.

Долгих, адъютант Иванюк и несколько связанных окружили сани и с нескрываемым любопытством разглядывали крупное тело Кайгородова, запекшиеся раны на его груди, темное лицо с черными смятыми усами, плотно закрытые глаза.

— Ну вот, — устало сказал Долгих, — крышка Кайгородову.

— А ведь, пожалуй, не поверят, что мы его укоали, — отозвался Иванюк. — Самим-то еще не верится.

— Поверят. Пиши донесение.

В тот же день истребительные отряды двинулись на Усть-Коксу. Надо было до конца использовать фактор внезапности и, кроме того, как можно скорее уйти из бандитского логовища. Уймон мог стать западней для горсточки отважных.

Солнце пригрело уже по-весеннему, дороги начали проваливаться, а коммунары были в полушубках и пимах, изодранных на Яломане.

Банды Кармана Чегуракова, Колесникова, Кучукова, Погребных отчаянно сопротивлялись. Бой за Верхний Уймон шел двенадцать часов; эскадрон Нартова, захвативший Усть-Коксу, более суток выдерживал натиск банды Кармана Чегуракова и вынудил его снять осаду.

За время этих боев, включая захват Катанды, чоновцы потеряли убитыми тридцать человек.

13 апреля в районе сельца Тюгурюка, западнее Усть-Коксы, отряд Долгих встретился с 1-м особого назначения Семипалатинским кавполком, двигавшимся от Усть-Кана.

Около десяти суток вышестоящие штабы ничего не знали о судьбе первого и второго истребительных отрядов.

Наконец 13 апреля командир 185-го полка в разговоре по прямому проводу доложил командиру бригады в село Алтайское, что к нему в Онгудай прибыли гонцы от Долгих с донесением. В нем сказано, что истребительные отряды, переехав Яломанские белки и потеряв во время перехода более половины личного состава, на рассвете 10 апреля атаковали Катанду. Кайгородов и его штаб уничтожены, взято в плен сорок бандитов, захвачено 486 винтовок, два пулемета, тридцать тысяч патронов и двести лошадей.

Радостная весть о блестящей победе чоновцев понеслась по проводам в Барнаул, Новониколаевск, а оттуда по всей Сибири.

Командующий ЧОН Сибирского военного округа С. Д. Павлов в поздравительной телеграмме обязал в срочном порядке представить всех отличившихся к наградам, а части — к знаменам. Неделю спустя поглавком по Сибири Петин вновь потребовал представить наградной материал с таким расчетом, чтобы награды могли быть утверждены реввоенсоветом до 1 мая.

Но истребительные отряды находились в непрерывных боях за сотни верст от штабов. Связь с ними была плохая. К 1 мая были награждены высшей наградой Республики — орденом Красного Знамени — лишь два человека: Долгих и старшина 2-го эскадрона Тихон Михайлов, смертельно ранивший Кайгородова.

Михайлов не успел получить орден. 17 мая в неравной схватке под Солонешным он был зарублен бандитами. Приказом ЧОН Сибири отважный човец, коммунист Тихон Прокопьевич Михайлов, 1892 года рождения, крестьянин села Огни, был навечно зачислен в списки своей части, а его красноармейский паек выдавался семье.

Лишь 15 мая Долгих представил командующему ЧОН губернии «описания подвигов» для награждения орденом Красного Знамени на тринадцать наиболее отличившихся участников разгрома Кайгородова.

Вот они, эти люди:

Воронков Николай Иванович, Куличенко Григорий Матвеевич, Нартов Илья Яковлевич, командир взвода 1-го эскадрона Казанцев Григорий Андреевич, командир отделения 1-го эскадрона Воронов Николай, коммунар 1-го эскадрона Благинин Арсений Михайлович, автоматчик (ручной пулеметчик) 2-го эскадрона Рагулин Захар, командир взвода 2-го эскадрона Васильев Емельян, политрук 2-го эскадрона Шведов Николай Федорович, командир отделения 2-го эскадрона Петров Яков, коммунар эскадрона Воинов Григорий, коммунар эскадрона Воронкова Князев Петр Иванович и коммунар 1-го эскадрона Волков Василий Андреевич, проводник отряда.

В представлении на Волкова Долгих писал:

«...Только благодаря знанию тов. Волковым местности отряду не пришлось утонуть в снегу в Теректинских Альпах. Сделай тов. Волков один ложный шаг, и отряд целиком постигла бы неминуемая гибель».

Семеро из них почему-то не получили наград: Н. И. Воронков, Н. Воронов, З. Ра-

гулин, Н. Ф. Шведов, Г. Воинов, П. И. Князев и В. А. Волков. Объяснения этому факту в документах не нашлось.

После гибели Кайгородова бандитское движение пошло на убыль. Группами и в одиночку бандиты выходили из гор и сдавались в плен. Только в апреле сдались известные главари банд Семенек, Штанакон, Словарецкий, Себешев, Манеев, Дудин.

Но говорить о полной победе было еще рано. Скрылся в ущельях Аргута Карман Чегураков. Бежал с Уймоны Колесников. Объединив несколько банд, он объявил себя преемником Кайгородова. Но недолго был «преемником». 20 апреля в верховьях Ябогана его настиг 186-й полк. Потеряв знамя, штаб, два пулемета и больше половины людей, Колесников с остатками банды бежал в район Тележихи, своего родного села. Великолепно зная местность, изворотливый и хитрый, он умело избегал встреч с красноармейскими частями, внезапно появлялся в селах, грабил, убивал коммунистов. На борьбу с ним были переброшены с Уймоны первый и второй истребительные отряды.

17 мая эскадрон Воронкова настиг банду Колесникова, численностью до двухсот человек в районе горы Толстой (пять-шесть верст западнее деревни Туманово) и навязал ей бой.

Команда разведчиков во главе с Филиппом Вящевым преградила банде путь на гору Будачиху. Коммунары Суставов Николай, Кирьянов Игнат, Зарубин Фирс, Казанцев Устин, Бородкин Никанор сумели подобраться к Колесникову на 30—50 сажен. Он стоял на скате горы, в бинокль наблюдая за боем. Чоновцы хотели взять его живьем, но он, заметив опасность, вскочил на лошадь и пустился наутек. Меткая пуля догнала бандитского главаря.

Бой продолжался шесть часов. Банда, потеряв пятьдесят два человека убитыми, в том числе самого Колесникова и командиров сотен Казанцева и Минакова, бежала по разным направлениям.

За разгром Колесникова Воронков был награжден орденом Красного Знамени. Его орденская книжка хранится в краевом краеведческом музее.

11

Семипалатинский кавполк, оставленный для охраны Уймоны, был разут и раздет. Из-за плохого снабжения и слабой политической работы дисциплина в полку пошатнулась. Кончилось тем, что 17 июня полк

самовольно двинулся вверх по Катунь до-мой, в Бухтарму.

Этим немедленно воспользовался Карман Чегураков. Освобожденный с таким трудом край снова оказался во власти бандитов. Лишь Усть-Коксу Чегураков взять не мог. Находившийся в ней 3-й особого назначения Алтайский эскадрон под командованием Алексея Хивинцева и восемьдесят бойцов самоохраны несколько суток отражали яростные атаки бандитов и вынудили их отступить.

6 июля в Усть-Коксу прибыл из-под Солонешного 1-й истребительный отряд Долгих. И лошади, и люди были измотаны длительным маршем по размытым ливнями дорогам, переправам через вздувшиеся реки. Но в ту же ночь Долгих, подчинив себе 3-й кавэскадрон и самоохрану, стремительным ударом смял передовые отряды бандитов, занимавших деревни Терехту и Горбуново. Те кинулись к Нижнему Уймону, но на берегу Катунь были настигнуты. Лишь немногие, побросав оружие и лошадей, успели переправиться через реку и уйти в горы.

К вечеру Долгих вышел к устью Аргута. Вся Уймоныя долина была очищена в один день. Захвачены большое количество скота, лошадей и вьючный обоз с хлебом, мануфактурой, солью.

Но дальнейшее наступление надолго приостановилось.

Аргутское ущелье — самое грандиозное на Алтае. Рассказывают, что раньше два всадника, встретившись на тропе, проходившей на головокружительной высоте, метали жребий, чью лошадь стаскивать в пропасть: разъехаться было невозможно. Немало притоков имеет Аргут: Карагем, Юнгур, Шавла, Кокса, Ядыгем, Каир. И каждый из них — это бурный грохочущий поток, стиснутый мрачными, почти отвесными скалами. Соединив их силу, Аргут, гремя и пенясь, прорывается через глубокое ущелье в Катунь против бома Юхтенер.

Аргут — надежная крепость бандитов. Здесь не раз отсиживался Кайгородов. Теперь сюда скрылась банда Кармана Чегуракова — до четырехсот человек.

На берегу Катунь Долгих нашел лишь три старенькие двухвесельные лодки. На одной из них попровесали переправиться. Бурным течением ее ударило о камни, выбило дно. Коммунаров с трудом удалось вытащить из ледяной воды, но оружие и седла утонули.

Позже нашли еще семь лодок, но две из них разбились при первом же рейсе. Долгих приказал строить баркасы. Вскоре ему уда-

лось перебросить часть сил на правый берег. Остальные расположились гарнизонами по селам Уймаона.

В подчинение Долгих, назначенного начальником Уймаонского боеучастка, перешли, кроме его истребительного, 3-й Алтайский кавэскадрон, возвращенный из Бухтармы 1-й Семипалатинский кавполк и две партизанские сотни, сформированные из крестьян уймаонских сел, добровольцев.

Однако значительный численный перевес чоновцев не играл существенной роли. Бандиты оборудовали в скалах окопы и бойницы. Надежно укрывшись в них, они встречали коммунаров градом пуль, сбрасывали камни и самодельные бомбы. Камнепады причиняли особенно большой урон конскому составу. Но лошади выходили из строя не только в бою. Многие из них расковались, а местность была — сплошной камень. Долгих в своих донесениях чаще просит подковы и юхнали (гвозди), чем боеприпасы.

Бои приняли затяжной изнурительный характер. Они шли за каждую скалу, каждую бойницу. Каравкатся туда порой приходилось на четвереньках, потому что лошади этот подъем не брали.

Лето стояло холодное и дождливое, среди коммунаров начались массовые малярийные заболевания. 3 августа уже выпал снег, а зимнее обмундирование еще где-то шло. Который месяц совершенно не было медикаментов, табаку, мята, чаю, сахару.

Измученные бойцы роптали:

— Все ляжем под Аргутом, но в лоб его не возьмем. Надо искать обход.

Но обхода никто не знал. Осада грозила затянуться до бесконечности. Помог случай.

В середине августа Карман Чегураков, испытывая большие затруднения с продовольствием и боеприпасами, оставил за себя начальника сотни Якшира, а сам с частью банды (160 человек) двинулся горными тропами к Кош-Агачу. Вступив в бой с находившейся там погранротой, он захватил полсела, но вскоре к пограничникам подошло подкрепление, и они выбили его.

В этом бою участвовал и известный бандитский главарь Тужлей Ташкинов, еще в апреле с семьей и остатками своей банды перекравшийся в Аргут. В Кош-Агаче Тужлей, не поделив с Карманом захваченные товары, пытался его убить, но неудачно. Спасая свою жизнь, он бежал под Онгудай.

Об этом стало известно нашему командованию. Тужлею с одним из его бывших бандитов было направлено письмо с предложением сдаться. Он ответил: «Пусть тот, кто писал, придет ко мне сам».

Для переговоров с ним выехала политрук 7-го особого назначения Алтайского кавэскадрона Анна Васильевна Шулфер-Тозыякова.

Об этой отважной женщине стоит немного рассказать.

Дочь бедного алтайца, батрачка, она в 1916 году сбежала от пьяницы-мужа и уехала санитаркой на фронт. В октябре 1917 года судьба забросила ее в Петроград. С санитарной сумкой на боку она участвовала в штурме Зимнего дворца.

Домой вернулась в феврале 1918 года. По всей стране к тому времени победно прошагала Советская власть, разбив оковы классового и национального гнета. Но в родном Чепеше по-прежнему всеми делами верховодили староста и бывший зайсан. В Улале засела Каракорум-Алтайская горная управа, состоявшая в основном из баев и буржуазных националистов. Стремясь сохранить свое господство, они твердили темным и забитым кочевникам: «Гоните русских из наших гор. Алтай для алтайцев». Шла подготовка к созданию «независимого» государства Ойрот.

На сельском сходе Агна смело выступила в защиту Советской власти и женского равноправия. Женщина говорила, как равная, на собрании мужчин. Она осмеливалась перечить даже баю! Это была неслыханная дерзость. «Кермес (злой дух) вселился в женщину!»

Она была арестована, но вскоре бежала в Бийск, вступила в красногвардейский отряд. Вместе с отрядом выехала в Забайкалье на борьбу с атаманом Семеновым. После контрреволюционного переворота вновь оказалась в тюрьме. Участвовала в партизанском движении. На родину вернулась лишь в августе 1920 года. Работала женоргом при уюке партии. В 1922 году ее назначили политруком 7-го особого назначения Алтайского кавэскадрона. Так стал называться после переформирования 4-й Алтайский кавдивизион. Командиром-эскадрона был Николай Воронков, бывший командир грозного для бандитов истребительного отряда № 2.

...Верстах в пяти от Онгудая Тозыякову провели в юрту, хорошо укрытую от посторонних глаз. В юрте за столиком с аракой и мясом сидело несколько хорошо вооруженных алтайцев. С любопытством, презрением, страхом уставились они на молодую женщину в выгоревшей красноармейской гимнастерке. Но вот один из них, коренастый, большеголовый, сделал повелительный жест, и все покинули юрту.

— Я Тужлей, — сказал большеголовый.

Так вот он какой, Тужлей!.. Даже среди бандитов он был известен своей жестокостью и вероломством. В девятнадцатом вырезал пол-Теньги, в двадцать первом на Белом Боме заманил в засаду и целиком уничтожил эскадрон 59-го полка. Теперь у Чуйского волка, похоже, выбиты клыки. Хотя и пытается держаться важно, но в улыбке, с которой пригласил женщину-комиссара за стол, было что-то заискивающее.

Тозыякова протянула мандат. Тужлей, прочитав, бросил его в огонь.

— Что надо красным командирам?

— Карман хитрее лисы. К нему обратиться трудно. А он, если захочет, найдет вас и здесь. В ваших интересах помочь нам уничтожить Кармана.

— А вы не прихлопнете меня раньше?

— В любом аиле вам скажут: ни один из тех, кто сдался добровольно, не пострадал от Советской власти.

Тужлей залпом выпил стакан араки. Скуластое полное лицо его цвета старой меди покрылось испариной. Долго сидел неподвижно, глядя узкими щелочками глаз на меркнувшие угли очага. Наконец сказал:

— Я согласен.

Сведения, которые он сообщил, были чрезвычайно ценными. Он не только раскрыл всю систему расположения и охраны банды Кармана Чегуракова в Аргуте, но и согласился провести туда чоновцев.

23 августа из Онгудая двинулась по Чуйскому тракту на юг группа в составе 7-го Алтайского и 6-го литерного кавэскадронов общей численностью сто девяносто сабель. Командовал группой начальник Чуйского боеучастка В. В. Кочкин, герой разгрома банд Штанакова и Словарецкого.

В голове группы ехал Тужлей.

Сведения, сообщенные Тужлеем, были переданы по прямому проводу и Долгих. Ему также приказано было немедленно перейти в наступление.

Группа Кочкина миновала Хабаровку, перевал Чике-Таман, у средней переправы, чтобы не заметил бандитский пост с Верблюжьей шейки, переправилась на лодках через Катунь, прошла Сальджар, Верх-Иню, на исходе ночи спустилась вновь к Чуйскому тракту. Здесь передневали в ущелье, ночью вышли на берег Чуи.

Ни одной лодки найти не удалось. Тужлей сам отыскал мелкое место, стали переходить вброд. Вода сбивала с ног, но обошлось благополучно. Миновав Чую, стали подниматься по логу, подошли под перевал. Здесь закололи лошадь, подкрепились,

обогрелись у костров. С белков тянул ледяной ветер, там уже выпал снег. Пошли на перевал по скату, заросшему кедром.

— Ночь была такой темной — головы коня не видно, — вспоминает участник этого похода П. В. Перетягин, проживающий ныне в Усть-Кане. — Даже Тужлей несколько раз сбивался с тропы, спешивался, свистел спичкой. Я ехал за ним следом со знаменем на пике. Когда вышли на вершину, обнаружили, что потеряли выюк с патронами. Долго искали.

Тужлей сказал:

— Теперь надо верст пятнадцать галопом бежать. Как только спустимся с горы, там будет застава, человек десять. На заставе не разберутся сразу, кто мы.

Так и вышло. Заставу взяли без выстрела. Еще по совету Тужлея послали взвод в обход, чтобы отрезать Карману путь отступления. Но взвод попал в болото и своевременно выйти не мог. Ночь кончалась. Кочкин дал команду наступать.

Когда чоновцы высочили из леса, они увидели перед собой довольно большую поляну. На дальнем ее конце, у горы, стояли три юрты, а неподалеку от них белела палатка. К палатке было прислонено знамя на казацкой пике. Тут же паслись овцы, коровы, лошади. Из одной юрты вился дымок, в остальных, видимо, еще спали.

— Должно, штаб! — на ходу крикнул Воронков, указывая на палатку. — За мной!

Из палатки высочил человек в офицерском френче, испуганно завертел всклокоченной русой головой. Николай Печуркин на скаку выстрелил. Человек упал. Вслед за ним из палатки высочил второй, тоже в офицерской форме, но босой. Сломя голову кинулся к болоту, мелькая голыми пятками в росистой траве. По нему открыли огонь, но лишь ранили. Хромая, он скрылся в кустах на той стороне болота. Двух офицеров застрелили прямо в палатке.

Разбуженные шумом боя, из юрт выскакивали полуодетые, растерянные бандиты. Одни пытались отстреливаться, другие пустились наутек, третьи сразу сдавались.

Долина реки Ачик, где находились штаб Чегуракова и основная его продовольственная база, большие стада скота, была занята без потерь. Это случилось 26 августа. А через два дня сдался и Карман Чегураков.

Банда Чегуракова была разбросана по Аргуту и его притокам на значительном пространстве. Деморализованная внезапным вторжением чоновцев в самое сердце ее владений, куда три года не ступала нога красноармейца, она не сумела оказать ак-

тивного сопротивления. Одной из главных причин было то, что подавляющая часть бандитов поняла бесперспективность борьбы и лишь выжидала случая, чтобы сдать, тем более, что добровольно сдавшимся Советская власть гарантировала свободу.

Тужлей и Чегураков, получив в свое распоряжение небольшие отряды, приняли сами вылавливать недавних сообщников.

В течение нескольких дней сдалось около трехсот бандитов, было взято большое количество оружия, скота, разного имущества. Из аргутских ущелий было выведено также около ста семей беженцев (алтайцев и русских кулаков). Им была дана возможность вернуться домой, к мирному труду.

Лишь три небольших группы бандитов не пожелали сдаться. Две (Шадрин и Алагызов) были вскоре ликвидированы, третья во главе с колчаковскими офицерами Чудиновым и Булановым ушла к монгольской границе. В погоню за ней был отправлен взвод из эскадрона Воронкова под командованием Черепухина. В этом взводе находился и молодой чоновец Илья Печуркин. В осеннюю непогоду и распутицу взвод прошел до самых верховьев Ясатора, а затем горами до Кош-Агача. Но следов банды не обнаружил.

2 сентября в долине реки Шавлы (приток Аргута) группа Кочкина соединилась с частями Уймонского боеучастка под командованием Долгих, с боями вышедшими сюда из устья Аргута. С последней крупной бандой на Алтае было покончено.

Части особого назначения, измотанные девятимесячными непрерывными боями, двинулись к местам расквартирования.

Началась демобилизация коммунаров.

Многие из них не вернулись домой. Они погибли от бандитских пуль, в бездонных пропастях Алтайских гор, бурных реках и вечных снегах белков. Погибли не даром. Кровью чоновцев оплачена мирная счастливая жизнь народа в горах и долинах Алтая.

Родина высоко оценила их беспримерные подвиги. Около пятидесяти бойцов и командиров ЧОН Алтая были награждены орденом Красного Знамени.

Сдав винтовки, чоновцы остались верными солдатами партии, активными строителями новой жизни. Они шли туда, где было всего труднее и опасней, и выполняли свой долг с той же самоотверженностью и предельным напряжением сил, с какой штурмовали когда-то Яломанские белки. Чоновцы организовали первые коммуны и первые колхозы, строили первые фабрики и заводы, были в числе первых ударников и стаханов-

цев. А когда началась Великая Отечественная война, первыми ушли на фронт.

Вот как сложилась жизнь одного из них — Николая Ивановича Воронкова.

Он служил в ЧОН до их полного расформирования, то есть до конца 1924 года. Был командующим ЧОН Ойротской автономной области, потом снова командиром эскадрона. Демобилизовавшись из Красной Армии в 1925 году, вернулся в Горный Алтай. Работал партийным следователем, заведующим областным отделом местного хозяйства, директором леспромхоза, председателем Ойрот-Туринского горисполкома, заместителем председателя облисполкома. С ноября 1934 года он председатель Павловского райисполкома, но через три года переводится по состоянию здоровья директором Зеркальской МТС.

Этот перечень должностей, может быть, не так характеризует бывшего чоновца, как два интересных штриха его биографии. Об одном из них рассказывала его вдова Зоя Михайловна:

— Коля в школе-то ни одного дня не был, а от людей отставать не хотел. Да и работа ответственная была, она подгоняла. Вот и учился всю жизнь самоучком. Бывало, лягу спать, а он целую ночь читает, пишет, как только голова выдерживала. Что сам не одолеет, к учителям идет.

И еще одна деталь. В музее Барнаульской школы № 52 хранится старый, в красной потертой обложке томик Ленина издания двадцатых годов. Он весь испещрен пометками Воронкова, тот не расставался с ним многие годы. По Ленину сверял жизнь вчерашний батрак.

Великая Отечественная война застала Воронкова в Барнауле на должности начальника конторы Вторчермета. Ему уже сорок пять, сердце пошаливает — изнасил конь. Но разве может старый чоновец отсиживаться в тылу, когда над Родиной нависла смертельная опасность, а многие его товарищи уже воюют?

Он отказывается от брони, пишет заявление за заявлением в военкомат, горком партии. Наконец в августе сорок первого отправляется на фронт, участвует в боях под Москвой, Керчью, Сталинградом.

Здесь 4 декабря 1942 года майор Воронков пал смертью храбрых...

История ЧОН Алтая — одна из интересных, героических, но пока малоизученных страниц борьбы за укрепление Советской власти в нашем крае.

У Владимира Косарецкого за плечами нелегкая жизнь. Глазами семилетнего мальчика он увидел и испытал ужасы войны...

В настоящее время Косарецкий заведует сельскохозяйственным отделом газеты «Новая жизнь». Заочно закончил Славгородский сельскохозяйственный техникум. А до этого много лет работал шофером.

Стихи публиковались в газетах, альманахе «Алтай», в журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент», коллективных сборниках.

Владимир КОСАРЕЦКИЙ

ОТВЕТ

* * *

Мне говорят:

— Ну что ты там в селе!..
Закинуть можно. Выбирайся в город.
Поторопись, покуда еще молод.
Тут, в городе, намного веселей.

Что вам в ответ, друзья мои, сказать!
Я против.

И открыто заявляю:

— Село меня вскормило, словно мать.
А разве матерей своих меняют!

* * *

Меня туманы свежестью поили
И по ночам баюкал коростель.
А стог душистый предлагал постель,
Чтоб я проснулся в бодрости и силе.

Пробив непрочный облачный шатер,
Ко мне луна спускалась караваем,
И, головням погаснуть не давая,
Пылая, звезды падали в костер.

Звучаньем сотен разных голосов
Мне пело гимн утиное болото...
Благодарю за все тебя, охота, —
За звон ручьев и за приют лесов,
За крылья для душевного полета.

Кот, мурлыча, жмурится спросонок.
У ворот стоит в упряжке конь,
А в сарае мордочкой теленок
Тычется в хозяйскую ладонь.

Ждет, когда дадут ему напиться
Из ведра парного молока.
Утро ясноглазое сочится
Сквозь косую щель у потолка.

Улыбаясь ведреной погоде,
Бригадир выходит на крыльцо,
И подсолнух рыжий в огороде
Повернулся к солнышку лицом.

Пропылила по селу трехтонка,
Тракторный пускач забормотал.
Рано пробудившийся металл
Сеном и бензином пахнет тонко...
Сенокосный день опять настал.

ОТГОЛОСКИ ДЕТСТВА

Когда ночью гудят провода,
Предвещая ненастья угрозу,
Мне сдается: бомбить города
Где-то в небе летят бомбовозы.
Выключаю немедленно свет.
Припадаю к подушке щекою,
И глаза, хоть опасности нет,
Как малыш, заслоняю рукою.

И мерещится, как наяву:
Бомбы веером сыплются с неба
На дома, на обозы, в траву,
На сокровища спелого хлеба.
Люди мечутся, как муравьи,
От удара внезапного грома,
И лежит мой товарищ в крови
У останков разбитого дома...
Когда ночью гудят провода,
Пропишите мне, медики, средство,
Чтоб в себе заглушить навсегда
Отголоски далекого детства.

* * *

Вот и сирень разделась.
Первые холода.
Крошевым белым-белым
Запорошило даль.
Скоро скрипеть полозьям,
Если земля бела.
А посмотрю на озеро —
Черное, как смола.
Только закрани льдины
Пудрит снежок слегка.
Сплывшись на середине
Стайкою лебединой
Плавают облака.
Как-то легко и грустно,
Как-то не по себе...
Пахнет листом капустным
Пс вечером в избе.

ПАМЯТЬ

Чудес, известно, мало ли в природе.
Когда я был совсем еще мальцом,
Сорвали тыкву в нашем огороде,
Да еле затащили на крыльцо.
Мне не забыть, как бабушка твердила:
«Поклон те, боже. Скот наш будет сыт.
Такая свекла нынче уродила!
Швырни в телка — собьешь его с копыт.»
А дед с ухмылкой: «Боже все да боже...
И что, клюка, заладила свое!
Земля... она ишшо не это может,
Когда любить и жаловать ее».

СИНЕВА

На огромных просторах Алтая —
Синева без конца и без края.
Погляжу ли на небо сперва —
Синева, синева, синева.

Кину взгляд через Обь, на луга, —
В синем мареве тонут стога.
В зимний день посмотрю на поля —
Синим пухом покрыта земля.
Сибирячке в глаза загляну —
И назад отшатнусь. Ну и ну!..

ОХОТНИЧЬЯ СТРАСТЬ

Ты меня уводила с рассветом
Из дремотной тиши шалаша
По тропинке, совсем неприметной,
К озерушке, на край камыша.

Сколько раз после грома дуплета
Я сквозь зыбкую топь напрямиком,
Не колеблясь, бросался одетым
За упавшим на воду чирком.

Днем и ночью, зимою и летом
Покидал я насиженный кров.
Был стрелком, следопытом, поэтом,
Кулинарком у дымных костров.

Нежил сердце березовым соком,
Родниковой прозрачной водой.
Не с того ли я ростом высокий,
Не с того ли душой молодой!

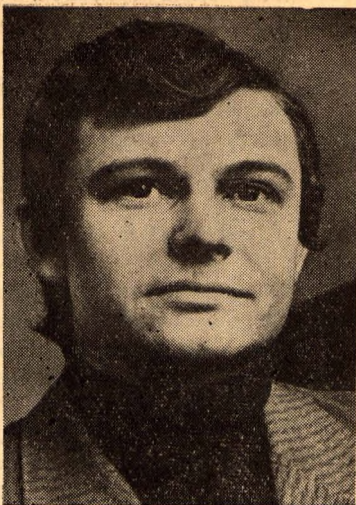
Если даже бывали невзгоды,
Не давала ты духом упасть,
Страсть живая братанья с природой,
Волевая охотничья страсть.

* * *

Когда на утиной охоте
Свинцовые хлещут дожди —
Не эхо гремит на болоте —
Природа кричит: — «Пощади!»
Все чаще грущу втихомолку,
И сердце диктует мое:
Пора расставаться с двухстволкой
И братья за фоторужье.

* * *

Утеплены замазкой хаты.
В садах не слышно соловьев,
И отрастил себе сохатый
Рога для будущих боев.
Заглянешь в лес — калины гроздь
До красноты раскалены,
И в ствол поваленной сосны
Виолачивает дятел гвозди.

Валерий Слободчиков родился в 1948 году в маленькой таежной деревне на севере Иркутской области. В 1970 году окончил Иркутский пединститут, работал в газетах Восточной Сибири и Алтая. Рассказы публиковались в альманахе «Алтай» и коллективных сборниках. Участник Пермского (1976 г.) семинара молодых писателей Урала и Сибири.

Живет в Барнауле.

Валерий СЛОБОДЧИКОВ

И ОТОЗВАЛОСЬ ЭХО

РАССКАЗ

Паром стоит на другой стороне реки.

С крутого берега видно, как, перехватывая с руки на руку горячую дужку котелка, торопливо семенит от костра к избушке паромщик. Вскоре эхо пронесит над тихой водой стук двери, грубо сбитой из горбыля: паромщик сел ужинать, ясно, как божий день, из-за одного мотоциклиста он паром гонять не станет, а будет ждать шофера, припозднившегося в райцентре, или, на худой конец, объездчика, задремавшего верхом на лошади, измученной, как и он сам, жарой и оводом...

Делать нечего — надо ждать.

Сняв шлем, Большаков катит мотоцикл на обочину дороги, но земля там рыхлая, подножка проседает и тогда он, прогибаясь всем телом под тяжестью машины, тянется за шепкой, серой от придорожной пыли.

Потом он лежит на колючей, синеватого оттенка траве и считает, сколько горбыля пошло на избушку паромщика. Дело пустое, никчемное. С таким же успехом можно считать травинки перед глазами или оспицы стрижиных норок, густо разбросанных по черноярью. Раньше в таком занятии Большаков забывался, стряхивая с себя дневную усталость. Нынче не помогло. Слепым кутенком тыкалась, ныла мысль о за-

втрашной сделке. Спрятаться бы от этой мысли, прикрыться сном, но вместо этого Большаков начинает машинально, час за часом, перелистывать вчерашний день, бегло охватывая все, что успела записать память на его страницах.

Вчера утром Большакову позвонил человек, пожелавший купить на слом старую отцовскую избу. Второй год после смерти отца стоит она заколоченной — пятистенка на краю Балаган, дальше только совхозный огород да ручей Кармакул, поросший ельником...

Здесь он, Витька Большаков, родился, отсюда пошла его жизнь. Складно да ладно пошла. Работой доволен, женой тоже. Дети растут. Дом оставлен. Тесть с тещей помогают. Продаст отцовскую хибару, добавит деньжонок и купит машину. А на собственных «Жигулях» до города час езды. В субботу можно в театр проскочить, а при желании — по магазинам... Из Храмовников, где он теперь обосновался, в город ездить можно — асфальт. Это не в Балаганы по грунтовке — до сих пор от пыли в горле першит.

И как он раньше не догадался избу продать. Спасибо доброму человеку — напомнил, подсказал, как можно без лишних

хлопот на машину собрать... А, собственно, при чем тот покупатель — можно избу ему и не продавать...

И владелец излишка недвижимого имущества Большаков тянется к ромашке, склонившей пыльную головку над обрывом... «Продать — не продать, продать — не продать, а лучше все же продать», — так и подмывает его пропустить один лепесток, поставить точку на первом слове.

— Варнаки-аки-аки, — камешком, пущенным по воде, скачет от берега к берегу, и Большаков, приподнявшись на локте, смотрит в сторону парома.

Двое парней затаскивают в лодку мотоцикл. От избушки к ним бежит босой паромщик и неистово матерится, больше, конечно, от боли — даже Большакову видно, насколько жалко он выглядит в своем марфоне по острым камням.

Наконец мотоцикл в лодке. Один из парней садится в корму, а другой упирается плечом в задравшийся нос лодки, отталкивает ее и, черпанув сапогом воды, запрыгивает.

— А... будь ты неладна! — чертыхается он и, снимая сапог, кричит на напарника. — Какого расселся! Так до Кармакула проташит.

Тот неумело бьет веслами по воде. Лодка по малу, но идет.

— Хамы! — стервенеет паромщик. — Эту лодку самим директором трогать не велено.

— Вот заладил, — весело отзывается парень на веслах, убедившись, что паромщику не догнать их. — Насте Пановой тоже мамкой не велено, а она опять с внучком твоим за баней ласкаться будет. Жалко — не со мной...

— В кого вы только, ослапины, уродились?! — паромщик грозит вслед уплывшим и, размахивая руками, идет к избушке.

Больше на реке ничего интересного нет, и Большаков возвращается к вчерашнему дню.

Опять эта мысль-мыслишка.

Так отчего же он раньше не продал избу? И покупатели, помнится, были. Складно, да не ладно. Сентиментальность заела.

Уж не уехать ли назад? Из главного агронома в управляющего? Из трехкомнатной квартирки в избу, у которой крышу пора подновлять. Права жена: «На башмаки рубля не хватает, в лаптях перехожу».

А лодка между тем подбилась к берегу. Складно получается — сама оказия напрашивается.

— Ребята! — кричит Большаков. — Вы мне не поможете мотоцикл в лодку закинуть?

— А ты кто такой? — спрашивает парень в мокром сапоге.

— Да так я... Просто... — мнется Большаков.

— А сюда так просто не ездят, — мрачно возражает парень. — Но уж если не терпится... Тройка тебя устроит?

Большаков отмалчивается. Второй парень возится с мотоциклом, но тут поднимает голову на разговор и упирается взглядом в Большакова.

— Вот так циркалики-моргалики, — удивляется бывший сосед Иван Кузаков. — Здравствуй, беглый управляющий. Значит, оскоромиться решил, на забытые окна глянуть надумал...

— Да ладно тебе, — тянет Ивана напарник.

И Кузаков, пощекотав на прощание насмешливым взглядом, отпускает бывшего сотоварища по играм.

— Прости-прощай. Не получится душевной беседы. После семи нам с корешом не продадут...

Большаков отворачивается.

Внизу стучат, торопятся, а он молча пережевывает таблетку чужого презрения, с горечью признаваясь себе, что и сейчас, как в детстве, Ванька Кузаков оказался сверху.

По деревне Большаков пронесится на полном газу. Зачем людям лишний раз глаза мозолить. Он даже рад теперь, что дом на задворках, хотя раньше не однажды конючил, что в школу ходить далеко.

Дом заметно обветшал. Казалось, со смертью хозяина лопнул в нем стержень, поддерживающий изнутри, и он стал оседать на все углы, не зная еще, на какой из них завалиться.

«Вовремя», — думает Большаков, стоя посреди ограды, и чувствует облегчение: завтра все свершится, продаст он дом, а вместе с ним спадет с него тяжесть...

Чтобы скоротать время, Большаков решает сходить на кладбище — надо же известить отца, завтра будет некогда, в девять придет покупатель, и они наверняка поедут оформлять сделку в район, а потом... когда еще выберешься в Балаганы.

Идет он полем, минуя деревню. Солнце за его спиной уже оседлало Шальной хребет. Большаков торопится, но еще быстрее скользит его длинная тень. Как назойливый собеседник — как ни прибавляй шагу, а

она все под ногами вертится, заглядывая тебе в лицо.

Отцу и на кладбище досталось место с краю. Сквозь решетку штакетника пробивается к его последнему пристанищу шиповник...

Став в изголовье, Большаков тупо смотрит на побитые дождем и ветром бумажные цветы на венках и вдруг чувствует, как сжимается, крепнет в нем невидимая пружина, сейчас она распрямится, и тело его станет не подвластно ему, вздрогнет с первым же всхлипом...

— Никак, Виктор? — слышит он за спиной и испуганно, но без плача, опускает пружину.

Он поворачивается на голос, с удивлением смотрит на старушку в длинной, с оборками юбке.

— Баба Ньюша! — узнав, выдыхает он с облегчением и идет навстречу.

— Вот помирать приехала... — говорит старуха и замирает, каменеет, склонив взгляд к сложенным рукам.

Большаков знает, что в Балаганах у нее родственников нет, а какие были, давно померли. Раньше, пока была в силах, баба Ньюша жила по чужим людям и никто ее не обижал. Была она хорошей нянькой и пекла лучший в округе хлеб. Особо удавалась ей праздничная сдоба. Помнится, как-то на Первомай мать отпорила бабу Ньюшу у других хозяек, зазвала — и все ходила за мастерицей, высматривала, запоминала, а когда отведали свежих пирогов, призналась: «Заговоренные они у тебя, Афанасьевна. Не спечь мне таких».

Лет пять назад, из боязни стать обузой неродным людям, баба Ньюша уехала к сыну в город, а тот, по слухам, отдал ее в дом престарелых.

— Домой помирать приехала, — повторяет баба Ньюша.

Она радостно, даже с какой-то непонятной для Большакова теплотой смотрит на него, будто и в нем есть частичка этого дома.

«Мелет старая что попало. Да у нее сроду своего дома не водилось», — сторонясь бабкиного взгляда, с подступающей злостью думает Большаков, но из вежливости отмалчивается.

Из кустов вдруг вспархивает птичья трель и трепещет над кладбищем.

Талант певца, а скорее необычность его песни среди кладбищенской тишины пораживает Большакова. Он крутит головой, пытаясь угадать, в какой стороне, какой куст облюбовала неведомая ему птаха.

— Не ищи, — останавливает его баба Ньюша. — Варакушка то. Ее днем-то не всякий глаз возьмет. Хоронится дуже. Я дак не видывала соловушки нашей. Кака она? Поет-то больно пригоже, — враспев тянет старуха и прислушивается.

Варакушка молчит. За разговором не заметили, когда она сделала передышку.

Но что это?! Почему-то не мыслящий кладбища без тишины, Большаков отчетливо слышит монотонный запев кузнечика, к нему примешивается прежде не слышный мерный рокот трактора, далекий, прикрытый чернеющей полосой кустарника.

Тишины на кладбище нет!

Ее и не было! Так же, как не было прощального разговора с отцом. Один на один. Без посторонних.

А звуки крепнут, назойливо требуют прислушаться к ним, Большаков начинает беспокойно ерзать.

— Аль устала, пташечка? — в том же радостном изумлении спрашивает старуха и тут же успокаивает себя: — Недолго осталось... Туточки спешить некуда будет. Наслушаюсь...

«Замолчи! Замолчите!» — хочет крикнуть Большаков, но сдерживает себя.

Из кустов вдруг лезут неприятные, режущие слух звуки, и баба Ньюша в немом восторге толкает Большакова в бок.

— Она, она! Кака проказница.

— Хватит! — срывается Большаков, तोропливо вскакивает, едва не столкнув старуху, и, не прощаясь, идет прочь.

— Аль обидела чем? — баба Ньюша ждет, когда Большаков обернется и, не дождавшись, вновь каменеет, упрямо разглядывая свои руки, — серые, сложенные крестом на груди.

И снова Большаков, минуя деревню, идет полем. Тень его больше не колготится под ногами и следом не тащится, — солнце наконец скатилось за Шальной хребет, пропитав замешкавшиеся на горизонте облака чем-то багровым.

Дома он запирает дверь на крючок, идет в кухню и садится на пыльный табурет, непонятно зачем приставленный к обшарпанной русской печке.

Злость на бабу Ньюшу постепенно проходит, он успокаивается и, включив свет (надо же, не обрезали!), идет по дому.

В горнице взгляд его долго ощупывает белые пятна на стене. Здесь некогда висели рамки с фотографиями.

Прищурив глаза, Большаков пытается вспомнить, проявить в своем сознании то, что на них было запечатлено, и к своему удивлению отчетливо видит старую, почти двадцатилетней давности фотографию. Белое, с едва различимым рисунком, покрывало, а на фоне его отец, еще в мундире с майорскими погонами, мать с переброшенной через плечо косой, между ними Петька в матроске, все они сидят, а он, ради такого случая принаряженный в новую школьную форму, стоит за Петькиной спиной.

Ему в тот день подарили перочинный ножичек, а он его утерял. Ну конечно же!.. Он строгал на кухне деревянную саблю, пришла мама и заторопила:

— Фотограф — редкий гость в деревне, его в других домах ждут.

Удивляясь, что память хранит такие мелочи первых радостей и огорчений детства, Большаков торопливо возвращается в кухню. Здесь он строгал. А стружку сметал в щель.

«Вот она — эта щель. Мать не разрешала ее забивать. Через нее тепло в подполье тянет. Стружку-то в щель, а вот куда ножичек?..» — Большаков вдруг, подталкиваемый не совсем ясной еще догадкой, открывает крышку подполья.

Полы в доме никогда не перестилались. Время и вода, которой их мыли, сделали свое дело — темнота давно непроветриваемого подполья, дышащего затхлостью и гнильем, в нескольких местах пробита лучами света. Большаков растерянно оглядывается и, больно стукнувшись о половицу, высовывает голову наружу, чтобы сориентироваться. И снова ныряет в подпол.

На этот раз он находит нужный ему лучик безошибочно.

За долгую жизнь дома в щель — родоначальницу, оставленную еще при строительстве, насыпалось много разного мусора. Большаков брезгливо и неуверенно копается в нем, слежавшемся, дурно пахнущем, и вдруг радостно вскрикивает. Догадка подтвердилась, на его ладони — ножичек, подаренный ему в детстве.

Теперь уже нетерпение руководит им, когда он ищет во дворе обломок кирпича, а потом с наслаждением чистит свой ножичек, не замечая, что брюки его покрываются мелкой красной пылью, которую не взять никакой щеткой.

Нашел-таки. А помнится, сколько грешил на Петьку.

И Большаков, с необычайной для этого дня легкостью, смеется, вспомнив детскую

дразнилку, которой когда-то донимал братишку:

— Петька-петух упал в лопух, наелся мух, — повторяет он вслух, тщательно выговаривая каждое слово.

Когда это было... Сейчас Петька только посмеется в ответ.

Что-то давно не было писем от студента. А сам-то он когда писал? В апреле? В мае? Нынче же июль на дворе.

Большаков мрачнеет, вспомнив, как после смерти отца Марьяна стала чаще заводиться разговор о дырках в семейном бюджете, и он, боясь скандала, с каждым месяцем вписывал в бланки переводов все меньшую сумму, а для собственного успокоения лгал себе: «Мне-то кто помогал? Моей стипендии только на сигареты хватало, у Петьки повыше будет...»

Отец, собирая младшего сына в институт, говорил: «Витюху подняли. Я ему, Петро, меньше трех червонцев не посылал, стыдился, что хуже других в одежде будет, в питье-еде жаться станет. На добро-то кто нынче жалеет... Теперь Витюха, случись помру я, тебя поддержит. Крови-то одной вы, моей...»

Дом и какие были деньги Большаков-отец перед смертью отписал старшему сыну. Петро еще учится, живет далеко, разве ему за домом доглядеть, а Виктор опытнее, практичнее, деньги по ветру не пустит и дом сохранит. Балаганы без Большаковых, конечно, проживут, а вот как Большаковы без Балаган?! — этого Илья Степанович не представлял и боялся представить. Виктора за переезд в Храмовники осуждал, втайне надеялся, что Петро не повторит ошибки брата и осядет в родительском доме. А там, может, и старший одумается.

— Марьяна, Марьяна все..

Большаков оглядывается, боясь, что кто-то его услышал, но в доме тихо и пусто.

— Нет! Не продам! — уже смелее шепчет он, а голова склоняется к столешнице. День прошел, а заботы остались.

Утром Большаков с нетерпением ждет покупателя. Ему кажется, что с приездом его случится что-то особенное, после чего он, Большаков, будет по-иному дышать, видеть, слушать, ходить...

Ему не терпится сказать покупателю категоричное «нет!» и пойти к Кузаковым. Старая Кузиха напоят молоком, а он, в свою очередь, предложит Ваньке стопку другую коньяка, припасенного на обмыв

сделки, и они выпьют как старые товарищи.

Потом можно будет постоять возле нового клуба, для вида читая афишку. Мимо пойдут люди, будут здороваться, а кое-кто остановится поговорить...

С покупателем получается как нельзя лучше. Худенький, весь какой-то сморщенный, хлюпая, явно с чужой ноги, болотными сапогами, он появляется со стороны реки. В дом не заходит, а пристально осматривает постройки. Может, приценяется, а может, прикидывает неизбежный ремонт.

«Ишь ты, грибок-сморчок, — ехидно улыбается Большаков. — Помирать надо, а он дома покупает».

Притаившись у кухонного окна, Виктор молча, но с интересом, наблюдает за ним.

Одет покупатель в выгоревшую куртку-штормовку. Из-под козырька полотняной кепочки поблескивают очки. Присев на перевернутую лодку, он достает из кармана маленький блокнотик и, пристроив его на колене, начинает писать.

— Эт-то еще зачем. Расселся, как хозяин, и пишет. Т-турист.

Как вчера на кладбище, удивление сменяется злостью и, опрокинув табурет, Большаков выскакивает во двор.

— Не продается дом, — выкрикивает он и, тяжело дыша, в упор смотрит на покупателя.

— Как? Я же сговорился с хозяином, — растерянно поднимается покупатель.

— Не продается, — упрямо повторяет Большаков. — Так хозяин велел передать, — неожиданно лжет он и отводит взгляд.

— Жаль, очень жаль, — также растерянно бормочет покупатель и, кивнув в знак прощания, идет со двора.

«Все!» — с силой выдыхает Большаков, но облегчения не чувствует.

Напротив, появляется смутное беспокойство. Он с тоской смотрит на дом, понимая, что никогда не вернется в него; во-первых, Марьяна не захочет, а потом, что он будет делать в Балаганах... Управляющий отделением новый и, по слухам, дельный парень. Ждать, когда уйдет на пенсию Александр Егорович Букин? Ну уж, дудки!

А как же с очередью на машину? Урожай ожидается добрый, районные власти для Храмовников постараются в первую голову...

«Вернуть надо», — решает Большаков и, запинаясь, бежит к реке.

«Грибок-сморчок» уже вывел моторную лодку на стрежень и теперь, придерживая ногой руль, натягивает капюшон штормовки.

— Адрес. Как вас найти? — кричит Большаков, вбегая на мостки, но «сморчок» за шумом мотора не слышит.

И только не дремлющее, назойливое эхо, откликнувшись, тычет:

— Ты-ы, ты-ы... — и рассыпается по берегам.

«Как же так, — жадно вглядываясь в излучину реки, за которой скрылась лодка, думает Большаков. — Ни фамилии, ни адреса. Ищи теперь, свищи. А Марьяна обязательно спросит, как съездил...»

Правая рука все также крепко сжимает маленький перочинный ножик. Непонятно зачем Большаков пытается раскрыть его, но лезвие поддается туго, а чуть обнажившись, срывается, больно прищемив указательный палец.

Большаков испуганно машет рукой, будто стряхивает взбесившегося котенка. Ножичек, первый стоящий подарок детства, сорвавшись, описывает дугу и с резким щелчком вспарывает воду.

— Как же так...—бормочет Большаков, жалея себя.

Леонид Ершов родился в 1940 году в селе Задесово Алтайского края.

Был рабочим. Закончил Бийский пединститут, преподавал литературу и историю в школе, потом в институте. Занимался журналистикой.

В 1975 году в коллективной книге стихов молодых поэтов Алтая была опубликована большая подборка его стихов.

В настоящее время Л. Ершов работает в Алтайском книжном издательстве.

Леонид ЕРШОВ

* * *

Прекрасна неизбежность жить.
И неизбежности нет выше:
Ходить легко,
Дышать и слышать
И делу своему служить.
И ничего не упрощая
В своей
Да и в ничьей судьбе,
Жить,
Любям многое прощая,
И ровно ничего себе.
Нам не отпущено
Жить дважды.
И неизбежно нам
Стареть.
Но жить без страха,
Что однажды
Придется все же
Умереть.

* * *

Благословенны все заботы дня:
Его святая неврогренка,
Покраска,
Стрижка,
Рубка,
Клепка
Ну и, конечно,
Беготня.
И та вечерняя
Усталость,
Приятнее которых нет,
И то сознание,
Что осталось
Нам дел еще
На сотни лет.

* * *

Живу
И что-то обретаю.
Имею к жизни
Зрелый вкус.
Но жаль,
Что все же облетаю,
И горько,
Что не повторюсь.
Как много в этой
Жизни света,
Но коротки
Наши года.
Земля моя,
Моя планета,
Мои деревни,
Города!
Пусть мне простится
Вздох невольный,
Что мы живем
Не сотни лет.
И ничего,
Что стало больно —
Любви без боли
В жизни нет.

* * *

Дни стоят на загляденье —
Предосенние деньки.
Веет, веет от реки
И спокойствием и ленью.

Опален уже тальник,
Заморозком тронут.
И поклевки ждет старик —
Поплавки не тонут.

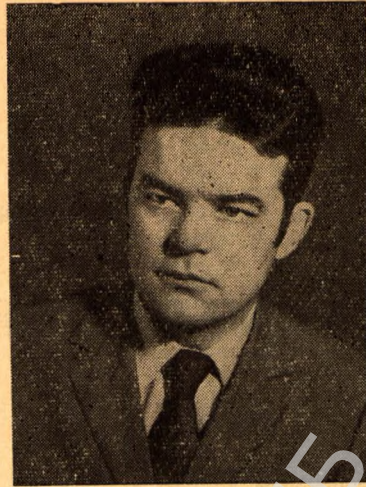
А река течет, течет,
Моет свое русло.
Солнце греет — не печет.
Хорошо и грустно.

* * *

Война ушла.
Был звонким
День победы.
А я тогда
Лишь смутно понимал,
Какие позади
Остались беды,
Но понимали те,
Кто воевал.
Вовсю гремели
Бравурные марши
На все село, поля,
Окрестный лес...
Домой с войны
Не возвратился старший,
А помоложе брат
Привез с собой
Протез.
Блестящие ремни
На нем скрипели,
Сверкала неестественно
Рука...
А мы впервые досыта
Поели —
Был вкусным хлеб
Военного пайка.

* * *

Живу в такой
Далекой стороне:
Аэродром — земля,
А не бетонка,
Не сторона,
А дальняя сторонка
В моей большой,
На зависть всем, стране.
И по ночам,
Когда нет мочи спать,
Когда луна
Глядит в окно бесстыже,
Я начинаю думать
И мечтать,
Я в край другой
Вострю тихонько лыжи.
Мол, заживу иначе,
Чем теперь,
И будет лес — не степь —
У окон дома,
А в том лесу
Какой угодно зверь,
Аэродром, что важно,
Из бетона.
И хорошо от этих
Мыслей мне,
И я тогда спокойно
Засыпаю.
А утром не пойму:
Стремясь к другой
Земле,
Я вроде к этой
Пуще прикипаю.

Геннадий ПАНОВ

КУЛУНДИНСКИЙ КАНАЛ

В Кулунде —
где не каждой звезде
повезло отражаться в воде,
где веками пески
брали пашню в тиски
и ветра вперехлест
пыль вздымали до звезд —
от Бурлы до Ключей
в небе коршун грустит,
тонко суслик свистит,
соль на солнце блестит.
Солона даже тень,
солон труженик-день;
на спине и плечах
проступил солончак.
День извечных забот
в полный рост и накал.

.....

Вот сюда и придет
Кулундинский канал.

БЕРЕЗА

Березу со стволом в обхват
срубил в лесу какой-то хват
не на дрова и не на дело —
потешил просто силу власть.
А та береза жить хотела,
из согры к солнышку рвалась.
К ней обогреться звери жались,
покуда дождик моросил.
И вот теперь она лежала
среди травы, среди росы.
И месяц, как бы соучастник,
над лесом свесившись в упор,
еще поблескивал грозяще,
как из-за пояса топор.

ХЛЕБ

Есть у нас хорошая примета,
и она бытует неспроста:
на Алтае на исходе лета
от хлебов светает — красота!

Техника развернута по фронту,
гнется степь под тяжестью валка.
Уходите, тучи, к горизонту,
не мешайте людям, облака!

ВОДОПАД КОРБУ

Летящим, плывущим, идущим сюда
не запечатлеть твоей красоты,
Корбу — величественная вода,
бесстрашно падающая с высоты.

Корбу, я знаю: ты тыщи веков
сверкаешь на солнце, при свете луны.
И нет у веков таких башмаков,
чтобы стоптать твои валуны!

* * *

Жгут ботву, будылья по весне:
детям радость,
старикам — вдвойне.

Жгут напалмом хижины в песках —
оседает пепел на висках.

Сладкий дым —
молодость седым,
гсрький дым —
горе молодым.

Александр АСТАПОВ

ЛЕБЯЖИНСКИЕ ВОЛШЕБНИКИ

Это был обычный день. Посевная — для овощеводов ее вернее будет назвать посадочной — заканчивалась. Лук, огурцы, даже арбузы и дыни заняли отведенные им места. Уже отменили рабочие субботы, что означало: высшее напряжение спало, «пик» миновал. И все-таки это был необычный, авральный день. В уютном двухэтажном здании на окраине села Лебяжьего под вывеской «Западно-Сибирская овоще-картофельная селекционная опытная станция» стояла тишина. Лишь только бухгалтер и кассир вершили свои дела, отпуская на сторону рассаду томатов.

Рассада перерастала. Еще позавчера ночной грунт не был готов к ее приему — всего шесть градусов тепла. Вчера температура наконец-то перешагнула пограничные десять: «Путь открыт!» Но рассада перерастала, уже цвела. Поэтому и двадцать научных сотрудников станции, и обслуживающий персонал — все были в поле, все занимались посадкой помидоров. Спешили. Время было дорого. Время уходило.

Факт сам по себе пустячный. Тем более, что последние несколько лет научных сотрудников на такие дела не отвлекали. Однако в то же время факт этот многозначительный, многое обнажающий в овощеводческой отрасли. Чуть что — и сразу требуются дополнительные рабочие руки. И не в исключительных случаях, а для всех операций требуются они. Причем именно в своем изначальном смысле — руки для ручной работы.

На посадку, прополку, сбор плодов совхозы «Савниковский», «Барнаульский» и другие пригородные хозяйства отрывают каждый день сотни и сотни рабочих с промышленных предприятий Барнаула, совхоз «Никольский» — с рубцовских заводов, то же самое в Бийске и других местах.

В этом-то и кроется главная преграда овощеводству, и прежде всего овощеводству в Сибири. Не для того говорю, чтобы еще раз подчеркнуть остроту проблемы ручного труда в сельском хозяйстве, — это известно всем. Важно другое. Пожалуй, в самом общем приближении смысл и цель всей деятельности селекционной опытной станции сейчас в том и заключаются, чтобы дать такие сорта, предложить такие методы их возделывания, которые полностью исключили бы нужду в авралах, в передвижке рабочей силы, пусть даже временной, и даже... даже навсегда изгнали бы с овощных плантаций ручной, немашинный труд. По-разному идут к этому ученые станции. По-своему решает задачу и Василий Григорьевич Высочин, заведующий лабораторией тыквенных культур.

ВЫСОТЫ ВЫСОЧИНА

Когда он выбрал тему своей диссертации, она вызвала недоумение. Нет, не своим направлением, а частным моментом. «Под силу ли нам сейчас думать об этом?» — задали вопрос Высочину и предложили с заоблачных высот спуститься на землю: «Исследуйте уборку огурцов с помощью платформ».

Это было злостно. В крупных овощных хозяйствах страны так и убирают. Кстати, в опытно-производственном хозяйстве станции — тоже. И сейчас здесь один из научных сотрудников занимается платформами. Для Высочина работа с ними могла бы стать неплохим подступом к волновавшей его проблеме — механизированной уборке овощей. Василий Григорьевич перешагнул эту возможность, предложив другое направление поиска. Профессор научно-исследовательского института овощного хозяйства, что под Москвой, доктор сельскохозяйственных наук Борис Васильевич Квасников поначалу тоже отговаривал будущего соискателя ученой степени, но затем, убедившись в его неуступчивости и поверив в научный расчет, дал «добро» как руководитель работы.

Страница за страницей знакомлюсь с объемистым трудом под названием «Подбор исходного материала и разработка методов оценки и селекции огурца для механизированного возделывания и уборки». И все больше и больше охватывает ощущение смелости, с какой проведено исследование. Василий Григорьевич, не скрывая улыбки, вызванной, как мне показалось, «ненаучностью» моего вопроса, переспрашивает:

— Почему замахнулся так далеко?.. Как сказать... Одну строчку я вычитал: «Возможно, что огурцы очень скоро будут убираться механизмами...» Мысль мелькнула: берись! Даже книгу захлопнул, чтобы не видел никто. Это была тема, понимаете, тема!..

Интересная деталь. Уйти от ручной уборки овощей — мысль не нова. Весь вопрос — как. Селекционеры поднимали урожай овощей, улучшали их вкус, вид. А в другом ведомстве инженеры бились над тем, чтобы приспособить машины к растениям. В чем-то это им более или менее удавалось, но в целом в овощеводстве возник устойчивый безмашинный тупик.

— Мы все требовали выдумки от конструкторов, обижались на них: «Не могут!» А что, если не только машину под овощи подстраивать, но и создавать овощи, удобные для машины? Убедить в возможности и необходимости этого — цель моей диссертации.

Из многочисленных отзывов на работу Высочина один пришел от ученых благодатной Молдавии. Они писали, что Высочин одним из первых в стране ставит вопрос таким образом, отмечали глубину исследований и их громадную практическую ценность.

Действительно, изучены были несколько десятков лучших сортов. Привожу отрывок из диссертации: «...У нас в стране создано немало хороших сортов огурца по тем или иным хозяйственно-ценным признакам, но они имеют ряд существенных недостатков. Так, сорта Нежинский 12 и Донской 175 имеют исключительно хорошие засолочные качества, к тому же плоды сорта Донской долго не желтеют, но для районов с коротким вегетационным периодом эти сорта практически непригодны, так как являются позднеспелыми, а у сорта Нежинский 12, кроме того, плоды быстро теряют товарные качества — растения желтеют. Сорта Зеленоплодный 47, Кустовой 98, Короткоплетистый 81, Победитель 26 и другие долго сохраняют товарные качества плодов на растении, но они сильно поражаются болезнями или имеют невысокую товарность. Сорта Алтайский ранний 166 и Пролог 128-1 (с легко отделяемой плодоножкой) отличаются скороспелостью, дружностью плодоношения и короткоплетистостью, но их плоды имеют низкие технологические качества при переработке, кроме того, они сильно поражаются болезнями...»

Так возникла необходимость в создании нового сорта. Но прежде чем рассказывать о том, что достигнуто (на счету Высочина уже несколько выведенных им сортов) и насколько ученый продвинулся к заветной цели, сделаю одно отступление. О том, как становятся селекционерами.

В 1960 году в вестибюле Алтайского сельскохозяйственного института стоял в растерянности сельский паренек Василий Высочин. Еще минуто назад была твердая цель — факультет механизации, инженер. К тому все вело, да и родители выбор одобрили.

— Отец у меня механик: он все время с механизаторами, а я — с ним! С сельской техникой близко знаком. Рано научился водить машины, трактор. Деревенские мальчишки без этого не могут. Чувствовал и я, что здесь моя будущая специальность. А в последний миг заколебался, засомневался чего-то. И отнес документы на агрономический — там конкурс поменьше...

Пригнувшись, мы с Василием Григорьевичем входим в рассадочную тепличку. На земле в горшочках молодая поросль, а в воздухе какой-то неуловимый запашистый намок на нечто арбузное, огуречное, дынное... Высочин предлагает попробовать на вкус... огуречный лист. Растеньица еще совсем миниатюрные. Они выросли всего по два листочка величиной с двухкопеечную монету. Надкусываю один: горек до невозможности.

— Можно выплунуть. Мы так и делаем. А теперь вот этот...

Передаста другой горшочек. С великой предосторожностью касаюсь зубами зеленой ткани — и с удовольствием съедаю ее: во рту разливается вкус сладковатого настоящего огурца. Сотни и сотни растений «дегустируют» селекционеры в фазе двух листьев (позже уже ничего не определишь). И лишь считанные единицы их пойдут в дальнейшие опыты. Но зато эти образцы практически никогда не будут горькими. Из них уже надо будет отобрать наиболее урожайные, какие-то признаки усилить и закрепить, что-то, наоборот, постараться «утерять».

Василий Григорьевич посвящает меня в другие тайны ремесла. Рассказывает он скупко, лишь изредка приводя подробности, но с большим азартом. Так

может говорить человек только о своем кровном, выношенном, заветном. Становится немного грустно оттого, что, не проявив абитуриент минутной слабости, он стал бы хорошим инженером, а вот отличный агроном-селекционер тогда бы и не состоялся. Не слишком ли много отдано во власть, как говорится, случая?

— Э-э! Не так! — возражает Василий Григорьевич. — Может быть, я потому за эту тему ухватился, что во мне несостоявшийся инженер скрывается. И вообще в нашем деле неплохо бы триумфировать создать — селекционер, агроном-технолог и инженер-конструктор. Сразу бы доводили и сорт и машину для него.

Когда Высочин испытывал и описывал образцы, он уже держал в уме модель будущего, если так можно сказать, машинного огурца. Модель строилась в своеобразном синтезе агрономических и инженерных требований. Назову лишь некоторые: стойкость к ударам и проколам, легкий отрыв плодов от стебля, дружное созревание. И даже такое требование — длительное сохранение товарных качеств на растении. Или такой признак — короткие плети: машина не должна быть громоздкой.

В диссертационной работе около десяти закладок. На этих страницах отмечены узловые моменты, первоочередные «надо». Воплотил ли ученый в практику свои теоретические выводы и догадки? И да, и нет. Три года назад были районированы, то есть пошли в массовое производство, огуречные сорта Дар Алтая и Универсальный, созданные В. Г. Высочинным совместно с Ю. К. Тулуповым, Э. Т. Мецеровым и М. В. Курляничком. Сделано совсем мало, так как оба сорта не поддаются еще полному механизированному возделыванию. И сделано уже много, потому что даже в лучшем случае сорт создается обычно двенадцать—пятнадцать лет. А ведь нередко у исследователя ничего не получается. Высочин же пришел в лабораторию стажером всего десять лет назад и уже через год стал работать самостоятельно.

— Поначало как слепой котенок тыкался... По-моему, надо года три-четыре, чтобы почувствовать себя полноправным научным сотрудником, а настоящим селекционером — лет пятнадцать, не меньше. До сих пор жалею: в первый же сезон попала интересная диковинка — бессемянный огурец. Не сберег. Теперь такое невозможно.

Уже на следующий год Василий Григорьевич ухватил другой случай, что называется, за вихор. Осматривая делянки с Алтайским ранним, селекционер обнаружил два более длинных, чем обычно, огурца. Долго стоял перед растением, пока от удивления не пришел к мысли: «А вдруг это то, что нужно?» Не веря себе, он все-таки сбегал за Тулуповым, от которого принимал группу тыквенных, показал, посоветовался. Год назад новый сорт — Высочин назвал его Алтаем — сдан в государственные испытания. От своего широко известного в стране предшественника Алтайского раннего он отличается более красивыми длинными плодами, лучше на вкус.

И прежние сорта, и Алтай не удовлетворяют Высочина как селекционера-механизатора. Но думается, что имея самостоятельную ценность, они в то же время оттачивают метод ученого, шлифуют технику исполнения, что-то подсказывают и подтверждают.

Высочин изучил и описал более трехсот образцов огурца, да плюс сто пятьдесят прошли проверку на станции до него. Сейчас у Василия Григорьевича в испытании сорок образцов с разными вариациями. В небольшой зимней опытной теплице развиваются, цветут, плодоносят более тысячи растений.

— При таком скоплении нетрудно и запутаться!..

— Выручает система. И еще маркировка, вообще ортехника, что перенял у коллег из ГДР.

...1975 год. Его Василий Григорьевич провел на стажировке в институте селекционных исследований в городе Кветленбурге. Высочин побывал почти на всех опытно-селекционных станциях дружественной республики. Главное, что запомнилось у немецких ученых, — смелость научного поиска и быстрое внедрение его результатов в практику хозяйств.

— Сейчас еще не могу сказать точно, что дала мне стажировка под руководством доктора Вайхельда... Пока их опыт применяю частями, отдельными штрихами. Меня часто упрекают, что разбрасываюсь. А ведь в ГДР селекционеры всегда работают со множеством культур.

Когда Высочин принял лабораторию тыквенных, первое, что он сделал, — предложил свернуть исследования по арбузам, дыням, кабачкам, чтобы все время отдать изучению огурцов. С ним не согласились. Сейчас как бы произошел обмен ролями. Уже администрация станции настаивает на узкой специализации селекционера. Василий же Григорьевич против: есть, чем дорожить, наметился интересный материал, с переходом с культуры на культуру сохраняется свежий взгляд на селекцию...

Свежий взгляд... Пожалуй, ученому-селекционеру, как никому другому, важно навсегда сохранить в себе способность удивляться, быть мобильным в своих исследованиях, неподкупно честным в конечных выводах. Меня с первого знакомства привлекла в Высочине одна черта — говоря о достоинствах и недостатках тыквенных культур, он в равной мере не щадил и завезенные, и местные, созданные на станции, в том числе и им самим, сорта. «Патриота», болеющего прежде всего за честь своего дела, из Высочина в общем-то не получалось. Он высказывал парадоксальные утверждения, из которых следовало, что селекционер должен полностью подчиниться инженеру, а в агрономической области также ходить чуть ли не на вторых ролях после агронома-технолога. И это утверждал селекционер!

Но стоит проследить за цепью его размышлений — и сомнений в их правоте не останется. В самом деле, любая совершенная машина обязательно поранит и повредит нежные огуречные плечи. Следовательно, надо просто-напросто забыть о нежности, перестать заботиться о том, чтобы машина не зацепила лишнего корешка и лишнего листочка. Картина такая: комбайн срезает все подчистую и, как всякий комбайн, отделяет в одну сторону листья и плети, в другую — плоды. Как говорится, чистая работа. Однако такой переход от многократных ручных сборов к однократной машинной уборке неизбежно ведет к огромной потере в урожае. На этой ступеньке поиска инженер оказывается неправым. Его обещает выручить селекционер, заставляя растение «выдать» весь урожай вместо обычного месяца всего за неделю.

Если говорить точнее, пять, даже четыре огурца, поспевающие на одной плети с интервалом в день-полтора, полностью снимают проблему. Ученые такого результата достигли, но в буквальном смысле дорогой ценой. Здесь и обработка растений чрезвычайно дефицитными химическими стимуляторами (к примеру, килограмм гиббереллина стоит больше тысячи рублей), и необходимость параллельно с возделыванием перспективных гибридов вести семеноводство их родительских пар, что накладно, и многое другое, также не отличающееся дешевизной и легкостью.

Оказывается, любое растение всеми силами со-

противляется коренной ломке своей природы. Возьмем огуречную плеть. На ней в среднем пять завязей. Их созревание растение регулирует таким образом, что пока один огурец не будет сорван, другой растет только в полсилы, а остальные всего-навсего лишь поддерживают свое существование, шестой же — цветок и вообще не может появиться на белый свет. Схема эта, разумеется, самая общая, но по ней ясно видно, насколько умело заботится растение о своем здоровье и сохранении своей жизнестойкости. Не случайно самые урожайные сорта всегда больше всего поражаются вредителями и болезнями — у них все силы отданы плодам, а на противостояние внешней среде ничего не остается. Таков вот парадокс — чем больше человек выигрывает, подняв урожайность сельскохозяйственной культуры, тем больше затрачивает и средств на ее защиту.

— Выход из всех этих сложностей сегодня дают только технологи: посадки вдвое больше растений на том же участке, следовательно, для машинной уборки достаточно будет иметь на каждой плети два спелых огурца. Такие неперегруженные растения не болеют. А что значит экономия на людских ресурсах!

Путь действительно заманчивой. Он уже во многом опробован практически — по крайней мере, в том, что зависит от агронома. И не только на делянках станции. По совету Василия Григорьевича в совхозе «Повалихинский», овощеводство которого он курирует, в минувшем году на огуречных плантациях посеяли не как обычно 50—70 тысяч растений на гектар, а 120 тысяч. Впервые хозяйство собрало небывалый для себя урожай — по 170 центнеров с гектара, получив немалую прибыль от возделывания огурцов.

— Что же в таком случае после инженера и агронома-технолога остается селекционеру?..

— Его обычное дело: совершенствовать сорта, выводить новые, более урожайные, но теперь уже только для механизированного возделывания.

Селекционер всегда селекционер — этого у него не отнимешь. В огуречной теплице Высочин отвел уголок... для томатов. Дома он занимается перцем и баклажанами, капустой цветной и обыкновенной, чесноком...

Высочина нередко называют фантазером, говорят: «Гены, хромосомы — это пока дебри для прикладной науки...» У Василия Григорьевича свое мнение:

— Хочу работать не на ощупь и не вхолостую. Сейчас мы еще не можем знать заранее, что получим. Пока не можем. Но за генной селекцией будущее. Тогда будем иметь и макет нужного сорта, и верный план к нему, и самый короткий путь от идеи до урожая. Если же говорить об ортехнике, о нашей производственной базе, то уже сейчас с удовольствием имел бы камеры с искусственным климатом. В них холод и дождь, солнце и ветер, различные почвы... Представляете, как все это ускорит нашу работу?

...Овощи, подвластные человеку, вооруженному машиной. Овощи, выведенные человеком, который владеет самым передовым научным методом и самой совершенной техникой. Все это не мечта. Это во многом уже сегодняшний день, это высоты, к которым прокладывают путь современные ученые.

РОМАНЦОВЫ

— Сынок, — останавливает меня бабуся, — я так на овощную станцию попаду?..

— Попадете!

Станция от автобусной остановки лежит кило-

метра в двух, уютно раскинув поля и теплицы между Обью и лебяжинским зарастающим озером. По дороге мы разговорились. Бабушка спешила за рассадой помидоров. Только все не могла решить: брать ли ее на станции или все-таки у частных? Не знаю, что меня толкнуло, скорее всего — пожалел бабушкины ноги...

— Вот в этот двор зайдите, видите: хозяин объявление вывесил. На станции — там производство, сотни тысяч кустов. А здесь, в своем-то хозяйстве, рассада, пожалуй, покрепче...

Спутница приотсталала, но затем решительно махнула рукой:

— На станции возьму! Однажды на уборку приезжала — у них каждый куст помидорами обсыпан... Эти и возьму!

Как потом выяснил у сотрудников, бабушку пленили томаты сорта Барнаульский консервный. Сейчас популярность этого выведенного не так давно сорта велика и за пределами края. Создал его Николай Дмитриевич Романцов.

Романцовых на станции целая плеяда. Мне не хочется говорить «династия», так как есть все-таки существенные различия в участках работы и в научных методах, какими пользуются ученые. Начну с младшего представителя — младшего научного сотрудника Галины Николаевны. Заметив, что в блокноте записано «Романцова», она запротестовала:

— Что вы! Белякова я. У меня Михаил, он здесь же научным сотрудником на станции, уже сердитесь: «Скоро десять лет, как женаты, а со всех сторон только и слышу — Романцова!»

После средней школы Галина Николаевна стала на станции лаборантом по защите растений. Делом увлеклась и, окончив заочно три года назад Алтайский сельскохозяйственный институт, ни о чем другом уже не мечтала. Но ей сказали: «Группа томатов, перца, баклажанов после ухода Николая Дмитриевича на пенсию осталась без селекционера. Дело отца продолжите...»

Гая взяла группу. Ее не отпускали из лаборатории по защите растений. Не хотела и сама, посвятив одному делу шесть лет, менять место. И попросту трусила: неизвестность, сложности...

— О переходе не жалеете?

— Наоборот! Селекция заманивает, затягивает своей неизвестностью. Живешь ожиданием чуда, готовишь его. У меня уже из личного материала в третьем поколении есть интересные комбинации...

Галина Николаевна как раз только закончила вместе со своими помощницами Тamarой Аксеновой и Валентиной Николаевной Гордеевой осмотр растений и сбор спелых плодов: опытные деланки дают товарный продукт. Корзина с упругими, как мячики, помидорами ставится на скамейку, и мы тут же — в зимней опытнической теплице — пробуем их. Не знаю, как кому, а мне в начале мая, когда не задумываешься еще и об огурцах, помидоры, местные сибирские помидоры, кажутся сказочно вкусными и на самом деле лучшими на свете.

До последнего времени были в теплице в основном томаты, но нынче в полную силу развернуты также опыты с перцем, баклажанами. И вот это обращение к редким для Сибири культурам, по-моему, убедительнее всего доказывает крепнущую силу местного овощеводства. Интересно, что когда на станции несколько лет назад создали перец Первенец Сибири, то сразу он покупателями признан не был: не привычки. А сейчас за ним растут очереди в магазинах. Баклажаны еще более необычный продукт для нашего края. Но ученые считают: «Будем выращивать — будут и свои покупатели. Менять вкусовые привычки сибиряка — тоже наш долг!»

Вывести сибирский сорт баклажанов — и на это нацеливается уже Галина Николаевна.

— Надо спешить. Сейчас, получая второе поколение растений в зимних теплицах, мы можем уже за пять-семь лет, то есть вдвое быстрее прежнего, создавать новые сорта. Кстати, нынче теплица выручила нас и летом...

И такое бывает в науке — гибнут результаты. Как-то зимой по ошибке выключили на ночь оба рубильника: в теплице погибли лучшие гибриды. Вообще-то любой ученый к превратностям судьбы бывает готов — держит дублирующий материал: семена. Их выселили, но, разумеется, сроки сдвинулись. Естественная весна ушла — потому летнее поколение тоже осталось в искусственном климате.

Самая большая оптимистка у Романцовых — дошкольница Оля. Она утверждает, что непременно будет сначала, как папа с мамой, — младшим, а затем, как баба с дедой, — старшим научным сотрудником. У старших же Романцовых я, напротив, неожиданно столкнулся с большой неудовлетворенностью своей работой.

— Ученый никогда не может быть доволен собой, — говорит Анна Александровна. — Сколько бы он ни сделал, все мало. У нас практически нет толчка. К примеру, собирали моркови по 200 центнеров. А сейчас с гектара уже можно взять в три-четыре раза больше. Дело очень тонкое: и вовремя все сделать надо, и не перемешать ничего. С тысячами растений работаешь, энергии тратишь много, а результаты все нет...

Романцова-старшая в столь категорическом заявлении своем в общем-то не права. В основном она ведет двулетние культуры — морковь, свеклу. Раз в два года имеет семена. На восемнадцать—двадцать лет затягивается создание каждого сорта. И все же, несмотря на великий дефицит времени, Анна Александровна Романцова, возглавляя с 1953 года лабораторию корнеплодов, как селекционер имеет успех. Создан сорт моркови Алтайская украинская, и уже три года находится в государственных испытаниях Лебяжинская 5. Выведен редис Сибирский 1 — он да еще лук самыми первыми радуют наш глаз по весне.

Новый сорт — всегда праздник для ученого. И путь к этому новому не из легких. На случай везения здесь никто не надеется, отдавая предпочтение планомерной черновой работе. Селекционер встает с солнцем и на закате покидает поле: пыльца растет, вся активная жизнь у растений идет только в прохладу. В эти недолгие часы надо осмотреть тысячи растений, потому что только одна сотая процента выливается в сорт. А вести работу, описать надо весь материал.

Анна Александровна отодвигает листки со своими заметками и задумчиво произносит:

— Иногда ничего не клеится, думаешь: все! Уйду. А остынешь — как это бросить все и искать где полегче? Жалко. Сейчас у меня «на подходе» двухростковая столовая свекла. Есть гибриды редиса, которые «хорошо себя ведут». Думаю к 1980 году иметь из них устойчивый материал. Недавно вегетативным путем на китайскую редьку привили ранний редис. А вдруг редька получится более крупная и скороспелая?..

Ученый совершенно много склада, Николай Дмитриевич Романцов одну из наших встреч тоже закончил словами «А вдруг получится?..». Селекционеры не зря приравнивают к изобретателям: родство творческого поиска очевидно. Но как соотнести творчество и программирование результата, минутное озарение и долгие целенаправленные усилия?

Романцова попросили как-то передать свои ме-

тоды дочери, помочь ей. Николай Дмитриевич воскликнул: «Это невозможно, их у меня нет!» А дочери советовал каждый день подходить к растению, видеть его в развитии, замечать, как цветет и изменяется, чувствовать его душой. Повторял, что как не бывает одинаковых людей, так и растений тоже. В другой раз на вопрос о своей работе Романцов ответил:

— Утром встаю и смотрю, как лист к солнцу поворачивается. И так день за днем...

Это не шутка. Это свой метод, основанный на предвидении, догадке, чутье. В чем-то это стиль великого Мичурина. О нем Романцов говорит: умел видеть в растении те изменения, которых другие не замечали. Такие изменения стремится поймать и Николай Дмитриевич.

Каждый новый сорт должен быть урожайнее, вкуснее, лучше прежних — это аксиома у селекционеров. Они берут на учет и поддерживают все отклонения или мутации растений. Однако их неисчислимое множество — вспомните: «Как не бывает одинаковых людей...» Что выделить? За что хвататься?

Николай Дмитриевич из тысячи, руководствуясь лишь ему одному понятной логикой, выделяет несколько образцов и только с ними продолжает заниматься, а остальной материал забрасывает. Если спросить, в чем ценность его избранных, — точно не скажет. Разведет руками: «Знаю, чувствую — будет из них сорт». И вот ведь какой парадокс. За такой стиль, по мнению директора станции кандидата сельскохозяйственных наук Юрия Константиновича Тулупова, селекционера надо считать недобросовестным и ленивым — не описывает массу материала, не признает строгих научных методов. Но результаты!.. С великим удовольствием перечисляю созданное Николаем Дмитриевичем. (Указаны годы, когда сорта пошли в массовое производство).

1943 — морковь Шантенэ 2461; 1952 — свекла Сибирская плоская.

Далее идут томаты: 1955 — Сибирский штамбовый; 1959 — Алтайский тепличный; в этом же сезоне — Сибирский скороспелый; 1962 — Алтайский консервный; 1963 — Алтайский ранний; 1967 — Барнаульский консервный.

Николай Дмитриевич не сдавал кандидатского минимума, не писал диссертационной работы. Ученая степень кандидата наук ему была присвоена за созданные сорта, как изобретателю. Всей своей деятельностью Романцов подтверждает, что талант и программирование результата не противоречат друг другу. Например, встал вопрос о малораспространенных в Сибири культурах, в частности перце. Николай Дмитриевич взялся за его селекцию и в 1972 году вывел сорт Первенец Сибири. Остро стоит в наших местах чесночно-луковая проблема. О ней тоже зашла речь на собраниях научного коллектива станции. Отдав этому часть своего времени, селекционер перед уходом на пенсию создал сорт чеснока Алтайский яровой.

И сейчас в домашнем огороде у Романцова чеснок и лук, огурцы и помидоры, китайская капуста, аггоды и плодовые деревья, спаржа. И снова опыты, опыты, опыты. Николай Дмитриевич трогает рукой помидорный куст:

— Это у меня южанин. Здесь — китайский сорт. Вот два интересных гибрида. Нет-нет, — предупреждает он мой вопрос, — не ставлю цель дать что-то в производство. Весь незавершенный материал оставил на станции, передал в руки дочери. Себе взял дубликаты только самого необычного и неожиданного. Хочется еще за ними понаблюдать, поэкспериментировать. А вдруг что-нибудь получится...

Что ж, селекционер всегда селекционер. Достойно преклонения вечный дух познания и неукротимого творчества этих людей.

АРБУЗНАЯ ИСТОРИЯ

Африка. Жара, какая только и может стоять вблизи Средиземного моря и пустыни Сахара: приплясывающая желанная думать, говорить, двигаться. Кто-то из советских туристов, выдохнув сухой воздух, роняет:

— Эх! Сибирского бы морозцу...

Наконец спасительная тень ресторана. У посетителей в почете лишь только помтики арбуза: живительная влага, ошеломляющая прохлада! Это был африканский — египетский арбуз. И как у нас в общем-то нет конкурента дарам астраханских и камышенских бахчей, так в тех местах царят плоды с берегов Нила. И вот уже рука сибиряка тянется к косточкам на столе: смахнуть их в карман, привезти домой, вырастить непревзойденные плоды в Сибири!

Юрий Константинович рассмеялся:

— Позже я однажды в Ленинграде так и сделал. Каюсь: такое у меня в характере. А там — не решился. Потом уже другим путем достал египетский материал, обогородил им местные формы... Так родился арбуз Сибиряк...

Юрий Константинович Тулупов, нынешний директор Западно-Сибирской станции, арбузами, дынями «болеет» давно, со студенчества. Вплотную же ими занялся лет пять назад — другие заботы выдвигала жизнь, другие задачи.

Интересен его путь в науку. Вижу перед собой крепкого сорокапятилетнего человека. Улыбчивые глаза, аккуратная черная борода. Скупые и точные жесты. Манера говорить неторопливо, взвешивая каждое слово. Даже внешне каждая деталь добавляет нечто неуловимое, но свойственное в такой мере, по-моему, только людям науки. Замечаю все это и никак не могу представить того прежнего мальчишку, что, оставшись после войны без родителей, все безнадежнее становился беспризорником, шпайной.

В судьбу вмешалась тетка, женщина властная и непреклонная. Она отдала его в Лепковатовский сельскохозяйственный техникум, который стоял один посреди степи и словно был рассчитан на таких вот ершистых, самостоятельных мальчишек. Они сами топили и убирали здание, сами ремонтировали его, готовили дрова, кашеварили. Поколения менялись — традиция оставалась, жила.

Техникум был овеян славой, оброс легендами. Рассказывали, что он и построен-то был на пустыре по велению царя, который так благодарил всевышнего за «чудесное избавление»: здесь, под Харьковом, «заговорщики» покушались на царственную особу. Революция круто изменила судьбу заведения, что исправно поставляло управляющих в многочисленные государевы поместья. Государево стало государственным — первыми совхозами. Царское заведение — народным: приняло вчерашних босяков. Они, набравшись сельскохозяйственной мудрости, пришли в те же хозяйства: маршрут остался прежним, содержимое стало иным, нашим, советским. А затем вместе с МТС, колхозами и совхозами выпускники техникума шагнули в Поволжье, на Урал и, как видим, в Сибирь тоже.

Юра Тулупов техникум окончил с отличием и был без экзаменов принят в Мичуринский плодово-овощной институт.

— Это ли не везение — учиться там, где творил Иван Владимирович Мичурин! До сих пор помню действительно научную, творческую атмосферу ин-

ститута. С тридцатых годов там действует Центральная генетическая лаборатория. А чего стоит основной питомник Мичурина! Считаю, что институт, когда все мы работали на делянках рядом с выдающимися учеными, зародил в нас смелость, сделал селекционерами. Тогда я этого еще не понимал, да и не хотел быть ученым: остаться на кафедре отказался. А на Алтае начал участковым агрономом.

Но, видимо, не зря приглашали Тулупова на кафедру, оценив его научные способности, блестящую защиту дипломной работы. Придя двадцать лет назад в лабораторию тыквенных культур Западно-Сибирской станции, Юрий Константинович сразу арбузами заняться не смог, хотя его предшественник имел дело только с ними и дынями. Трудно было обещать их массовое производство — надо было дать в торговлю сначала огурцы, наладить поток этих ранних овощей.

Есть такое понятие — пластичность сорта, что означает его могучую жизненную силу в различных местах и климате. Сорта огурцов, созданные Тулуповым, возделываются в сорока четырех областях страны и еще в Монголии.

Две пятилетки возглавляет уже Юрий Константинович станцию. Селекцию огурцов передал, как он считает, в надежные руки — Высочину. Сам же доводит в основном арбузы. Трудно быть директором и вести широкие опыты: отлекают хозяйственные заботы о средствах, транспорте, кадрах, сбыте продукции...

И настал день, когда Юрий Константинович пригласил сослуживцев на пробу урожая. Это было всего несколько арбузов. Но каких!

— Окраска, видите, полоски с ромбиками, — от египетского. Вкус тоже близкий к нему. А скороспелость — от местных линий. Потому и Сибиряк...

К сожалению, Сибиряк сортом можно называть пока только условно — государственных испытаний он не выдержал — не дотянул немного по урожаю. Сейчас его доводят в двух вариантах: для открытого грунта и для теплиц.

Передо мной «История Сибири», выпущенная издательством «Наука» в 1968 году. Во втором томе читаю, что в Сибири в начале XIX века «почти каждый крестьянин имел огород, засаженный капустой, свеклой, морковью, огурцами, репой, редькой, горохом, бобами, луком, чесноком. В некоторых сибирских селениях выращивали арбузы, дыни, хмель. Разведением бахчевых культур стал славиться Минусинский уезд Енисейской губернии...» Как видим, сибирское овощеводство, в том числе и бахчевое, имеет прочные исторические корни. Для селекционеров это важно прежде всего тем, что накоплен богатый местный зимостойкий и скороспелый материал, дающий надежную основу всем вновь создаваемым сортам.

Не так давно бахчевые в Алтайском крае занимали ни много ни мало 12 тысяч гектаров. И хотя сейчас этого нет, статистика эту графу даже и не показывает, но повсюду остались энтузиасты бахчеводы. Они бережно хранят и совершенствуют местные линии. В Угловском и Михайловском районах до сих пор сохранилось по двадцать—тридцать гектаров общественных посадок. Сбор урожая с них в общем-то невелик, но и он вызывает целое паломничество всего края. Да и как устоять: разве может быть в летний зной что-либо желаннее ломтика прохладного сибирского арбуза? Старожилы вспоминают, как из-под Благовещенки, да и из всей Кулунды, доставляли к Оби арбузы, баржами везли их для продажи на Север.

Вернуть былую славу сибирскому арбузу, в огромном количестве дать его, а также другие овощи

не только жителям Алтая, но и нефтяникам Тюмени, строителям БАМа, труженикам Заполярья — вот как далеко простирается мечта ученых Западно-Сибирской селекционной опытной станции. Но это уже проблема «зеленого моста» Сибири. Это уже особый разговор.

ОВОЩНЫЕ УЗЕЛКИ

Идея «зеленого моста», разрабатываемая учеными страны, выглядит следующим образом: Средняя Азия дает Сибири ранние овощи, а также фрукты, виноград, бахчевые, отсюда же на юг пойдут составы с картофелем. Сибирь не может быть пассивным потребителем — Сибирь совершает взаимовыгодный обмен. Эта прогрессивная идея полностью вытекает из специализации и концентрации сельскохозяйственного производства во всесоюзном масштабе. Сейчас и в Сибири и в Средней Азии создаются и развиваются специализированные хозяйства, тресты и объединения, которые возьмут на себя практическое воплощение задуманного.

— Должен заметить, что подобный «зеленый мост» уже давно действует. Алтай ежегодно отправляет сотни тонн картофеля в Таджикистан и соседние с ним республики, получая взамен раннюю капусту, томаты, чеснок, лук, арбузы... Так же поступают и новосибирцы, омичи, кемеровчане. Однако в большинстве своем это не носит планового характера, здесь, как правило, довлеет стихия рынка...

Чувствуется, что заместитель директора опытно-селекционной станции по науке Станислав Степанович Литвинов, человек сам энергичный, отдавая должное предприимчивости владельцев индивидуальных садов и огородов, согласиться с таким положением не может. Однако выход, предлагаемый грандиозным планом продовольственных связей Сибири и Средней Азии, — это, по его мнению, тоже дело времени. Во-первых, и там и здесь еще надо усилить производственную базу хозяйств. Во-вторых, осуществлять кооперативные связи в таких размерах сегодняшней транспорт пока что тоже не в силах. А в-третьих, предполагается, что Сибирь по кооперации получит в основном виноград и фрукты, овощами же должна будет и в будущем на три четверти обеспечивать себя сама. Так что ученые Западно-Сибирской селекционной опытной станции, работая над проблемами местного овощеводства, развивают его не временно, а надолго, напостоянно, навсегда.

Кабинет Литвинова украшает таблица. Вот уж поистине немые слова и цифры могут звучать волнующей музыкой. Краткий перечень созданного на станции — около сорока сортов различных культур. Они возделываются в 116 областях, краях, республиках страны и в Монголии. Сорта Западно-Сибирской станции «завоевали» Подмосковье и Ленинградскую область, Крым и Кавказ, Прибалтику и Казахстан, а самое главное — они далеко продвинулись на Север в самой Сибири. О том, что цель успешно достигается, свидетельствуют названия — Сибирячка, Дар Алтая, Первенец Сибири, Барнаулский, Новинка Алтая, Сибирский...

По глубине исследований Западно-Сибирская станция считается одной из лучших в стране. И как признание заслуг появился следующий Указ Президента Верховного Совета СССР от 19 февраля 1976 года: «За успехи, достигнутые в повышении эффективности научных исследований и выполнении планов девятой пятилетки по производству и продаже государству продуктов земледелия, наградить Западно-Сибирскую овоще-картофельную селекционную станцию орденом Трудового Красного Знамени». Награду Родины работники станции встретили

с большой радостью и решимостью поднять сибирское овощеводство еще выше.

В последние годы два качественных скачка произошли в жизни станции. Поскольку в хозяйствах площадь закрытого грунта постоянно увеличивается, сотрудники ведут сейчас также широкую селекцию тепличных сортов. Причем и самим ученым теплицы пришлось весьма кстати: позволив иметь по два поколения растений в год, они вдвое ускорили создание новых сортов. Это первое. А во-вторых, тоньше и сложнее стали исследования. И что немаловажно, они стали синтетичнее, комплекснее, объемнее. Ученые перестают мириться с тем, что их сорта в рядовых хозяйствах дают сбор в три-четыре, а то и в пять раз меньший, чем в ОПХ станции. Оказалось недостаточным предложить хороший сорт, не сопроводив его точнейшими указаниями по возделыванию. Выше я приводил пример удачного участка Высочина в овощеводстве совхоза «Повалихинский». Такое стало возможным потому, что селекционер Высочин свои исследования ведет рука об руку с агротехниками Анатолием Ильичем Жуковым и Вячеславом Ивановичем Булгаковым. К подобному двойному изучению сортов перешли все ученые, и все они «имеют» в крае два-три хозяйства, где обязаны брать тот же урожай, что и на полях станции. Все правильно: ускоренная селекция привела за собой, потребовала быстрого внедрения. И самый яркий образец на этом пути связан, по-моему, с именами создателей сортов капусты Надежда и Сибирячка.

Разговаривая с главным автором обоих сортов кандидатом сельскохозяйственных наук Анной Алексеевной Тулуповой. Небывалый факт в биографии ученого — год назад она стала лауреатом краевой премии имени знатного овощевода Марии Игнатьевны Белоусовой. Небывалое здесь в том, что почетное звание до этого присуждалось только производственникам.

— Анна Алексеевна, как вам удалось это?

— Хотя и Надежда и Сибирячка созданы недавно, они потому хорошо пошли, что мы их пропагандировали через газеты, в журнале «Картофель и овощи» и других изданиях, в научных трудах станции. Но много значит и личное обидение. Мы ездим по хозяйствам Алтая, к нам едут из других областей...

В начале лета прилавки наших магазинов заполняются привозной капустой: мягкими хочанами величиной чуть больше кулака. Такие они потому, что среднеазиатская жара, не спадающая и ночью, не дает им развиваться в полную силу. Ученые, приехав с других станций и научно-исследовательских институтов, с удивлением признают, что те же самые овощи на Алтае вкуснее. Именно суровая Сибирь придает им силу, сочность, ни с чем не сравнимый вкус и аромат. Возьмем ту же капусту Сибирячка — белая, кочан тугий, плотный, не ломается. Беспредельны возможности этого сорта — Мария Игнатьевна Белоусова на Велижановском отделении совхоза «Новоалтайский» собирает ее до 1200 центнеров с гектара. Такова же и Надежда. Оба сорта широко шагнули по стране. Даже капустные плантации прибалтийских республик, ученые которых, ведя опыты с большим знанием дела, обычно успевают дать в производство свой материал, также покорены сортами, созданными в селе Лебяжье под Барнаулом.

Образованная в 1932 году Западно-Сибирская селекционная станция из Омска перекочевала сначала в Кемерово, а затем сюда, в село Лебяжье, что в восьми километрах от Барнаула. Переезд была вызвана не случайными причинами: если в прежних местах семена помидоров и других овощей

вырезают только раз в пять лет, то Алтай в этом отношении край благодатный. 1900 часов солнечного сияния — на 325 больше, чем в Москве, расположенной в тех же широтах! По интенсивности солнечной радиации Алтай не уступает Крыму. На алтайских землях вырезают семена всех возделываемых в Сибири культур.

Западно-Сибирская станция, выведя что-либо перспективное, рассылает в другие области по пять килограммов семян и дает их элиту в семеноводческие хозяйства Алтайского края. Но надо сказать, что размножение их из-за недостатка специальных семяхранилищ идет медленно. Овощеводческие хозяйства постоянно испытывают острый голод на семена капусты, лука, моркови, да и других культур. Чтобы ускорить дело, станция нынче, дав, как обычно, большое количество элитных семян для размножения в семеноводческие хозяйства, пошла, кроме этого, на прямые связи с рядовыми хозяйствами. Им были предложены капустные семена первой репродукции для трех тысяч гектаров, что в полтора раза больше, чем занимает капустой весь Алтай. Но с другой стороны, этого совсем недостаточно, поскольку от Урала до Дальнего Востока Западно-Сибирская станция — единственная, занимающаяся овощами.

Проблема семян для сибирского овощеводства требует к себе самого пристального внимания. А возможный вариант ее решения уже сейчас, думается, могли бы подсказать традиционные крупные производители овощей: Молдавия, Краснодарский край. Да и Волгоградская область — семена, получаемые оттуда Алтаем, не продукция каких-то спецхозов, а всего-навсего отходы овощеконсервной промышленности. Есть она и у нас на Алтае, однако местная промышленность применяет лишь метод цельного консервирования, при котором семена уходят вместе с товарной продукцией. Поэтому представляется интересной мысль, высказываемая многими овощеводами, о создании на Алтае овощеконсервного завода, производящего пасту, соки.

Как-то Тулупов, провожая ученых из подмосковного НИИ овощного хозяйства, задержался на мгновение, чтобы шепнуть мне прямо в коридоре:

— Кажется, что-то получается. Москвичи дают селекционера, мы подключаемся — теперь двинем картофель.

Нетерпеливую радость директора можно понять. Ведь хотя в титуле станции и стоит «овоще-картофельная», изучение последней культуры было свернуто до минимума. Единственное достижение за все время — сорт Красавец Алтая, но и он «красуется» только на картофельных полях Закавказья, а в Сибири не пошел.

И до многого другого не доходят еще руки у коллектива станции. Выше шла речь о том, что селекционер ищет и находит союз с инженером и агротехником. Однако сейчас все настоятельнее требуются также слово экономиста, его обоснованные расчеты, дающие «добро» или отклоняющие материал с учетом длительной перспективы.

— Не хватает сотрудников. И в то же время не можем взять новых: узки рамки станции. На наш взгляд, пришло время создать здесь институт овощеводства и картофелеводства с сетью зональных специализированных станций. В этом случае, считая, сможем дать более глубокое научное обоснование для всех зон Сибири, а также оказать всестороннюю помощь хозяйствам.

В довершение Юрий Константинович Тулупов рассказывает, как не принял недавно на станцию двух докторов наук: физиолога и технолога. Они были очень нужны. «И возраст такой, когда ученый

работает наиболее самостоятельно, — в пределах пятидесяти лет». Но пришлось бросить на весы последнее соображение — фонд позволяет пропорцию: или доктор наук, или четверо обычных сотрудников. Разумеется, перетянули последние.

В 1935 году на станции было тринадцать сотрудников. За сорок с лишним лет неизмеримо выросли объем исследований, их глубина, а штаты, по существу, остались прежними. Думается, что создание института позволит избивать селекционеров от перегрузки — сейчас они ведут по три-пять культур каждый, — сделает их поиск более эффективным, соответствующим бурному развитию производительных сил Сибири.

Разумеется, что соответствие в дальнейшем не может и не должно базироваться на ручном труде. Но поскольку такой труд пока остается основным в овощной отрасли, на станции думают, просчитывают варианты его наилучшего применения. И действительно, применяют с большим тактом и умением.

До недавнего времени тридцать три организации и предприятия Барнаула отражали своих посланцев на овощные плантации станции. Сейчас этот метод организованного аврала все больше уходит в прошлое. «Чиполлино» — лагерь труда и отдыха, на создание которого два года назад станция затратила больше двухсот тысяч рублей. За лето здесь отдыхает несколько смен барнаульских школьников.

— Для нас это бесценный клад. Работая всего по четыре часа, ребяташки делают на плантации больше любого взрослого. И на удивление все растения после них остаются не обломанными. А для отдыха детям здесь простор.

Места в Лебяжьем чудные: Обь и старое камышовое озеро, сосновый бор и листовые рощицы с неукротимым, сплошным, стелющимся по земле разнотравьем. Летом прямо под окнами станции заливается с десяток соловьев, а чуть в стороне подает голос кукушка... Это в самом деле лучший отдых — на природе. И отдых не праздный — в содружестве с природой.

Ученые рассказали и еще об одном школьном варианте, примененном в алтайском овощеводстве необычайно удачно. Сорокинская средняя школа в своей производственной деятельности получила права отделения местного совхоза. Ей дали технику, довели план, распростирали оплату — 25—30 тысяч рублей в год. И дело завертелось. Не надо бегать в районо, а то и в райком партии, отрывая школьников от учебы в самый неожиданный для них и для учителей момент. Сейчас если и снимаются ученики с занятий, то это всегда известно заранее, увязывается с учебным планом, и все пропущенное наверстывается без суеты и бестолковщины, неизбежных при авралах. Авралов теперь нет — есть спланированный труд и выполнение планов. Полторы тысячи тонн овощей выдает за сезон Сорокинская школа — это три(!) годовых плана всего района. Класс-победитель, а в школе развернуто самое настоящее социалистическое соревнование, едет на Черное море, другой — всем составом в Ленинград, третий — на экскурсию в Шушенское. Как говорится, проигравших нет — все ходят в победителях. Есть овощи, есть вдохновенный труд-отдых, есть увлекательные путешествия.

— А теперь взгляните сюда, — Тулупов пододвигает ко мне краевой план-развертку по овощам на 1977 год. — Волочка обещает 250 тонн. На первый взгляд неплохо. Но ведь только 60 тонн приходится на хозяйства. А остальные 190 названы в расчете на то, что их съест население. То же в Пет-

ропавловском, Локтевском, Романовском и во всех остальных районах... Думаю, что каждому району стоит применить опыт нашей станции, или сорокинский, или другой подобный же.

Как всегда, Юрий Константинович приводит случай из своей богатой неожиданностями практики. Год назад новичихинцы из своего насквозь сельскохозяйственного района пригнали в такую даль — на овощную станцию под Барнаул — два грузовика: «Дайте капуста! Хотя бы для детских садиков...» Просьбу, конечно, удовлетворили, но посоветовали в будущем для общественного питания выращивать зелень самим. На прощание рассказали новичихинцам о школьных вариантах.

И все-таки надо признать, что летние лагеря отдыха, школьные овощные цеха и теплицы, ученические производственные бригады всей погоды в овощеводческой отрасли не сделают. А если и сделают, то только на другой — машинной основе.

Вот мы и вернулись к тому, с чего начали разговор, — к главному тормозу отрасли — ручному труду. Постепенно он ликвидируется. На селекционной станции мне с гордостью показывали полученный недавно новейший морковевуборочный комбайн. В рубцовском совхозе «Никольский» главный агроном Юрий Георгиевич Гилев с большим воодушевлением ждал весны пробы трех наконец-то доставшихся хозяйству рассадопосадочных машин. Начало положено. И думается, основная проблема — механизация отрасли — со времени будет успешно решена. Но уже сейчас она не должна заслонять от нас других проблемных узлов сибирского овощеводства.

В том же совхозе «Никольский» такой узелок заглянул настолько туго, что, видимо, без вмешательства авторитетных партийных и хозяйственных органов, без их помощи специалистам хозяйства и района его вряд ли развязать. Впрочем, предоставим слово документам. Вот что писал директор В. Руденко в Барнаульское межрайонное специализированное объединение овоще-молочных совхозов в феврале 1974 года: «В тепличном комбинате совхоза «Никольский» Рубцовского района в результате прекращения подачи тепла 3 октября 1973 года погибли помидоры в стадии плодоношения. Причины совхозу ущерб на сумму 28000 рублей. 21 января 1974 года погибли огурцы в стадии плодоношения и вышла из строя отопительная система — совхозу нанесен ущерб на сумму 188000 рублей. При заключении договора Рубцовский завод запасных частей не гарантирует бесперебойную подачу тепла, чем ставит под угрозу срыва всю работу тепличного комбината. С протоколом разногласий к договору в нашей редакции о бесперебойном снабжении теплом в необходимом для тепличного комбината количестве РЗЗ не согласен. Договор с протоколом разногласий был нами представлен на рассмотрение в арбитраж при Алтайском крайисполкоме, но рассмотрен не был по причине неподведомственности данного вопроса в арбитраже. На нашу просьбу Рубцовский городской комитет партии ответил, что ТЭЦ АТЗ не может...»

Прерываю это письмо, чтобы непосредственно процитировать следующий ответ Рубцовского горкома партии бывшему тогда объединению овоще-молочных совхозов: «...промышленные предприятия города не могут гарантировать безаварийную подачу тепла в теплицы совхоза «Никольский», так как от основной магистрали кроме них получают тепло два завода и шесть предприятий. Отопительный сезон согласно нормам ТЭЦ имеет право начинать при среднесуточной температуре ниже плюс 10 (в течение последних пяти суток), а заканчивать при среднесуточной выше плюс 10. По фактически сложив-

шимся срокам за последние три года отопительный сезон в городе начинается 25 сентября—2 октября, а заканчивается 5—9 мая. Поэтому ТЭЦ АТЗ не может обеспечить бесперебойную подачу тепла теплицам с 15 сентября по 20 мая. Городской комитет партии считает, что для решения затронутых в письме вопросов необходимо решить вопрос аварийного отопления теплиц».

Два года спустя в феврале 1976 года В. Руденко в письме краевому управлению сельского хозяйства вновь перечисляет прежние беды, сообщая об аварийном отоплении: «Совхоз в каждую теплицу установил по теплогенератору ТГ-150, которые за сутки сжигают 2280 килограммов топлива. Однако температура в грунте не превышает 10 градусов. Рассада огурцов была высажена 27—28 января... За три недели нахождения в холодном грунте произошла биологическая гибель корневой системы. В результате план ранних овощей в количестве 1080 центнеров городу Рубцовску находится под угрозой срыва. От материальных затрат, вложенных на выращивание рассады огурцов, совхозу нанесен убыток. Прошу решить вопрос о подпочвенном обогреве с помощью труб».

Приехав в начале апреля 1977 года к рубцовским овощеводам, я был удивлен несказанно. В Барнауле совхоз «Спутник» уже давно отправлял в торговлю свежие огурцы, возделывал ранние помидоры, а в тепличном комбинате совхоза «Никольский» никакой зелени не было и в помине. Только-только высеяли первые огурцы. Главный агроном хозяйства Ю. Г. Гилев выдергивает из почвы одно-другое растение с остекленевшими корнями и роняет роковое «перетяжка». Что означает гибель растений из-за недопустимой разницы температур в воздухе и на почве. От рассказов тепличниц мороз пробирает по коже. Они каждый раз, видя сморщенные, скрючившиеся огурцы и понимая, что все их труды пропали, собираются и режут в голос: от жалости к растениям и к себе, от своего бессилия что-нибудь еще сделать. Не спасли нынче положения и трубы для подогрева почвы, так как они питаются от той же магистральной.

— В четвертой теплице в феврале трубы лопнули...

— В третьей и во второй лопались — лук подмерзал...

— А в пятой он совсем замерз...

Из совхоза, а затем из районного управления сельского хозяйства и райкома партии путь привел меня к заместителю председателя Рубцовского горисполкома Я. Т. Сергееву, который, как мне пояснили, отвечает за снабжение города овощами. Собе-

дник мой не скрывал недовольства овощеводами совхоза «Никольский»:

— Вы только подумайте, до середины августа дают тепличный огурец — кому он тогда нужен? Дешевле на базаре купить. Они бы к маю хоть раз с десятком огурцов вырастили!..

— Яков Тихонович, возможно и раньше. Надо только помочь с отоплением комбината...

— Тепла не будет. Город свои потребности закрывает приблизительно наполовину. Вот реконструируем ТЭЦ — будем обеспечены уже на три четверти.

— И в этом случае овощеводы могут рассчитывать на лучшее?

— Вряд ли.

Понимаю, что ситуация в общем-то нетипичная, случай крайний. Но вместе с совхозными овощеводами не верю, не хочу верить, что не было выхода из трудного положения. Не верю, что город, имея в своей черте тепличный комбинат, не хочет взять с него ранние овощи. Растут же с успехом ранние овощи в теплицах барнаульского «Спутника» и в таком же хозяйстве в Бийске, на Западно-Сибирской селекционной опытной станции и в далекой Якутии.

Проблемы, связанные с выращиванием и особенно с реализацией овощей в Сибири, имеют значение не только для Алтая. И само их возникновение, и внимание к ним на самом высоком уровне очень многое говорят о размахе овощеводства в регионе, о том, что все трудности — это трудности роста, ступени развития. В Новосибирске в 1977 году состоялось два совещания, проведенные межакадемическим проблемно-координационным советом, в который вошли представители сибирских отделений двух академий — ВАСХНИЛ и медицинских наук СССР. И если на первом главное слово было за производственниками — «можем предложить сибиряку столько-то овощей», то на втором в полный голос заговорили медики. С. С. Литвинов был участником обеих встреч.

— Выдвигается задача дать сибиряку не меньше 126 килограммов овощей в год, то есть приблизить их потребление к уровню жителей юга и европейской части страны. Сейчас, скажем, на жителя Алтайского края производится в среднем 56 килограммов местных овощей. Столько же или чуть меньше имеем в соседних областях. Так что цели перед нами поставлены большие. Большие, но реальные.

Верится, что не за горами время, когда к столу сибиряка будут в большом разнообразии подаваться превосходные местные овощи. Над этим работает и коллектив Западно-Сибирской овоще-картофельной селекционной опытной станции.

НАЛАДЧИКИ

Авария произошла сразу после обеда, когда наладчики, еще разгоряченные спором, возникшим из-за истории создания двигателя внутреннего сгорания, нехотя разбрелись по рабочим местам. Козылбашев подошел к шестисоттридцатитонному прессу, любясь четкой гармонией его линий. Примчался мостовой кран, остановился как вкопанный, крановщица, привстав, начала опускать ящик с заготовками. В это время он почти интуитивно почувствовал, что с прессом что-то происходит. Резко повернулся, увидел сквозь прозрачную, как кисея, дымку, что верхние и нижние движущиеся части пресса — ползуны — он это определил мгновенно, безошибочно — встали враспор, столкнулись, не имея возможности продолжить движение дальше. Моторы надсадно заревели, продолжая гнать масло в гидроцилиндры, а те в свою очередь толкали ползуны вперед, которые, как былинные богатыри, сошлись тело к телу, грудь к груди и не хотели уступать. Неприятно кольнуло под левой лопаткой — сломался главный винт, дней десять простоит. Побежал, задыхаясь, к прессу. Может быть, ничего страшного и не произошло? Отстранил рабочего, нажал на кнопки аварийной остановки. Ухватился за поручни и, перепрыгивая через две ступеньки, начал взбираться наверх. Тяжело дыша, обливаясь потом, добрался до смотровой площадки, свесившись, потрогал руками острые кромки.

— Вот дьяволищина, все-таки сломался, — проворчал еле слышно. Присел на корточки, разглядывая винт, потом медленно выпрямился, ударившись длинной костистой рукой об ограждение, и, с трудом нащупывая ступеньки, стал медленно опускаться...

Это уже второй случай за последние три недели и все в его смене. Сегодня он почти не притрагивался к прессу, только слегка подтянул гайки. Неужели перетянул? Опять заняло сердце. Сейчас прибежит старший мастер, как всегда, ничего не скажет, только укоризненно посмотрит и вздохнет. А вот заместитель начальника цеха не промолчит. Козылбашев болезненно поморщился. Невольно вспомнилось, как пятнадцать лет назад пришел на Алтайский моторный завод. Мог ведь устроиться наладчиком и в механический цех и не знал бы этих вечных забот, не ходил бы над пропастью: недожал — пошли по детали волнистые гофры, брак, пережал — хлопнется, как сейчас, винт. Вот и ловит «золотую середину», тот единственно приемлемый зазор, превышение которого даже на десяток микрон ведет к аварии... Но когда после приземистых, дымящихся от соприкосновения эмульсии с разгоряченным металлом станков

увидел стройные прессы, которые плавно, без видимых усилий гнули, калибровали, окончательно формировали листы металла, услышал быструю, оглушительную скороговорку легких прессов, долго не мог оторвать изумленного, восторженного взгляда.

Между тем пресс облепили слесари-ремонтники, вызванные, наверное, другим наладчиком Демченко.

— Опять запороли, вот работнички! — услышал Козылбашев реплику молодого, плечистого парня, который с ожесточением откручивал гайки. — Костоломы!

Он неожиданно почувствовал себя очень уставшим.

Дома за ужином Козылбашев был неразговорчив, жена даже подозрительно спросила:

— Не заболел ли, Ваня?

— Да нет, — он мрачно посмотрел на жену, — на работе неприятности.

— Опять пресс сломался?

Козылбашев кивнул головой. Он без аппетита съел несколько пельменей, отложил вилку и в задумчивости принялся катать хлебные шарики.

— Кушай, Ваня, кушай, — жена пододвинула тарелку только что сваренных, дымящихся пельменей.

— Понимаешь, Маша, вторая полочка. Никак не возьму в толк, отчего ломаются?

В голову вдруг пришла шальная мысль, что, может быть, он сам ошибся при наладке. Нет. Он ведь только подтягивал гайки, проверял надежность крепления штампа, ход ползуна. Налаживал пресс кто-то другой. Совершенно верно, он в обоих случаях только подналаживал. Да и не мог он дважды ошибиться, не мог. В последние годы у него вообще не было ни одной полочки. Ему как-то удавалось с ювелирной точностью так отрегулировать зазоры между верхней и нижней половинами штампа, что мастера, даже коллег-наладчики, диву давались. Он выжимал из пресса, кажется, все. И детали после его наладки не гофрили, то есть не получались волнистыми, и ОТК никогда не браковал. Значит, небрежность допустил кто-то другой. Но кто? Козылбашев очнулся от невеселых мыслей.

— Да, вот какие дела, Машенька, — он неопределенно махнул рукой.

— Папа, а как можно сломать пресс? Он ведь такой громадный, — поинтересовался младший сын.

— Видишь ли, сынок, здесь произошла ошибка. А так он, конечно, не сломается. Понял?

— Какая ошибка? — сын даже прекратил есть.

— Наладчик неправильно вставил штамп.

— А, — протянул сын, — тогда ясно. А кто этот наладчик?

— Не знаю.

— Он же не специально... Почему он не признается?

— Ну, понимаешь, сынок, штука получается какая? Чтобы тебе было ясно. Засмеют другие, а то и вовсе выгонят с участка. Наладчики не любят таких людей.

— Какое они имеют право выгнать?

— Имеют, сынок, имеют. Подрастешь, будешь работать, узнаешь, какое имеют право.

На утренней пятиминутке старший мастер Курганский был краток.

— Пресс остановился надолго, придется корпус муфты сцепления ставить на «кобылу», — так называют в прессовом цехе коренастый твердо стоящий на четырех могучих стойках пресс, с трудом втиснутый в самом конце пролета.

— За поломку придется отвечать всем, — тихо сказал Курганский и добавил почему-то покраснев: — Хотя виновник один и он среди вас.

Все сидели молча, не глядя друг на друга, только верткий весельчак Виктор, притушив сигарету, сказал:

— Пора, братва, порядок наводить, а то без штанов останемся.

— Это точно, — голос у Демченко сделался хриплым, — завелась паршивая овца.

Козылбашев ходил вокруг прессы, что-то шептал, высчитывал. Длинным ключом подтянул гайки, задумчиво потер лоб, сбросил рукавицы и, держа левую руку на большой красной кнопке, правой осторожно подогнал ползун. Склонился над штампом, в коленях появилась какая-то противная дрожь. «Что это ты разволновался, Иван Васильевич? — подумал Козылбашев. — Сотни, тысячи раз безошибочно налаживал самые сложные штампы, а сейчас вдруг растерялся». Нагнулся, захватил жилистой рукой заготовку и с размаху положил в штамп, но не выдержал, сбросил. «Нервишки барахлят, ишь как расходились». Снова подвел верхний ползун в самое крайнее положение, а потом, изловчившись, штангенциркулем замерил зазор. Засомневался: «Пожалуй, нужно отвести чуть назад. Так недолго и врезаться». Крикнул напарнику, перекрывая грохот:

— Подними на две десятки, Василий!

— Страхуешься, дядя Ваня?

Козылбашев протестующе покачал головой. Пока Василий возился со штампом, сбежал посмотреть, как ремонтируют злополучный пресс.

— Готово? — спросил вернувшись, закатывая рукава робы.

— Поехали, — махнул рукой Василий.

Ползун плавно пошел вниз, обрушившись на штамп, что-то щелкнуло — Козылбашев впился пальцами в борт детали, поспешно выдернул из штампа.

— Малость гофрит, — облизывая губы, сказал Василий, — я же тебе говорил, дядя Ваня, что зря добавляем.

— Куда торопишься? Десять-пятнадцать минут лишних, зато выставим на совесть.

— Характер у меня такой. Люблю делать все быстро.

Внезапно, как будто из-под земли, выросла фигура начальника смены. Деловито потрогав короткими, толстыми пальцами заготовку, спросил:

— Ну что, Иван Васильевич, настроил уже?

— Нет, еще малость подрегулируем.

Начальник смены неторопливо похлопал ладонью по детали.

— Нормально, кажется, ОТК такие примет.

— Не годится, — Козылбашев надел рукавицы, — видите, гофрит.

— Я отвечаю, — начальник смены раздраженно пожевал потухшую сигарету. — Конвейер же остановим.

— На посмешище не хочу себя выставлять, — Козылбашев запнулся. — Дело пустяковое.

Ловко перехватив ключ, начал отворачивать гайки. Козылбашев подумал о вчерашней аварии: «Кто же мог налаживать шестисоттридцатитонный? Неужели у этого человека нет элементарной порядочности? Не получается — брось, уйди. На заводе вон сколько специальностей! Почему он не старается найти свое призвание? Может быть, потому, что нужно рушить привычный уклад жизни, рисковать, но ведь где-то рядом его судьба, только руку протяни. Да, не всем дадена твердинка признаться самому себе, оценить со стороны».

Козылбашев очнулся.

— Как дела? — крикнул Василию, который на другой стороне светлого крутил гайки.

— Шас закончу, — он напрягся, на лбу даже выступили крупные капли пота.

Ключ неожиданно сорвался, Василий больно ударился костяшками пальцев о штамп. Разозлился, скрипнул зубами: «Ну, святая дева Мария!»

— Пробуй, дядя Ваня! — он сбросил рукавицы и тряс кровотокающей кистью.

Козылбашев снова проворно положил заготовку в поблескивающий штамп. Прикрыл глаза, постоял несколько секунд неподвижно, словно примериваясь. Наконец решился, нажал на кнопку. Откуда-то издали донесся голос Василия.

— Нормально, дядя Ваня, можно штамповать.

— Ну-ка, покажи.

Козылбашев, прищурившись, покрутил в руках деталь, бросил:

— Кажется, пойдет.

Махнул рукой прессовщице: «Давай, Надя!»

Начальник смены глухо сказал, отходя к электрокару:

— Ну и любишь ты на нервах поиграть, Иван Васильевич.

Козылбашев виду не подал, что его задели эти слова. «Все-таки горлохвват начальник смены». Он протер салфеткой ключи, молоток, сложил в металлический ящик. Облизнул потрескавшиеся губы, хотелось пить. «Надо бы посмотреть, как себя чувствует новый штамп на поддоне». Едва сделал десяток шагов, подбежала молодая, краснощекая, в аккуратном джинсовом костюмчике девушка с трехсотпятидесятитонного.

— Дядя Ваня, что-то штамп барахлит.

С улыбкой посмотрел на разволнованное лицо. Он видел, как несколько часов назад возле прессы крутился Вадим, черноволосый, малоразговорчивый наладчик. На всякий случай спросил:

— Штамп-то кто ставил?

— Высокий такой, по-моему, его Вадимом звать.

— А он где, почему к нему не обратилась?

— Не могу найти, дядя Ваня, — она виновато улынулась, — и стоять не хочется.

— Это я так, для порядка. Пойдем, глянем, что у тебя стряслось. — Козылбашев подхватил металлический ящик и зашагал к прессу.

— Ну, показывай свою беду.

— Понимаете, дядя Ваня, кажется мне, что металл с трудом штамп заполняет, не так, как всегда.

— Пробуй.

Она поправила косынку, включила пресс. Козылбашев впился глазами в штамп.

— Стоп! — закричал он, на всякий случай сам резко надавил на кнопку.

«М-да, девчонка-то права. Вадим действительно перетянул. Сломаться, может быть, пресс и не сломается, но для наладчика такая небрежность непристельна. Торопился, наверно». И вдруг засверлила мысль: «А если Вадим угробил те два пресса? Козылбашев попытался отделаться от этих мыслей, но они бессвязно кружили в сознании. Козылбашев поднырнул под верхний ползун. «Может, и не Вадим, но ведь кто-то должен быть?»

...Над городом в полнеба висела рыжая луна, одиноко и тоскливо завывал в трубе ветер. Козылбашев все никак не мог уснуть. Перед глазами один за другим всплывали наладчики тяжелых прессов. Вот виртуоз, прирожденный прессовщик Карпов. Козылбашев сам когда-то у него учился. Медлительный, обстоятельный, с хитринкой Демченко. Об этом и говорить нечего, но подведет. А Толик? С виду совсем еще мальчишка, но есть в нем настоящая рабочая жилка. Смекалист, боек не по годам. И все же Вадим стоит как-то особняком, что-то в нем есть такое. Козылбашев прикрыл глаза. И сразу поплыли, заплясали прессы, детали, заготовки. С ожесточением потер виски, повернулся на правый бок. Покою не было в его душе. Он слишком глубоко вошел в заводскую жизнь. И сейчас, переосмысливая ее, придавал ей еще большую значимость. Он вдруг ощутил в себе некий взлет, когда человек начинает понимать и прошлое, и настоящее, и будущее. Он почувствовал себя ответственным за то, что происходит в цехе. Еще две-три таких аварии и участок провалится. Он помнит те времена, когда цех лихорадило так, словно все беды одновременно свалились на их головы...

...Козылбашев налаживал пресс с особым наслаждением. Штамп был новый, измененный по его предложению, и ему не терпелось побыстрее испытать его. Играючи установил штамп, повозился длинным, тяжеленным ключом. Вокруг знакомый, привычный мир: громады прессов двойного действия, переливчатые трели мостовых кранов, вздрагивающая лента подвеса конвейера. Во все это Козылбашев врос всеми корнями... Первая деталь была какой-то волнистой, шершавой, но это не обескуражило его. Он подтянул гайки, выравнивая поверхности штампа... И снова подумал о Вадиме. Сегодня он обязательно должен с ним поговорить. Но где это лучше всего сделать? Пожалуй, в столовой. Получится непринужденно...

Когда Козылбашев взял поднос, краем глаз увидел, что за столом, где сидит Вадим, есть свободные места. Лавируя подносом, прошел в дальний угол зала, сел напротив Вадима, сняв с головы выдающуюся вида кепку. Некоторое время ели молча. Снова мысли запыржали: «Пусть мастера разбираются». Но другой голос, властный, настойчивый, требовал: «Может быть, он и не подозревает ни о чем? Если наладчики узнают виновника аварии, суд будет жестоким. Это травмирует Вадима на всю жизнь».

Вадим не спеша разделался со щами, вытер ложку коркой хлеба, положил в стакан со сметаной. Козылбашев исподволь наблюдал за ним.

— Как трехсотпятнадцатитонный? — спросил он, — вчера на нем двигатель меняли.
— Нормально, с утра кронштейн на него поставил.

— Скажи, Вадим, — начал он, подбирая слова, — отчего пресса ломаются?

Вадим неопределенно пожал плечами, салфеткой вытер покрасневшее лицо.

— Считаю, дядя Ваня, они уже лет десять двенадцать... Должны же они когда-нибудь сломаться.

— Это ты правильно говоришь, но винт расколоть не так-то легко.

— На что намекаешь, Иван Васильевич?

— На то, что у каждой аварии есть виновник...

Вадим отложил вилку, схватил стакан с соком, залпом выпил.

— Предположим, — помолчав, сказал он.

— Вчера девчонке одной пресс помог подладить. Еще бы немного и сломался. Наладчик перетянул десятую долю миллиметра.

— Ну и что?

— Пресс-то ты налаживал.

Вадим опустил голову, уперся локтями в стол. Что-то дрогнуло на его лице. Он ждал этого вопроса. Кто-то должен был ему сказать. Козылбашев почувствовал, что Вадиму сейчас тяжело, очень тяжело. Лучше бы он не заводил этого разговора. Зачем вмешиваться в чужую жизнь.

— Я налаживал... Ничего не получается у меня, дядя Ваня. Три года уже работаю и все время такие муки. Не сплю ночами, а куда пойдешь?

— Чудак ты человек, Вадим. Кругом столько работы: наладчиком в механический цех, на станке тоже не грех потрудиться. А здесь ты ничего кроме вреда не приносишь.

— Думал уже. Рисовать люблю.

— Тем более. На заводе художники тоже требуются, в бюро эстетики (обратись).

— Десять лет с металлом возжусь...

— Ерунда, — Козылбашев отхлебнул глоток чая, — я в тридцать пять стал наладчиком прессов, а до этого понятия о них: никакого не имел.

— Это же ты, дядя ВВаня!..

В столовой становилось пусто. Рабочие, подхватив коричневые подносы с громоздящейся на них грязной посудой, уносили в самый конец зала и клали на черную, бесшумно движущуюся ленту.

— Давай закончим разговор, — Козылбашев вытер салфеткой губы. ВВадим кивнул головой.

— Я, как видишь, случайно наткнулся... Если узнают, будет худо. Уходи, Вадим. Если за три года себя не нашел, дальше бесполезно...

У Козылбашева точно камень свалился с души. Он сказал парню честно все, что должен был сказать. Пусть Вадим даже ненавидит его в эту минуту.

...Вадима больше в цехе не видели. Говорят, что он работает сейчас (где-то) на Урале главным художником фарфоровой фабрики...

ЧЕЛОВЕК И ПОЭТ ВЛАДИМИР ГЕРДТ

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

Это было в 1962 году.

На семинаре немецких литераторов в Барнауле ко мне подошел невысокий худощавый брюнет.

«Гердт», — представился он негромким, но твердым голосом. Крепкое пожатие маленькой сильной руки. Открытое приветливое лицо человека, немало испытавшего в жизни. Несколько стеснительная добрая улыбка.

В тот вечер мы долго беседовали.

Все глубже раскрывался передо мной образ собеседника.

Родился Владимир Александрович 25 декабря 1916 года восьмым из десяти детей в селе Ровном бывшей Саратовской губернии. Отец в то время был солдатом первой мировой войны. Мать в своих заботах о многочисленном семействе забыла зарегистрировать сына. Только отец, возвратившись с фронта после Октябрьской революции, выполнил эту обязанность. Бывший солдат, прошедший первую политграмоту в окопах, был восхищен Великим Октябрем, идеями Ленина. В честь вождя революции назвал сына Владимиром и записал его рождение 1917 годом.

Владимир Гердт вспоминает свое детство: «В семье часто не хватало даже черного хлеба. Но жили мы дружно, интересно. Несмотря на трудности и лишения, в моем детстве были и счастливые дни. Отец часто говорил, чтобы мы учились. Вы живете в хорошее время. И рассказывал, как служил «мальчиком» у саратовского богача Шмидта. Там же батрачила его будущая жена — наша мать».

Я узнаю, что любознательность, влюбленность в книгу моего собеседника имеют глубокие корни.

Отец Владимира научился грамоте самоучком. Пристрастился к чтению. Хозяин, застав его с книгой, награждал подзатыльниками. Но потом, заме-

тив способности «мальчика», сам стал давать ему книги, заставлял учиться. Через несколько лет отец стал служащим богача. Он много ездил, много видел. В Нижнем Новгороде ему посчастливилось увидеть Максима Горького, в Ясной Поляне — Льва Николаевича Толстого.

Владимир Гердт вспоминает: «Меня очень занимали фамилии: Горький, Толстой, потом еще Пушкин, Мицкевич, Гете, Гейне, Есенин. Их я слышал в горячих спорах отца с соседом, врачом Гуминским, который был нашим частым гостем. Я мало понимал, но примостившись где-нибудь в углу, слушал, слушал... Мать, когда собеседники слишком горячились, брала гитару и пела. Пела она великолепно. При этом она обычно смотрела на меня, потом подходила, гладила по вихрам и спрашивала: «Что с тобой, сынок?» — «Мне хорошо».

Так я полюбил стихи, песни, музыку, сказки».

В наш разговор вмешивается поэт Виктор Вебер: «Мы с Владимиром с первого класса дружили. Помнишь, как оформляли стенгазету? А наши первые стихи? Их мы тоже помещали в стенгазете».

И дальше Гердт:

«В 1932 году я поступил в Маркштадтский педтехникум. Окончил его в 1935 году. В техникуме продолжал заниматься поэзией».

После окончания педтехникума Гердт работал в сельской школе и продолжал писать стихи. В 1936 г. первые стихи опубликовали пионерская и молодежная газеты. В них, конечно, не хватало знания жизни. «Только после длительного общения с трудовыми людьми я почувствовал, что у меня есть что сказать читателю», — говорит Гердт.

Настоящую школу жизни Владимир Гердт прошел на Урале, где в течение двадцати лет работал буровым мастером.

С 1962 года поэт живет на Алтае, работает корреспондентом газеты «Роте Фане». Много ездит и снова учится у людей труда. С литературными произведениями выступает вновь с 1957 года.

Вот как много интересного я узнал в тот памятный вечер.

С того времени я пристально слежу за творчеством Гердта. За пятнадцать минувших лет оно стало более глубоким. Теперь автора отличает аналитический подход к жизни, стремление к философскому осмыслению действительности. Стихи его становятся, как пишет один читатель, «умнее, интереснее и короче». Автора увлекает афористическая форма.

...В 1968 году в советскую немецкую литературу вошло новое имя — Роберт Вебер. Пришел он со своей поэтикой, во многом новаторской. Владимир Гердт, воспитанный на классических образцах, выступил с резкой критической статьей. Открылась оживленная дискуссия, было много голосов за и против нового. Сам Гердт много передумал. И вот на семинаре в Москве он, неожиданно для многих, выступил со следующим заявлением: «Наверное, я был не прав, отвергая поэта, который пишет по-новому, иначе, чем мы привыкли писать. Пусть будет в нашей литературе больше поэтов хороших и разных, как говорил Маяковский».

В этом заявлении весь Гердт. Больше того, через несколько лет он сам стал иногда прибегать к свободным ритмам — как и Вебер.

В Гердте меня поражает динамичность и реакция на события жизни, какая-то особая гражданственность, публицистичность. К столетию со дня рождения В. И. Ленина он пишет ряд интересных стихотворений, среди которых особенно выделяется стихотворение «У Кремля», одно из лучших в советской немецкой Лениниане. К золотому юбилею образования СССР он выступает со стихотворением «Дружба народов», в котором воспевает братство всех народов и народностей Родины. Чувство интернационализма у Гердта развито очень сильно. Оно носит совершенно конкретную форму. «Я подружился с украинским поэтом Теренем Масенко, — рассказывал он при встрече. — Мы делимся мыслями, переводим друг друга. Это помогает нам в творчестве, обогащает нас». Такая же дружба связывает его с русским поэтом Юрием Груниным. С особенной теплотой Гердт пишет о том глубоком следе, который оставил в нем народ манси на северном Урале. «Этим простым хорошим людям я посвятил ряд своих стихов».

Неоднократно поэт по-своему отвечает на извечный вопрос: с чего начинается Родина?

ТЕПЛО

Я теперь понимаю,
Что в жизни везло:
Руки мамы давали
Мне в детстве тепло,
Согревал меня щедро
Семейный очаг.
...Но отчетливо я
Понимаю сейчас,
Что счастливую
Жизнь бы моя не была,
Если б Родина мне
Не давала тепла.

Откликнулся поэт и на тридцатилетие Победы над фашизмом, написал свои стихи к шестидесятилетию Октября. Это не погоня за злободневной темой, а духовная потребность писателя высказаться.

Тонкая художественная правдивость проявляется в отношении поэта к родной природе, любовь к которой уходит далеко в его детство и юность, когда он босоногим мальчишкой бегал на берег великой русской реки Волги. Окрепло и возмужало это трепетное чувство в результате общения с природой Урала. Здесь он научился ходить по звериному следу, наблюдать. Охотничьи рассказы, иногда с тонким юмором, всегда привлекали Гердта. В газетной рецензии на книгу таких рассказов высказывается мнение, что именно в этих произведениях истинный Гердт, а стихи, мол, только помеха для написания новых рассказов. Оставим это суждение на совести рецензента и обратимся к стихам о природе. Здесь выделяется стихотворение «Фотоохотники», в котором особенно убедительно и ярко выступает цельность натуры поэта-охотника, призывающего беречь, хранить дичь и приносить домой только фотографии.

Особенная глава в творчестве Владимира Александровича — произведения детям. Двери в собственное детство он оставил широко открытыми. На собственном жизненном опыте он убедился, что «все начинается с детства», как говорит С. Михалков. Куда бы его ни заносила корреспондентская работа, он обязательно побудет в школе, в многодетной семье. По следам этих изучений он пишет стихи, рассказы, загадки, адресованные юным читателям.

Как-то я был в одной из школ Хабаровского района. Дети попросили: прочтите стихотворение Гердта о петухе, и долго смеялись над незадачливым петухом, который всех рано будит, а потом сам отсыпается. «И у нас есть такие петухи», — говорили дети. Гердту удаются и шванки. Написанные сочным народным языком, они вызывают всегда смех, особенно, когда их читает сам автор своим негромким голосом, просто, без внешних эффектов, но с затаенной хитринкой.

В последние годы писатель Гердт пытается художнически осмыслить свой труд, труд своих товарищей. Написанные им литературно-критические эссе о творчестве Фридриха Боэльгера, Александра Бекка, Лии Франк и других отличаются добросовестностью и доброжелательной принципиальностью.

«Когда речь идет о поэзии, у меня такое чувство, как будто речь идет о жизни моей», — говорил он на одном из семинаров.

Вот далеко неполная характеристика поэта и человека Владимира Гердта. Следует добавить, что он творчески активен. За двадцать лет литературного труда он создал более 600 произведений, которые систематически печатаются в немецких газетах «Нойес Лебен», «Роте Фанне» и «Фройндшафт». Лучшие из них вошли в 28 коллективных сборников. В переводе стихи поэта публиковались на страницах «Алтайской правды», «Моолодежи Алтая», альманаха «Алтай», «Сибирских огней» и др. В издательстве «Казахстан» вышли его охотничьи рассказы, алтайским издательством выпущена в 1972 г. книга стихов «Лирический отзвук». К юбилею поэта издательство готовит новый сборник — «Тепло Родины».

Поэт в полном расцвете творческих сил встречает свой юбилей. У него большие замыслы и планы. Пожелаем Владимиру Гердту успеха в их осуществлении.

Э. КАЦЕНШТЕЙН

У КРЕМЛЯ

У времени свои заботы,
течет, течет его река,
и скалы —
грозные высоты —
стекают струйками песка.
Уходит лес,
вулканы гаснут,
как уличные фонари,
и только правда полновластно
извечным пламенем горит.
Не исчезает, не мелеет,
неистребима, как земля.
И очередь у Мавзолея
вечна под стенами Кремля.
Здесь каждого согреть пламя
великой правды Ильича,
и Кремль кивает куполами
неколебим и величав.
Здесь рядом белый, желтый, черный —
от всех наречий и племен,
сыновей преданности полны,
сюда спешат отдать поклон.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Хвала рукам! Не тем, что любят брать,
хотя таких и наберется рать.
Другим рукам хочу я гимн творить,
что созидать умеют и дарить.

Истины дорога многотрудна,
истина насилья не боится.
На костре сожжен Джордано Бруно,
но живет, пока земля вертится.

Ушастый филин стать решил поэтом
и начал рьяно над строкой трудиться.
Все есть в стихах, лишь не хватает света,
поскольку филин, он — ночная птица.

В КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕЕ

Мальчик смотрит изумленно, долго:
Даль реки,
прибрежные пески.
Баржу с грузом по широкой Волге
репинские тянут бурлаки.
Напряжены лица горевые,
ноша — не придумать тяжелей.
Неужели это все Россия —
Родина подзвездных кораблей!
Лапти гнуты, да дороги люты,
люди тянут, тянут бечеву...
А за окнами, вздымаясь круто,
самолет уходит в синеву.

ЛЕРМОНТОВ

С могилы поэта две горстки земли
из дальних Тархан мне друзья привезли.
Я свято храню эти серые горстки,
но мне вспоминается парк в Пятигорске.
На мраморном цоколе, словно живой,
поэт с непокрытой стоит головой.
Нет, он не схоронен в родимых Тарханах,
давно затянулась смертельная рана,
пестреют цветы, алыча расцвела,
он смотрит на солнце глазами орла.
Дымится двугорбый Эльбрус снежно-белый,
не Казбич ли скачет с красавицей Бэлой!
А там не Печорин промчался с княжной!
Но люди другие и век стал иной.
Его не измерить старинною мерой,
по скверу в панамках бегут пионеры,
проходит шахтер, и шофер, и пилот,
и девушка с книгой по скверу идет.
На твердой обложке небесного цвета
тисненое золотом имя поэта.
А он с непокрытой стоит головой
на мраморном цоколе, словно живой.
Великий художник, немирный поручик,
нет, он не покинул кавказские кручи.

ПЕРЕВЕЛ С НЕМЕЦКОГО
МАРК ЮДАЛЕВИЧ

О КНИГАХ Н. Г. ДВОРЦОВА

(ОБЗОР ТВОРЧЕСТВА)

За тридцать лет работы в литературе Николай Григорьевич Дворцов создал произведения разных, далеких, казалось бы, друг от друга тем.

Роман «Дороги в горах», герои которого (вчерашние школьники) в первых серьезных испытаниях познают себя, своих товарищей, учатся различать, кто есть кто, и повесть «Опасный шаг» — о неудавшейся современной молодой семье.

Такие вещи, как «Сибирская Зима» и «Августовские ночи» — о русской сибирской природе или «Старый мерин, кумовья и художники» — о лошадях, людях и собаках, и такие, как «Родная семья» — о воспитании юношей армейской службой.

«Нужны энтузиасты» — документальная повесть о сибирском садовом академике ВАСХНИЛ М. А. Лисавенко, очерк «Суть» — о проблемах и нуждах современной деревни и повести «Два дня и три ночи» — о трудных подростках поры 20-х годов, «Святая простота, или телега семейной жизни», в центре которой своеобразный характер из русской степной деревни 30-х годов.

Разное время (20-е годы и сегодняшний день), разные места действия (алтайская деревня, Норвегия, саратовские степи), разные и в самом деле далекие друг другу события (будни тягчайшей из войн и трогательный мир милых малых птичек).

Однако при всей этой разности есть в произведениях Н. Г. Дворцова нечто общее, просматривается в них то главное, что более всего волнует и заботит писателя. Кроется это общее прежде всего в самой этической программе, в идейно-нравственной позиции автора. Предмет его разговора с читателем обозначен в конечном итоге как разговор о

духовной силе одних и нравственной ненадежности других, о воспитании человека, достойного нашего советского времени.

«Человек — это ведь не только то, что есть сегодня, но и то, что было вчера, что завтра будет и вообще. Дела долговечнее самого человека. Добро вспоминается добром. А подлое?.. Подлое тоже никак нельзя оставлять. Иначе его не выживешь, и при всяком удобном случае оно будет лезть как трава-сорняк». В этих раздумьях Ильи Рыбина, героя повести «Двое в палате», заключена сама направленность писательского труда Н. Г. Дворцова. Дойти до самой сокровенной сути человека, донестись до истоков добра, но тоже — и обнажить истоки зла; показать, откуда происходят высоты человеческого духа и где начинается антинравственное, античеловеческое в человеке — такую задачу (психологически сложную, требующую тонкой, чуткой работы) ставит себе писатель.

И невозможное возможно...

А. Блок

Много лет напряженной трудной работы отдал писатель военной теме, посвятив ей роман «Море бьется о скалы», повесть «Двое в палате», такие небольшие по объему впечатляющие вещи, как «Боль души», «Бурадан ачмалы», касаясь ее (вроде бы и невольно), а по сути — необходимо) в ряде произведений невоенной, мирной тематики.

Что война с силой показала беспримерный героизм, беспримерную нравственную высоту советских людей — об этом создано и еще будет создано советской литературой много отличных и хороших книг. В них так или иначе открываются нам черты нацио-

нального) народного характера; те черты, что, необъяснимые для наших врагов, озадачивали их, заставляли вспоминать о загадочной русской душе. Поведение советского человека, оказавшегося лично в критическом положении, чаще ошеломляло, ставило в тупик, не укладывалось в их привычные расхожие представления о логике и логичности.

Именно такой советский характер обжигается в центре изображения тех произведений писателя Н. Г. Дворцова, где речь идет о событиях Великой Отечественной войны.

О тех, кто изощренным пыткам, физическим и моральным, противопоставил свою нравственную силу, волю свою к борьбе, о тех, кто достойную жизнь поставил против смерти и достойную смерть против подлой жизни, рассказал писатель в романе «Море бьется о скалы». Стечением военных обстоятельств заброшенные в фашистский концлагерь в Норвегии, они не смирились своей душой, и в невозможных по всем очевидным данным ситуациях они продолжали активную борьбу с фашизмом. Люди разных пристрастий, привычек еще из той довоенной жизни, неодинаковых характеров, интеллектов, в одном оказались они едины и одинаковы: нее в том состоял для них вопрос, чтобы как-то выжить, но в том — как, в качестве кого прожить эти свои дни. И если жизнь их, по выражению одного из героев романа Васька Хорошаева, плохогодила очень на «танец среди мечей», то каждый стремился исполнить свой номер мужественно и точно, с небрежением к автомату врага и колючей проволоке.

Олег Петрович Садовников, врач лагерного ревира, был в сравнительно сносных условиях, во всяком случае за жизнь свою личную мог не опасаться. Но именно он, Садовников, первым взялся за организацию подполья в лагере, был вдохновителем подготовки восстания. Может, раньше и острее других понял Олег Петрович, что самое страшное в их положении — опустошенная, изверившаяся душа. И он в самые черные дни учил людей не терять воли. Борьбе и презрению к врагу, хотя бы и ценой собственной жизни, учил.

Не для того, чтобы выжить самому, втерся в доверие к фашистам Федор Бойков. Дорого ему это давалось, но он умел до предела сжимать себя, не выдавать своих подлинных чувств. Когда немцы нащупали все же,

откуда идут нити участвовавших диверсий, Федор мог еще бежать (помогли бы норвежские рабочие), и Садовников настаивал на этом. Но, взвесив все за и против, Федор Бойков решил, что теперь его смерть на миру нужнее. И он остался. И показал фашистам, как умирают советские.

Или Андрей Куртов. Натура артистичная, мечтательная и впечатлительная. А тут любовь к норвежской девушке Инге.

Унтер Штарке считал себя тонким психологом. Он привел Андрея на то место, неподалеку от памятника Эдварду Григу, где Андрей впервые увидел Ингу. Мелодии Грига, фиорды, скалы и Инга... Но просчитался фашистский психолог — Андрей Куртов не предал своей Родины, своих товарищей.

С артистичным блеском исполнил свой танец среди мечей Аркадий, или, как небрежительно окликали его в лагере свои же товарищи, Аркашка. Талантливо, натурально играл он перед немцами недалекого, всегда и всем довольного, всегда готового услужить, тающего от немецких похвал парня, мечтающего якобы о железном немецком кресте на грудь. Большинство в лагере открыто презирали его. Еще бы — денщик самого Штарке, разбитной шут, паяц с длинной, еще долагерной биографией предателя. Только потом, когда уже не станет Аркадия, узнают люди, что это он сам, в интересах дела борьбы, сочинил для себя послужной список преступника и изменника.

А Васюку Хорошаеву было только девятнадцать. Непосредственный, эмоциональный, порывисто еще порывистый, он по-квально преследовал своим презрением фашистских прихвостней. Ходил за ними по пятам и, зная не желая ни о какой осторожности, выпаливал им в лицо все, что о них думает. На расстрел Васюка вели гестаповцы. Он не хотел умирать. Но еще больше не хотел, не мог Васек принять подлой жизни.

Следует отметить, что из всех образов романа двое, а именно Васек Хорошаев и Олег Петрович Садовников, слеплены писателем, что называется, с натуры. Остальные — образы собирательные, но фактической основой для их обрисовки послужили действительные события.

Роман в целом хорошо встречен критикой, что и понятно, ибо он оставляет впечатление документальной правдивости. (Более десятка рецензий на него носили

примерно такие названия: «С любовью к Родине» — Л. Габова, «О победе человека» — Т. Макарова, «Победивший смерть» — Г. Осипов и др.) Но надо признать вместе с тем, что по силе художественной выразительности роман все же не ровен. Не всегда удалось автору поставить на службу более углубленного показа характера, компактности сюжетных построений богатство материала, которым он располагал.

Но опыт работы над большим полотном романа не прошел для писателя даром. Уже в следующей своей работе, повести «Двое в палате», он, как художник, поднялся значительно выше всего того, что было создано им ранее. Здесь, в повести, — художественная экономия языковых средств, подчиненность строгая всех деталей, самой сюжетной организации главной задаче.

Непонятны были фашистам садовниковы и хорошаевы, и уж совсем ни в какие рамки их представлений о нормах человеческого поведения не укладывались такие, как Илья Рыбин, герой повести «Двое в палате».

Повестью этой автор продолжает, художнически исследует тему человека на войне. Стремясь зримее, четче, материальнее подать ведущую мысль произведения, глубже проникнуть в характер, автор ставит своего героя опять-таки в сложные, событийно и психологически критические, крайние обстоятельства.

Судьба человека не всегда складывается на ровной дороге. Бывает, что и осложняется она запутанными ситуациями, несправедливостями. Случилось такое и в жизни Ильи Рыбина. По клеветническому обвинению был он арестован, из заключения вернулся только уже в сороковом — предвоенном. И тут познал, как непросто в глазах людей скинуть пятно, брошенное на тебя клеветником, какими неудобствами в повседневности, в общении с односельчанами это оборачивается. Началась война. Казалось, теперь-то, в сорок первом, Рыбин считается за свои обиды, возьмет свое.

Однако кроме той схематичной, что ли бы сказать, прямой, лобовой логики есть еще другая, высшая логика — та, что веками складывалась в народном характере. Эта логика подлинно народной нравственности подняла Илью Рыбина над личными обидами, повела своим страдным и справедливым путем.

Коллизии повести «Двое в палате» насыщены, остро напряжен-

ны, психологический рисунок достоверен. А вопросы, которые решаются в повести, относятся не только к прошлому — они важны и сегодня, будут важны еще и завтра. Потому что здесь — исследование двух жизненных программ, двух разных отношений к жизни, разных пониманий своих обязанностей перед нею — двух в конечном итоге противоположных идейно-нравственных позиций.

В больничной палате встретились двое. Два уже порядком пожилых, больного человека (пути их в жизни, как окажется потом, не раз перекрещивались и всякий раз — при обстоятельствах взаимноисключающих).

Житейская философия Рыбина проста и бесхитростна. Да, было — обижался на судьбу. Да и то сказать — четыре года не четыре дня. «Ну, а когда война таким горем обрушилась, так своя обида в этом общем горе сразу утонула. Да и как иначе? В твой дом бандиты ломаются, а тут промем своей семьей счеты сводить, пререкаться, кто прав, кто виноват?»

У Ильи Рыбина будто врожденное непреложное чувство неотделимости своей судьбы от судьбы народа. В голову не приходит ему, что можно тут поступить чем-то ради своей собственной личной выгоды. Натура самостлевая, честная, способная к самопожертвованию, сам он об этих своих свойствах не задумывается, скорее, что и не сознает их в себе. Просто поступает всегда по природе своей: не приемлет бесчестья, когда другому плохо, кидается на помощь не раздумывая. У него это как инстинкт какой срабатывает, во всяком случае идет вперед размышления — защитить, оградить товарища. Так было в довоенной жизни его, так и на войне стало.

Однако не только сила духа человеческого открылась Рыбину на войне, привлекло и подлость увидать. И от кого... Сначала Рыбин глазам своим, ушам своим верить не хотел. «Оказывается, заклятому врагу можно прислушаться... его землячок, Тимка... Как же это?.. Его землячок пятки им лижет. Какую же душу надо иметь для этого?!» Первое чувство, охватившее Рыбина, была острая, непобедимая брезгливость. «Воротит и все. До тошноты воротит. Хоть тресни!»

А Тимка, видать, полным доверием у немцев пользуется. С унтерштурмфюрером пререкается. Торгуется, уда. Норовит подождать, с большей выгодой для себя продать жизнь своих вчерашних товарищей.

В семье Рыбиных высоко понимали честь, личную честность. Это у них фамильное было, родовое. В крутую минуту к Илье и во сне приходил, бывало, батяка, чтоб напомнить о семейных устоях. «Сидит на печке, свесил ноги и грозит коричневым пальцем: «Гляди, Илоха, гляди в оба! У нас в роду никто совесть не пачкал. Все по чести...» И когда-то, прикидывая дальнейшую Тимкину судьбу, думал Рыбин о совести, что никак не укрыться от нее человеку. «Погубленные тобой души так и будут ходить за тобой по пятам. От живых можно скрыться, а от них — нет. До гробовой доски будут преследовать».

Но и во второй раз сразил землячок Рыбина. На какую-то минуту душа его оторопела и замерла в недоумении и негодовании. Потому что все это, оказывается, мимо Тимки. Мимо, мимо! Все забрала, заглушила, подмяла под себя яростная забота о собственной персоне, страх за свое, хоть и бросовое, существование. Скитается по стране бездомной собакой, под чужим именем, «готов в щель клопом забиться». Но с такой подлой изворотливостью, что и червь побрезговал бы, печется о себе. Цепляется за амнистию, хочет разжалобить Рыбина, пытается шантажировать, потом отравить его.

«Волк завиднее моего живет», — жалуется Тимка. Вот именно — жалуется! Вот то-то и оно, что — жалуется. И кому? Человеку, которого, не сумей тот в свое время скрыться с его глаз, загубил бы так же рассчитанно и безжалостно, как делал это с другими. Вот она — бездна бессовестности, дичайшего отвратительного эгоцентризма. Те, загубленные им, давно сгнили, а Козырев жалуется, а Козырев уверен, что это не он перед жизнью — жизнь перед ним виновата.

Вместе с темой возмездия, не прощения страшной вины — предательства Родины, ставит автор и другой вопрос: как случаются все-таки в нашей жизни козыревы, где, с чего они начинаются? «Ведь не сразу же, не вдруг такое?»

Вопросы борьбы с нравственным уродством, духовной ущербностью, искривленностью как проблема воспитания растущего поколения, вообще остро воспринимаются и выдвигаются писателем. С чего вырастают козыревы? Отчего Жорке нравится мучить животных? Откуда у иных этот, как определяет его автор, инстинкт противоположного свой-

ства? И что это с Пашкой? Ведь Пашка «не какой-нибудь такой, чтоб от рук отбился. А вот поди же — жалости к животине нет». («Старый мерин, кумовья и художники»). Зачем, по какой дикой надобности пришел кто-то и по-бандитски расправился с берегами, оставив на месте двух росших от одного корня сестриц жалкие изуродованные трупы? («Природа, люди и варвары»).

Стандарты на все случаи жизни, готовых рецептов, как уберечь человека от такой пагубы, писатель, разумеется, не дает. Но зовет нас быть внимательней, хочет, чтоб мы видели не только то, что на поверхности, но и то, что на поверку: побудительные мотивы, которые движут человеком в том или ином его поступке.

Когда Илью Рыбина неотвязно стала преследовать мысль о происшедшем с Козыревым, память невольно толкнула его в его мальчишеские годы. В те годы, когда ходил и Тимка Козырев нормальным и даже более того — передовым человеком. («Вот ведь чудо, — замечает по этому поводу герой, — с какого бы края ни ворохнул свое прошлое — непременно детство в ум лезет. Никак его не обойдешь, никакими силами... Это как берег, от которого пускаются плыть»).

Всматривается Рыбин в события минувших лет, перелистывает снова и снова жизнь своей родной деревни. И с расстояния лет многое по-иному, чем тогда, ему видится. Видит он теперь, как с малолетства приучался Тимка к ловкачеству, каким чертовым рос. Умел потихоньку, помалому сподличать и тут же спрячьтаться за чужую спину. Но не помнится зато такого, чтобы кому-то помог Тимка бескорыстно. С детства научался он потребительскому отношению к жизни. Брал от людей легко, как должное, а отдавал равнодушием, а то и злом.

И вот ведь что — будто одно дело делали они с Тоськой — журналы «Лапоты» и «Безбожник» пропагандировали, в поход за знаниями звали сельскую молодежь. Но, если присмотреться, — разными они были, и разные побуждения, стало быть, руководили их поступками. У Тоськи все — от полноты душевной, от горячей заинтересованности в судьбах людей, желания быть им нужной. А Тимка, на поверку-то, только собой любовался. Покрасоваться — это он любил и умел, да и о личной корысти никогда не забывал. Шкурником он всегда

был — вот что. Даже тогда, на церковной площади, в ту всеобщую панику, — не за Тоську испугался тогда Тимка, за себя. ЕЕе, Тоську, любимую свою, подставил вместо себя под угрозы буурлящей толпы верующих. И тем не менее ходил потом в героях. Тоже — искусство.

А Тоська! Бесстрашная Тоська — как она стояла тогда под черным низким небом. «Нет бога! Если есть, пусть он меня сразит!» За веру свою ни перед чем не отступала первая их деревенская комсомолка.

Это здорово повезло тогда Тимке с женой. Это за Тоськиной спиной выглядел он порядочным человеком. Это Тоськиного сердца и мужества на двоих хватало. Это Тоська, как признается через много лет сам Тимка Козырев, на вожжах его держала. «Тоська, она, (брат, Тоська. Незаметно, а правилла...» А остался один, без вожжей, да еще в такие страдные дни, — и взыграло, вылезло наружку все то поганое, шкурническое, что таилось в нем. И вот трагический исход: на самую последнюю низость пошел, «с головой в дерьмо окунулся...».

*Пусть будет добрым ум у вас,
а сердце умным будет.*

С. Маршак

Писатель Н. Г. Дворцов не спешит с эффектами, броскими ситуациями. Речь его несуетна и нетороплива. Но есть в ней зато некая сосредоточенность, углубленность. Будто, охватывая взглядом детали, черточки окружающего, сосредоточен рассазчик на чем-то своем, ведет рассказ к чему-то для него важному. Это похоже на размышление вслух, на миру, когда на наших глазах выбираются из потока жизни, анализируются, сопоставляются факты и события, расставляются психологические акценты. Каждый раз будто ведет автор тебя, читателя, вместе с собой, хочет и твоего участия в его размышлении. И может, не сразу, не вдруг, но обнаруживаешь все же — то самое «что-то», так важное для писателя, и для тебя тоже оказывается нужным и важным.

Известно, что манера письма — это в немалой мере и характер автора, как бы печать его личности. И, наверное, многое тут — в интересе к определенным деталям, во внутренней внимательности — досталось писателю от родителей. Мать, вечная труженица, видевшая в труде спасение жизни своих ребятишек

и всю правду бытия. А особенно отец, вдумчивый и работящий мужик. Григорий Епифанович в церковь не ходил — исповедовал толстовство. Любил за работой потолковать с мужиками о добре и зле, умел сказать меткое слово и в других ценил это. За свою жизнь (умер Григорий Дворцов, когда его сыну Николаю было двенадцать) собрал небольшую домашнюю библиотечку, что уже само по себе было по тем временам событием для деревни немалым. Слыл человеком, к которому можно в любое время — днем ли ночью — постучаться при нужде за советом и помощью. Отличный столяр-краснодеревщик, виртуозный мастер класть печи (и не дымит, и на топливо экономна, и тепло в трубу не вылетает), добра он за жизнь свою не нажил, но доброе имя по себе оставил.

Н. Г. Дворцов внимателен в своем письме к деталям быта, обстановки и так же — к оттенкам внутренних движений в поведении персонажей, к речевым их склонностям. Он принадлежит к тем писателям, у которых очень важна сама интонация рассказывания, выступающая тут уже как авторский комментарий к тексту, оценка авторская событиям, действующим лицам.

Но нет — далеко не сразу пришло это к писателю. Не вдруг далась ему сегодняшняя размеренная, простая и естественная фраза. Он был автором уже пяти книг (больше или меньше интересных в замысле, в теме, но посредственных еще по выразительным средствам), когда вышел его роман «Дороги в горах» (1959) — первое по сути произведение, широко замеченное читательскими кругами и имевшее обширную доброжелательную критику, но несвободное еще, однако, от издержек литературной неопытности. Но с каждой новой работой все явственнее проступала у него природная вроде бы тяга именно к такой манере письма, к такой подаче материала.

С первых шагов творчество Н. Г. Дворцова отмечено живым интересом к проблемам современности. И когда берет он в основу произведения сегодняшние события и когда обращается к прошлому — современные задачи, тревоги и надежды оказываются всегда той высотой, с которой осваивается взятый материал.

В родной саратовской степи 20—30-х годов лежит для писателя материал, к которому касается он особенно бережно. Там — дорогие ему сюжеты и коллизии,

привлекательные характеры, там находит он свою достоверность для воплощения таких тем, как становление гражданина («Два дня и три ночи») или разбухшей революцией красоты души человека («Святая простота, или телега семейной жизни»).

В постоянном соизмерении прошлого и настоящего и в заботе о будущем держит писатель события повести «Два дня и три ночи». История злого гения деревенских мальчишек Гришки Леонтьева, и его меньшого брата Митьки, и простодушного Степки, околдованно взирающего на своих новых приятелей, — это история о том, через что и как пришлось пройти ребятам, прежде чем прибились они к настоящим людям.

Повествование построено так, что, следя за жизнью подростков, не забывая мы о нынешнем Степане (том самом бывшем Степке) — старейшем человеке, за плечами которого и опыт собственных заблуждений и прозрений, и багаж наблюдений над жизнью близких ему людей.

И тут возникает еще один моральный аспект, важный для понимания творчества писателя.

Жизнь зло испытывала ребят. Кроме всего, оторочество их пришлось на годы разрухи и страшного голода. Голодная смерть в те дни не удивляла. Сколько затеанных надежд и тревог связывали люди с новым урожаем, как иступленно, выбываясь из последних сил, холили, лелеяли каждый комочек земли, убивались возле каждого хилого стебелька; и сколько много говорит теперь Степану запах обыкновенного будничного хлеба (потому что — хлеб... Хлеб!) — обо всем этом сказано в картинах осязаемо достоверных.

Но — и пусть не покажется это кому-то парадоксальным — когда Степан, переживший потом еще не одну страдную пору, вглядывается в те тяжкие годы, он не отворачивается от них, не проклиняет, но находит там что-то дорогое, отрадное. Будто снова бывает подхвачен он волною братского единения с односельчанами, будто заново видит, заново понимает в себе и других большую крепкую силу. Они научились тогда видеть сердцем, узнали, как это много — в любой беде держаться правды, поддерживать друг друга, и если уж пришла она, та беда, так бедовать, не теряя достоинства и чести.

Нет, не ностальгия, не тоска по деревенскому детству заставляет нас сегодня пристальнее всматриваться в прошедшие годы.

Забота о дальнейшем нравственном развитии личности, общества в целом — одна из насущных задач современности. Замечательно говорил об этом Леонид Ильич Брежнев в своей речи на XXV съезде КПСС. Много серьезных и горячих суждений об этой проблеме прозвучало и на VI съезде писателей СССР.

Теперь уже не оставляет сомнений, что в эпоху поразительных успехов НТР, когда так быстро меняется облик земли, в особенности облик наших деревень, обращение к духовному опыту старших поколений обретает свой особо важный смысл. Запечатлеть этот опыт, не дать ему исчезнуть, обогатить им современность и передать грядущим поколениям — чтоб не распалась «связь времен», чтобы увлеченный как никогда убыстренным темпом жизни человек наш не растерял своих корней, не стал бы вести себя временщиком на своей земле, — для этого, с такой задачей работает наша литература. В этом — хозяйская забота о нравственных устоях общества, о том, в конечном итоге, чтобы характер народный оставался верен той высшей логике, что не раз за нашу историю удивляла, ошеломляла и восхищала мир.

«Возможно, многое из того, что кажется нам умершим, имеет глубинную, приметную на первый взгляд связь с жизнью, продолжается в ней?» — такими словами предваряет Н. Г. Дворцов события повести «Святая простота, или телега семейной жизни».

Действие повести разворачивается на фоне решающих социальных, революционизирующих перемен в общественной жизни, в сознании людей.

Какая-то неизъяснимая сердечная отрада остается нам от знакомства с Петром Ениним, главным героем повести. Что-то чистое, светлое оставляет он нам, несмотря на трагичный финал его личной судьбы.

Шли 30-е годы. Лучшей, неведомой доселе стороной оборачивалась жизнь к таким, как Петр Енин. Жадный до всего нового, только теперь в полной мере ощутил и понял он, как надоело ему мытариться в одиночку. Будто душа его встряхнулась, сбросила с себя сонную оцепенелость хуторского существования. И будто спеша наверстать время, боясь что-то не успеть, проглядеть, остаться от чего-то в стороне, кинулся Петр в работу, в учебу, в общественные дела, в книги.

«Рабфак на дому», курсы

комбайнеров, самостоятельное постижение премудростей новой техники (в ночные часы, как правило), колхозная стюларка (начиналась она, считай, что с ничего, Петр притащил туда для начала свой стюларный инструмент и даже дорогую ему семейную реликвию — токарный станок), и и тут же, вместе — книги Льва Толстого, Максима Горького, Александра Фадеева и прекрасные стихи русских поэтов, и пластинки с голосом Шалапина, и чародей Чайковский, который так душевно «приспособил» к музыке «Евгения Онегина», и много еще чего — все надо было успеть, познать, применить к делу и к своей душе.

Добрая, большая душа Енина, вмещающая в себя многое, хочет еще и еще большего. Спешит, постигает Петр и не только для себя. Каждый день и час делится он узанным с другими. Это для него тоже большая радость — дарить приобретенное. Он вообще любит людское общение, ценит его как одно из больших благ.

И у него хватает эмоциональной отваги говорить о своей любви дивными стихами самого Александра Сергеевича Пушкина.

А то вдруг захочется в степь, одному. И ни с того ни с сего вроде бы, оттого просто, что так хорошо греет солнце, захочется запрячь Сивака и поехать. «Все равно куда ехать, лишь бы ехать, смотреть на степь и думать. Он любил так — смотреть на родную степь и думать...»

Бесребренник чистой воды, живет Петр Енин по своей совести и разумению. До всякого дела торовитый, как говорят, золотые у мужика руки, всегда готовый с охотой помочь любому, своей выгоды он ни в чем не соблюдает. На упреки жены Анюты отвечает почти стеснительно: «Не все рублем меряться». Он не понимает, как можно тут иначе, ему даже говорить об этом неловко. Он и в колхоз записался, не спросив Анюты, которая до поры до времени умело правила телегой их семейной жизни, не потому, что хотел обмануть, обойти ее, но полагал это само собой разумеющимся. «Как можно от людей отбиваться!» А когда жена и теща возражают, плывируют что-то свое, Петр задыхается от негодования: «Да на кой ляд она такая поперечная жизнь!»

В старину говаривали люди совестью: суди меня по справедливости моей, по чистоте моей, по милосердию моей. Петру Енину такой суд вынес бы лучшую оценку.

Но — святая простота! — сам правдивый и честный, абсолютно бесхитростный, он и в других не замечал ни корысти, ни злобы, ни двуличия. А на земле живут не только енины, не такие только, как друг Енина Сергей Вуколов, или мать Енина, или теть его.

Решительными красками поданы в повести и антиподы енинных, показана живучесть негативных типов.

Анютина мать — святоша, циничная ханжа, намеренно и со спокойствием уморившая голодом своего мужа. «За такого господь не взыщет. Ишо другие промашки зачтеть. Не угодный он богуче человек, совсем не угодный...»

Шабер (то есть сосед) Енинных Ефим, весь род которого, и отцы и деды, жизненную ловкость имели беспримерную. «Они хребет, как другие, за кусок хлеба не ломали, а кусок завсегда имели больше и слаще, чем у других». И Ефим не из рода, а в род — слова умеет говорить всегда и везде чисто правильные и знает между тем, как из маленькой зарплаты сделать большую. Наживается на своем служебном положении и оттого дураком себя не считает. Ему и голод не в голод. «Ни в теле не сдал, ни в veselости».

Исподволь подводит автор события к драме, разразившейся над Петром и Анюткой. Телега их семейной жизни давно уже катилась под уклон, а поглощенный другими заботами, да и попросту не умеющий заподозрить недоброе в любом человеке, Петр Енин ничего не видел. Годы должны были пройти, прежде чем дошло до Петра, что в доме его — тяжелая вынужденная ложь.

Уже вернувшийся с последней войны с покалеченной рукой, мучительно растерянный, уходит он из дому. «В чем был, в том и ушел на старости лет. Только струмент, какой остался от отца, взял».

Петра жалели. В глазах некоторых он казался чудаковатым. Не от мира сего — сказали бы о нем теперь, выражаясь более современно.

Но почему, но почему же тогда от дедов к внукам идет добрая и благодарная молва о енинных? Отчего же светлеют лицом, когда к слову, к разговору вспомнят вдруг о ком-то, подобном Петру Енину, или как его мамака — старая благородная деревенская женщина, способная к высшему самопожертвованию, или как отец Анюты, дошедший до смертного часа, не имея нела-

дов со своей совестью, знавший всегда для себя, что «совесть справедливее всякого бога. С богом можно стакаться, склонить его на свою сторону, а с совестью — нет. Совесть ничо без внимания не оставлять и ничо не прощайть».

За что им, этим, что слыvät за чудаков и простофиль, добрая людская память?

Может, за то как раз, что заключено в них, таких характерах, некое цельное чистое ядро, что присутствием своим на земле они одухотворяют жизнь, повышают ценность человека на земле, что несут они в себе неповторимый нравственный свет народной жизни. Нарочно задачей той не задаваясь, они доказывают тем не менее, что ценность человека, становление его как личности определяется ответом на вопрос — каков ты для людей.

В окружающей нас жизни — и в прошлой и в настоящей — привлекают Н. Г. Дворцова (и становятся героями его книг) натуры целеустремленные, умеющие пронести свою веру, свою страсть через все невзгоды и препятствия. И — что особо важно для писателя, что подчеркивает он и деталями и всем ходом своих размышлений — герой употребляет силу своего характера не для личной корысти, не для возвеличения своего собственного «я», но для служения людям. Быть нужным коллективу, отдаваться делу, призванию с упорством и страстью — это как постоянная величина нравственного, духовного склада таких героев, как прославленный зачинатель садоводства на Алтае Михаил Афанасьевич Лисавенко (документальная повесть «Нужны энтузиасты») или как другой ныне широко известный энтузиаст Василий Тимофеевич Христенко. О нем, ветеране Великой Отечественной войны, кавалере ордена Славы всех трех степеней, Герое Социалистического Труда, партийном руководителе нового современного склада очерк писателя «Суть».

Казалось бы, меньше говорить в очерке о самом Василии Тимофеевиче, больше — о людях, что рядом с ним и вокруг него. Но обнаруживается и не забывается, что это он, первый секретарь Шипуновского райкома партии своим талантом руководителя, своей искренней заинтересованностью в судьбе каждого человека, тактом своим, наконец, сумел создать вокруг себя партийный актив, у которого вырабатывается «свой стиль работы, отвечающий требованиям времени, интересам народа». У него — хорошая

способность увидеть человека, понять, на что он способен, «к чему душа его расползена...».

Против бескрылости и равнодушия в работе он встает так, будто то его личные враги, с которыми не было, нет и не будет ни примирения, ни какого-либо компромисса. Он не терпит разгильдяйства и пустых громких фраз. Но поддерживает и всячески развивает в человеке стремление к совершенству. Он на том стоит, что каждому советскому человеку пристало быть личностью и как таковому жить делами и заботами коллектива, общества, и жить не только сегодняшним днем, но и завтрашним, но и вчерашним. Он любит повторить по этому поводу, что человек «обязан помнить все. Все. Мы ведь не какие-нибудь Иваны безродные...», и процитировать Пушкина:

**— Два чувства дивны близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.**

Такие, как он, для того работают, чтобы жизнь никогда не останавливалась, чтобы у людей, несущих жизнь, «плечи были крепкими, чтобы вынесли они многое, а потом переложили свой груз на плечи других, новых поколений, которые пойдут дальше и сделают больше... В этом — суть».

В последние годы Н. Г. Дворцов открылся еще с одной стороны, показавшейся сначала неожиданной, — как тонкий лирик русской сибирской природы. Степняк из саратовских степей по рождению, детству и юности, писатель с послевоенных лет живет постоянно в Барнауле, и сибирская природа стала неотъемлемой частью его бытия.

Счастливые слова приходят писателю, когда думает он об августовских ночах, березах, о неистощимой талантливости русской Зимы, о мудрости ее и благородстве или когда рассказывает о летних днях, которые «что дети малые — каждый со своим ребячьим норовом».

Душевный лиризм в ощущении всего сущего в природе — этим определяется общая тональная настроенность таких созданных в последние годы вещей, как цикл рассказов «Друзья жданные и нежданные». Лирическая отточенность отличает к тому же такие создания, как «Сибирская Зима» или «Августовские ночи».

Автор умеет уловить и поэти-

чески запечатлеть нюансы световой, а особенно звуковой гаммы Природы.

Ничего необычайного не случилось, не произошло. Просто шел снег. Первый снег. Неславно кружили снежинки — крупные, грациозные, лохушастые. И была тихая проникновенная музыка снега — то, падая в изобилии на деревья и кустарник, снежинки тонко, едва уловимо шуршали среди не до конца опавшей листвы. «Шелест и шорох, такой тонкий и хрупкий», что человек «боясь его нарушить и потерять, долго не смел шевельнуться...»

И потом — вечером дома и назавтра на работе, как только выдавалась минута затишья в служебной суете, — слышал человек «тихий и нежный снежный шорох...».

Затаенный счастливый вздох, заметы памяти о чудных мгновениях слышны в этом. А в рассказе о ночной августовской Земле — как старое дерево роняет в ночной августовской тиши зрелые плоды свои, как яблоко «защуршит в листве, ударится о ветку и мягко спрыгнет. Иное щелкнет на высоких нотах о деревянную крышку железной бочки. А то вдруг булькнет в кадку с водой...» — в рассказе этом невольно мнится мелодия усталой нежности Природы, отдающей людям свои труды. И тихая мелодия самой старой яблони. Ее потому лишь не извели, не срубили до сих пор, что руки у хозяев не дошли. А она скрытно и верно копила по капле силы — последние, наверное, — чтобы сотворить для людей свое чудо.

Может, самое дорогое в рассказах о великих тружениках скворцах — друзьях жданных — и тех малых пташках — друзьях нежданных, — квартир которым, как скворцам, не готовят, но которые прилетают: домой спешат, на родину, — самое дорогое в этих рассказах — общая атмосфера дружного соседства, доброжелательной заинтересованности сильного в судьбе слабого, желание защитить, оберечь. Герой писателя не холодный коллекционер своеобразных знаний — пригодится, мол, и это. Нет, любопытный до всего живого, человек от души доброй, понимающей. Близко к сердцу принимает он заботу или обиду всякого существа из отряда «братьев наших меньших», всякой малой птахи. Он так больно (будто ребенку на ногу наступил) был потрясен, когда нечаянно, по оплошке потревожил птичку с птенчиками в ее гнезде. Опомился, когда она,

беззащитная и бесстрашная, готовая на смерть ради жизни своих птенчиков, возмущенно крича, повисла на уровне его глаз.

Человек этот различает и понимает норы всякой птички-невелички (а он каждый раз свой, особенный) — беспокойного воробья или деликатной трясогузки (словами народной мудрости и народной поэзии сказано о ней у писателя: та, «которая лед на реке взламывает»), трогательного и так умеющего быть благодарным крохотуленьки поползня, или вечного озабоченного хлопотливого скворца, проявляющего во всем чувство собственного достоинства и справедливости.

Рассказы о птицах, ежах, березах, собаках, муравьях, лошадях — это в конце концов рассказы о взаимоотношениях человека и природы. В них нет назидания. А мораль их между тем проста и ясна (и в основе ее лежит мысль вполне современная): дерево или цветок, пташка малая или мураш уже сами по себе заслуживают нашего внимания и добросердечия. Своей беззащитностью перед человеком, который может изранить и убить, искромсать и затоптать, они вызывают к нашему великодушию и благородству. У того же, кто рожден быть человеком, и сердце — всегда, до конца дней его — должно оставаться тоже человечим. И любить и уважать надо не какое-то абстрактное животное и не природу вообще, а то, что рядом с тобой и вокруг тебя.

Писатель за то болеет, чтобы все живое, все сущее в природе верило человеку. Не обидчика, а защитника понимали в нас братья наши меньшие, и ему бы, человеку, рассказывала вздохом птичка-крохотулька, как спешила она из-за морей («Вот как радуется, что дома. Добралась, малышка»). Без церемоний, с уверенностью, что только так оно и надо, обращалось бы к нему за помощью и выручкой лесное население. «А как только я выйду из домика, начинается форменный допрос. «Цити-цюри?» — допытываются с разных сторон то одна, то другая. Понимая, что такой повышенный интерес птичек далеко не праздный, я отвечаю им на полном серьезе. «Под яблонями, — говорю, — хочу рыхлить. Подходит такое? Пользуйтесь, — говорю, — моим хорошим отношением».

За то в конце концов ратует писатель, чтобы ничего из богатства чувств человеческих — от мужества и героической отваги до сострадательного милосердия —

ничего не пропало бы для человека, не растерялось бы, не прошло бы стороной, мимо. Чтоб дарила ему Природа его чудные мгновенья.

В этом тоже этическая, нравственная программа автора. В этом тоже — и свежее дыхание современности с ее настойчивой заботой о гармоничной личности, и участие писателя в большой работе нашей литературы по воспитанию всесторонне красивого человека.

Идет время. Река времен, то разливаясь широким половодьем, то кипя на узких перекатах, несет наши часы и годы. Возвышает рыбных и синих, на позорное обозрение выставляет козыревых, тянет до невидимости тоненькую нервующую ниточку: от одних — к чувствам простым и высоким, от других — к инстинктам свойства противоположного — все расставляет в конце концов река жизни по своим местам.

...В домашней библиотеке Николая Григорьевича Дворцова есть экземпляры собственных книг с карандашной отчетливой пометой — «рабочий». Он перечитывает изданное. Слово показало «не то», эпитет слишком заземленным или, наоборот, немного выпреним. Труженик слова, добровольный каторжник его, писатель снова и снова перебирает, примеряет, добивается точности мысли и чувства в слове — громадным трудом добивается, чтобы на фразе его не оставалось следов рабочего пота.

Писательство стало делом жизни Н. Г. Дворцова. Но рабочий стол не заслоняет от него большого сегодняшнего дня. Писатель-коммунист, человек большого жизненного мужества, он никогда не чурался общественной работы. Поэтому избирали его люди своим депутатом в городской Совет депутатов трудящихся, дважды кандидатом в члены крайкома КПСС, в краевой Комитет Защиты Мира, в правление Союза писателей РСФСР, секретарем краевой писательской организации. Не впервые уже редактирует Дворцов альманах «Алтай». Делает работу, как и всякую другую, за которую берется, ответственно и добросовестно, хоть и жалуется порой, что все это отбирает уйму времени и приходится отодвигать и переиначивать собственные писательские планы.

А на столе — рукопись новой книги, которой отдан уже, по сути, не один год труда. Условное название ее — «Конец и начало».

О чем она?

О тонкости чувств и бесстрашии мысли. О людях и пигмеях. О том, что качества души человека неизгладимо печатю человека на качестве дел его. О содержании судьбы человека, о высоком содержании судьбы народа.

Оставаться строгим к себе, не успокаиваться, не размениваться на мелочную суету — не в этом ли счастье содержание трудной судьбы писателя?

К. САРАНЧА

Юрий СОРОКИН

ЧЕЛОВЕКУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Секрет искусства — это любовь. Тот, кто не отдает свою жизнь своему произведению, не сможет оживить мрамор.

Эмиль Антуан Бурдель

Эта тема стара, как мир. О любви сказано бесконечно много. Сказано рецом, и кистью, и целомудренным сонетом.

В каждую эпоху эта тема трактовалась по-новому, каждое

поколение приносило в нее нечто свое, неповторимое.

Говоря о цикле алтайской художницы Ильзы Рихардовны Рудзите-Цесюлевич «Любовь в легендах народов мира», впервые

экспонированном в 1975 Международном году женщины, нельзя не отдать должного поистине творческому и современному решению знакомой и привычной, казалось бы, темы.

Главная цель цикла — сказать, что любовь — дело не только житейское, привычное и, безусловно, нужное. Любовь у автора — подвиг, она изумляет, потрясает, воспитывает.

Художница воспитывает, не фарисействуя, без хрестоматийной морализации, без ханжеской назидательности, воспитывает по-настоящему образно, т. е. языком, доступным лишь артисту-творцу.

Ее средство выражения — язык метафоры и ассоциаций, он универсален и неотразим.

Аудитория ее велика, но, пожалуй, в первую очередь искусство Ильзы адресуется молодежи. Взрослый, умный человек, нравственно сильный, обращаясь к молодым, как бы говорит: «Смотрите и помните, мы не первые и не последние на нашей прекрасной земле. Человечество во все времена своей истории, в годы самых тяжелых потрясений и катаклизмов с уважением относилось к этому чувству. Любовь всегда помогала остаться человеку человеком. Вам, вступающим в жизнь, надо знать это».

В 25 работах цикла перед зрителем как бы оживает сама история. Архаческий Пигмалион соседствует с героями Парижской коммуны, тема седой языческой древности («Снегурочка») развивается параллельно сложной и символической мелодии любви наших современников («Геолог»).

Вопрос о любви никогда не сойдет с повестки дня, он вечен и актуален. Поэтому и сегодня разговор идет все о том же. У автора много работ о нашей современности, но в этом цикле художница обращается к современности через образы прошлого.

Выбрано 2 десятка сюжетов — почему именно эти?

«Эти темы, — отвечает Ильза, — прочувствованы мною более других. К каждому сюжету у меня свое отношение, чем больше вносишь в работу пережитого, тем более она удается».

В этом величайший феномен искусства, все сочиненное, «сделанное красиво», выдает фальшь, равнодушие автора. А. П. Чехов однажды сказал: «Можно лгать в любви, в политике, в медицине, можно обмануть людей... но в искусстве обмануть нельзя».

Но и одного личного отношения к сюжету мало, большому со-

держанию должна соответствовать достойная форма. Трудно поверить, что такая законченная композиция, как «Радамес и Аида», искалась долго и мучительно. Зрителю кажется, что триптих «Лейли и Меджнун» или «Саняиси и неприкасаемая» родились сразу без сомнений и поисков. Между тем увидеть эти вещи только так, а не иначе, художница смогла, отвергнув множество вариантов.

В круг древних повествований о могучей и прекрасной силе человеческой любви очень органично входят сюжеты, навеянные образами современности и нашего ближайшего исторического прошлого. И если «Песню Парижской коммуны» сейчас нельзя еще считать такой же найденной и завершенной, как «Чио-Чио-Сан» или «Абеляр и Элоиза», то ликующие краски, бурная экспрессия, сама мысль взглянуть на тему через призму страстей самого благородного и яростного накала, уже большая находка автора.

Волнующая метафоричность «Алых парусов» подчеркивается лейтмотивом нарастающего и все заполняющего собой чувства. Сложный ряд ассоциаций вызывают у зрителя черные обгорелые стволы, чудом пробившиеся сквозь пепел цветы анютины глазки, волшебство спасения любви («Анюта»).

Жизнь ослепляет тяжело раненного солдата, он изнемогает, но по мертвому лесу к нему бежит его любимая. Санитарка — «солдатская сестричка» — Анюта уже рядом и смерть отступает.

Илга смело возводит этот сюжет в статус легендарного, утверждая тем самым величие подвига советского человека, его красоту.

Сложна символика триптиха «Геолог», также посвященного теме современности. Воспоминания детства, первой чистой любви, опозитизированный образ любимой женщины помогают человеку в его опасной, суровой и нужной работе. Художница не навязывает здесь жесткой концепции прочтения произведения, не преподносит зрителю разжеванных истин. Это чувство меры, особый такт и деликатность — одна из граней творческого метода автора.

Но гораздо важнее в ее подходе к изображаемому то, что ко всему, о чем она говорит, будь даже то события пяти тысячелетней давности, художница подходит с определенных позиций, выносит свою оценку, а не бытописует интересные исторические сценки.

Золотая ширма с изысканнейшим восточным орнаментом вновь повторяет популярный мелодраматический сюжет. Нечто большее, чем эффектное оперное изложение повести о коварном соблазнителе в белом кителе и его бедной жертве видит зритель в этом диптихе («Чио-Чио-Сан»). Речь идет не об оперном Пинкертоне и не о сладкогласой мадам Баттерфляй. Вряд ли возможно было такое осмысление подобной темы художниками еще полвека назад. С привычным, традиционно-изысканным образом мотылька, зловеще дисгармонирует нервно-напряженная композиция второй части диптиха. Злая и страшная сила повернула мать и дитя в гибельную пучину, сломаны хрупкие крылья, жизнь оборвалась. Зрителю становится ясно, что это не просто поруганная любовь и растоптанная судьба. Где-то в подтексте угадываются судорожные ритмы фрагментов панно Ири и Тосика Маруки «Атомная бомба». Тема личного, интимного неожиданно оборачивается здесь по-иному, перерастает до осознания общечеловеческого смысла атомной трагедии. Из душещипательной истории получается высокая драма.

В этом умении — в сказке, легенде остаться на соответственных гражданских и нравственных позициях — большая заслуга автора.

В воспоминаниях К. И. Чуковского о Горьком есть такое: во время чтения А. Блоком сцен из жизни Древнего Египта Алексей Максимович, желая сделать замечание в одном месте, отметил, что здесь «нужно было бы сделать еще более так» — при этом принял позу, напоминающую профильное древнеегипетское изображение человека. Блок сразу понял и согласился с тем, что язык его персонажей слишком оторван от исторической почвы, не соответствует стилю изображаемого.

Во время работы над циклом Илга столкнулась с большими трудностями, и главная из них была не в том, что приходилось собирать и отбирать огромный исторический, фактический, иконографический материал, не в том, что материал этот поистине безграничен. Самое трудное заключалось в умении «перестроиться», суметь выйти из состояния эпохи. Очень трудно, но необходимо заставить себя перейти из атмосферы (к примеру) капуцинского монастыря XII века («Абеляр и Элоиза») и настроиться на очень условную, выбукую

волну тонкого искусства Японии конца XIX—начала XX веков со всей ее своеобразной атрибутикой, декоративной и изыщной выразительностью линий и цвета («Чио-Чио-Сан»).

В лучших работах цикла автору это удалось прекрасно, и уж если художница говорит о чистой и трагической истории любви Абеляра и Элоизы, то перед нами композиция безупречная во всех отношениях.

Тяжелые и вместе с тем камерные своды романской арки вполне соответствуют и композиционному, и эмоциональному строю картины. Даже выбор рисунка капители несет определенную смысловую нагрузку. Если келья Абеляра, прогрессивного мыслителя и ученого средневековья, высоко оцененного Ф. Энгельсом, ограничена суровыми и простыми формами, подчеркивающими мужество и твердость ее обитателя, то мягкая, насколько это возможно в романской архитектуре, плавность линий капителей левой части картины целиком отвечают нежной и женственной природе ее хозяйки. Таких деталей десятки, зачастую их не улавливаешь вообще, настолько умело художница использует этот материал. Важно то, что цель в конце концов достигается, и у зрителя остается ощущение достоинства, подлинности, чувства тонкой меры и высокой культуры автора.

Глядя на удивительно мягко сгармонизированную в цвете композицию «Орфей и Эвридика», невольно вспоминаешь Чюрлениса, чьи вещи так оригинальны и сложны по структуре художественного образа. Композиция обладает особой эмоциональной красотой и музыкальностью решений. В этой работе художница перешагнула то сверхчувственное, иррациональное, что присутствует во многих работах Чюрлениса, сохранив все лучшее, что идет от его миропонимания. Музыка материализована в цвете. Замедленно-торжественный ритм движущихся фигур, похожих на стройные каннелированные колонны, создает настроение сложное и странное. Автору, несомненно, удалась эта своеобразная диалектика момента. Зрителя не оставляет ощущение двойственности состояния. Параллельно развиваются две темы: просветленная жизнеутверждающая мелодия любви странно сочетается с ревивемальной нотой-жалобой о том, что вот сейчас у врат Аида Орфей оглянется и Эвридика исчезнет навсегда.

«Пигмалион и Галатея», «Щит мужества», «Орфей и Эвридика» — на память приходят торжественные гекзаметры. Вернись, что такими они и были эти мифические, мудрые дети. Счастливая заря человечества улыбается в этих работах.

Художницей хорошо прочувствованы стилевые тонкости темы, грациозные фигуры будто сошли с архаических краснофигурных кратеров и килик. Герои одеты в традиционные туники и хитоны. В деталях одежды, предметах антуража, в выразительных силуэтах и линиях много знакомого и незнакомого. Ощущение невероятной, но зримой древности достигается автором путем введения в одну из частей триптиха декоративного критико-микенского блюда с изображением осьминога. Начинаешь верить, что подобное чудо превращения статуи в живую плоть вполне могло произойти в эти доисторические догомеровские времена сказочных детей моря, отважных потомков атлантов.

Итак, современное постигается через прошлое, эстетическое — через этическое. Сопоставление двух женских образов в «Пигмалионе» — броская кокетливость молодой гетеры и скромная грация девушки с правой части триптиха — это, несомненно, метод автора и одновременно его позиция.

«Любовь рождает красоту, красота облагораживает жизнь, чтобы передать это в красках на полотне, приобщить к этой истине зрителя нужны не только талант, не только школа, но и богатейший внутренний мир. И этим своим миром Рудзите-Цесюлевич щедро делится с посетителями ее выставки. Большое спасибо за это!» (Беликов, писатель, Таллин.)

Подобных оценок творчества алтайской художницы Илзы Рихардовны Рудзите-Цесюлевич много. В книге отзывов адреса — Москва и Братск, Якутск и Кемерово, Краснодар и Иркутск, восторженно отзываются об увиденном туристы из Подмосквы и группа молодежи из алтайского села Верхний Уймон, командированные из Харькова...

О выставке работ с циклом «Любовь в легендах народов мира», которая состоялась в Доме ученых Новосибирского академгородка, за самое короткое время в областной печати появилось 6 публикаций. Мнения рецензентов сходятся в главном: выставка необычная, эта встреча с художником тонким и сложным, искусство которого исполнено радост-

ной жизнеутверждающей силы.

Можно говорить о спорности метода автора, о достоинствах и недостатках формы, цвета, линий, но бесспорно главное — ее искусство приветствует и принимает зритель, значит — оно закономерно и необходимо. Свидетельством тому слова благодарности. Люди говорят: «Спасибо за радости!» В книге отзывов о выставке в Доме ученых эти слова сказаны на русском и итальянском, югославском и украинском, болгарском и литовском языках.

Глубоко закономерным звеном в становлении творческой личности художницы явился «Портрет в стиле Ренессанс». Будучи художником широкого диапазона, остро чувствуя ритмы современности (не случайно в ее творчестве значительное место занимает тема строителя, козидателя, сеятеля), Илза не подходит к современным темам бытописательски, репортажно. В «Портрете» наличествуют те же тенденции, что и в диптихе «Чио-Чио-Сан». В этой работе помимо блестящего чувства стиля — глубокого, можно сказать, философское размышление о жизни, о судьбе художника, о его долге.

В сущности эта вещь глубоко современна, это целое мировоззрение, стройное и ясное, волей художника облаченное в изысканную и причудливую форму. Так же как и диптих «Джордано Бруно», это скорее всего повод для большого разговора, желание остановить внимание современника на извечных проблемах, стоящих перед человечеством. Это рассказ о могучих страстях, о благородстве духа, о мучительных сомнениях, о способности к самоотречению и подвижничеству.

Не случайно художница в своем творчестве снова и снова обращается к образам эпохи Возрождения. Ей импонируют люди «эпохи, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености», как охарактеризовал ее Ф. Энгельс.

Прямая связь времен, живые исторические параллели, их глубокие закономерности являются для художницы объектом постоянного и пристального внимания. «Человек — высшее и настоящее содержание изобразительного искусства», — сказал однажды великий немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гете.

Илза Рихардовна любит и тонко чувствует пейзаж, ряд прекрасных натюрмортов по праву

ставит ее в число ведущих мастеров этого жанра у нас на Алтае.

Глубокое и тонкое понимание прекрасного, присущее художнице, в полной мере воплощено в таких ее работах, как «Подсолнухи», «Мед», «Пасека», «Уймонский мотив», «Алтайский мед». Содержание этих холстов многогранно и многопланово. Человеческий мир показан в этих простых вещах мягко и лирично. Но сам человек всегда в поле зрения Илзы Рихардовны. Нет нужды перечислять все работы предыдущих лет. Такие запоминающиеся вещи, как «Семья», триптихи «Сыновья», «Первороссияне», «Посланцы Левина на Алтай» и др., давно снискали себе известность и популярность у наших зрителей.

В последние годы в изобразительном искусстве края особенно заметен интерес к человеку. Отход от пассивной иллюстративности, от схематической упрощенности, бытовавшей прежде, стремление выразить полноцветную правду художественного образа, которая складывается из правды внешней, внутренней, социальной, ведут художников к созданию портрета-образа, где человек раскрывается как яркий представитель своего поколения, своего времени.

Очень своеобразно отношение к портрету как к жанру у Рудзите-Цесюлевич. Портретов немного, и выполнены они по-разному, но что особенно ценно в этих работах, так это то, что решены они очень эмоционально, форма лепится мастерски, живописные достоинства бесспорны.

Отдельная тема ее творчества — цикл работ о героях Алтая. Такие ее вещи, как «Алтайский Матросов», «Герой Советского Союза А. Н. Калинин», «Герой Советского Союза Гулькин», как бы перерастают за рамки собственно портрета. Это портрет-картина.

Очень важное место в решении их имеют выбор формата, композиции, технических приемов. Это не просто фиксация конкретных черт конкретного человека. Это образ, причем образ решенный в сложном состоянии («Чи-Чек», «Портрет бабушки Агашевны»).

Стоит особо остановиться на двух последних работах: «Скрипач» (портрет Гидона Кремера) и «Портрет Юрия Николаевича Рериха».

Совмещение сочной колористической разработки темы рождения звуков, в буквальном смысле слова упоения музыкой, с из-

вестной долей декоративности, снова заставляет вспомнить Чюрлениса, для кого высшим проявлением человеческого духа была эта самая музыка, которую он неоднократно пытался переложить на язык красок и изобразительных форм.

«Скрипач» — это своеобразная и глубоко творческая разработка подобного понимания музыкальности, своеобразная реминисценция, навеянная, возможно, такими композициями, как «Сотворение мира», «Знаки Зодиака».

В хорошем смысле слова традиционен портрет Ю. Н. Рериха. В общем-то не новый прием введения в портретный фон деталей дополнительной информации, характерных вещей, окружающих известного ученого, позволяет создать убедительный и запоминающийся образ.

В своем последнем интервью с болгарским журналистом большой мастер русской современной прозы, выдающийся художник образа Василий Шукшин особенно подчеркивал мысль о том, что подлинное искусство должно быть большим и мудрым, что всяческая суэта, сиюминутность и конъюнктурность тем вредны и опасны для творчества.

В последние годы в нашем искусстве явственно ощутимы тенденции к большой масштабности понятий художественных процессов, отточенности формы и глубине содержания, обогащению языковой палитры, нестандартности художественных приемов. В значительной мере это касается и искусства на периферии, у нас в Сибири.

Художником, чья творческая

биография развивается в русле этого направления, является Илга Рудзите-Цесюлевич.

Решение приехать на Алтай, в Сибирь, у молодых художников-студентов Латвийской Академии художеств появилось не вдруг. На IV Международном фестивале в Москве в 1957 году группа студентов-латышей встретила с известным советским ученым-востоковедом, человеком необычайно высокой эрудиции и культуры Ю. Н. Рерихом, который незадолго до этого вернулся в нашу страну из Индии. Молодые художники знали и любили творчество его знаменитого отца Николая Константиновича, работы брата Святослава Николаевича.

В беседе с молодежью Юрий Николаевич много говорил о востоке нашей страны, о Сибири, об Алтае.

Вторая половина пятидесятых годов вошла в историю как героическое время подъема целины. Необычайно высокий интерес молодежи, общественности к новым землям, к бескрайним, волнующим воображение просторам Сибири и Казахстана был вполне понятен, поэтому искренний совет ученого отправиться работать в далекие края, поднимать целину культурную, по-настоящему глубоко запала в сердце Илзы Рудзите и Леопольда Цесюлевича. После окончания Латвийской Академии художеств они приехали на Алтай.

Сегодня художница работает много и успешно. Алтайский зритель очень тепло принимает ее творчество. Художественная критика по достоинству отмечает высокий профессионализм, гуманизм, техническую культуру, сло-

жившуюся живописную манеру.

Говоря о прибалтийской школе живописи, которую прошла художница, надо отметить, что повышенный интерес ее к импрессионистическому и постимпрессионистическому наследию, к манере Сезанна - Пурвита-Кочаловского, не оказало определяющего влияния на творчество Рудзите-Цесюлевич.

Художница во многом формировала сама себя. Более всего художница тяготеет к искусству Ренессанса. Любимыми ее мастерами всегда были Боттичелли, Джотто, Леонардо да Винчи, Микельанджело. Влияние двух последних художников, пожалуй, более всего чувствуется в творчестве Илзы Рихардовны.

Любит она и древнерусское искусство и древнеиндийскую стенную живопись, не оставляет ее равнодушной и персидская миниатюра и японская живопись. У Илзы обширные творческие планы, ей близки темы истории края, темы современности, темы человека сегодняшнего дня.

Художница много работает в колхозах и совхозах, интересный материал почерпнул ею из постоянных поездок в хозяйства Первомайского района, в АНИИСХОЗ; часто бывает она на заводах края. Художнице есть что сказать людям, и она может это сказать.

Закончить этот небольшой рассказ о творчестве Рудзите-Цесюлевич хотелось бы пушкинскими словами, которые вполне могли бы стать девизом художницы:

Служение муз не терпит суеты,
Прекрасное должно быть
величаво.

ПИСЬМА МАТВЕЯ КОНСТАНТИНОВИЧА ЦАПЛИНА

*Надо чаще думать о будущем,
чтобы прибавилось сил в борьбе...*

М. К. Цаплин

Имя Матвея Константиновича Цаплина широко известно у нас. Это был пламенный революционер, талантливый организатор, председатель Барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Военно-революционного комитета, член губкома большевистской партии, делегат II Всероссийского съезда Советов.

Родился Матвей Константинович в 1886 году в селе Сергеево Шуйского уезда Владимирской губернии. Пока отец был жив — учился, закончил четырехклассную школу. После его смерти Матвей становится главой семьи. Нечего было и думать им, безлошадным, прокормиться крестьянским трудом. Пришлось отправиться в город на заработки.

В Шуе на механическом заводе он сближается с большевиками, формируется как революционер, борец за справедливость, а в 1905 году становится членом большевистской подпольной организации. Под руководством М. В. Фрунзе Матвей Цаплин ведет активную работу по созданию боевых дружин, вместе с рабочими добывает и ремонтирует оружие, помогает обучать дружинников для боев на Красной Пресне.

В Иваново-Вознесенске развертываются всеобщие стачки и политические демонстрации. На митинге у реки Талки в мае 1905 года был создан Совет рабочих уполномоченных, предшественник нынешних Советов. К текстильщикам Иваново-Вознесенска присоединились рабочие Шуй, Кожмы, Тейкова, Лежнева и других фабричных центров. В. И. Ленин оценивал Иваново-Вознесенскую стачку как исходный пункт новой волны общероссийского движения. «Иваново-Вознесенская стачка, — писал он, — показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих...»*

После подавления декабрьского вооруженного восстания начались аресты, ссылки. Не миновал этой участи и М. К. Цаплин. 5 марта 1906 года он был арестован и вскоре выслан в Нарымский край. В ссылке М. К. Цаплин продолжает пополнять свои знания — упорно изучает труды Маркса, Ленина и другую нелегальную литературу. В декабре ему удалось бежать. Жил он после побега на явочных квартирах в Шуе, Ярославле, Иваново-Вознесенске, Вла-

димире, Москве, вел революционную пропаганду среди рабочих.

Публикуемые письма М. К. Цаплина относятся как раз к этому периоду его нелегальной жизни — 1906—1907 годам. Матвею в то время было 20 лет.

Двадцать лет — возраст юности, выбора жизненного пути. Революционеры-большевики были духовно на много старше своих лет, потому что они вынесли жестокие испытания, воспитавшие в них мужество, непреклонность, великую веру в правое дело ленинской партии.

Но молодость, конечно же, звала их в прекрасный мир любви, ибо ничто человеческое им не было чуждо, обрела часто на долгие разлуки, на трудную, неразделенную любовь...

Вот такая любовь выпала на долю Матвея Цаплина. Родители Кати были недовольны выбором дочери. Близость с «неблагонадежным», политически не входила в их расчеты. Да и сама она не смогла подняться до полного понимания тех идеалов, которыми жил Матвей.

Неотложность революционных дел и жизнь в нелегальных условиях с неустроенным бытом, с постоянными слежками, опасностями новых арестов не располагали к пространному душеизлияниям любимой. Письма коротки, иногда отрывочны, явно спешны, многое в них говорится намеками. И тем не менее из писем постепенно вырисовывается незаурядность их автора. Матвей Цаплин в свои 20 искренен, эрудирован, мужествен. Он способен беззаветно любить, но откажется от такой любви, которая уводит его от революционной борьбы в лоно обывательского «благополучия».

Юный Матвей хорошо понимал, насколько трагична и тем не менее нужна грудовым людям его настоящая «возлюбленная» — революционная борьба, а потому и предпочел ее.

Пока не все обстоятельства и имена, упомянутые в письмах и связанные с подпольной революционной деятельностью М. К. Цаплина, поддаются точной расшифровке и толкованию. Эта задача — особой исследовательской работы. Тем не менее письма ценны для нас — они раскрывают черты характера Матвея Константиновича, его душу. И потому он становится для нас еще понятнее и притягательнее.

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 314.

1.

19 января 1906 года.

Милая Катя!*

Почему ты не даешь о себе никаких сведений? Что с тобой? Каковы отношения твои с родителями? Нет ли перемены в них? Если есть, почему я остаюсь в неизвестности, а неизвестность я вообще не терплю. Если все по-старому — тем хуже. Я не смогу быть покоен, пока твои «милые родители» выражают кулаками свою родительскую власть. Я тебе говорил, что возможность видаться с тобой я имею. Ты знаешь, что как только дело коснется этого вопроса, для меня уже не существует ни скверной погоды, ни времени неблагоприятного, одним словом, я сумею устранить все препятствия...

Вообще же скажу, что поведение твое по отношению к родителям и мне не нравится. Тебе следовало бы не возражать им и в один голос с ними ругать меня, или же действовать решительнее и, во всяком случае, не бояться идти со мной. А ты мне так нужна!..

Прощай, дорогая моя! Подумай относительно моего предложения. Ты ничем не рискуешь и как бы то ни было, все-таки избавляешься от побоев и брани, которые и принимать и выслушивать, думаю, не совсем приятно.

Целую тебя. М а т в е й.

Завтра ты получишь письмо, следовательно, ответить не споешь до субботы. Тогда не нужно, в субботу увидимся. Если тебя не пустят, постараюсь увидеть в воскресенье. Не удастся, пиши, иначе я с ума сойду. Ты у меня огняла и руки и голову...

2.

Даты нет.

Катя!

Нельзя ли нам увидеться, вероятно, в последний раз. Вчера был обыск, найдено три легальных книжки, за которые янисколько не боюсь. Что скверно, так это то, что еще попала агитационная речь, или иначе — прокламация, которую я написал сам. Провалился из-за неосторожности некоторых товарищей**.

М а т в е й.

3.

16 марта 1906 года.

Милая Катя!***

Во-первых, благодарю тебя, что пришла проводить. Ничего нет невероятного в том, что я видел тебя последний раз. В тюрьму попасть легко, зато выбраться из нее трудненько. Дело, видишь ли, в

* Написано за полтора месяца до ареста в Шусе.

** Матвей имеет в виду провал из-за опрометчивости Петра Викулова, с которым они жили на одной квартире. В проходной завода сторож при обыске обнаружил у Викулова в нагрудном кармане печать Иваново-Вознесенского окружного комитета РСДРП. Думая, что это печать у него для подделки векселей и жаждая получить награду от хозяйки, сторож сообщил о находке в полицию. Викулова арестовали, сделали обыск на квартире, о чем и пишет М. Цаплин в этом письме.

*** Письмо из Владимирской тюрьмы.

том, что если меня осудит суд, то вышлют в какую-нибудь губернию, например, в Архангельскую или Тобольскую. Если суд оправдает — тоже вышлют. Срок заключения, по желанию, понятно, не нашему — губернаторскому, могут продолжить хотя бы до бесконечности. Все зависит от власти победителей наших*, которые обыкновенно с пленниками не церемонятся.

Вечера проводим за чтением книг или газет, добываемых с большим трудом. Чаще всего происходят ожесточенные споры с(оциал)-д(емократов) и с(оциал)-р(евolutionеров).

В нашей камере 14 человек, большинство с(оциал)-р(евolutionеров), и мне приходится оппонировать почти против всех. Благодаря тому, что оппоненты мои не совсем сильны, победа пока оставалась на стороне с(оциал)-д(емократов), представителем от которых являюсь я.

В нашем корпусе много свободных граждан Александровской республики**, а в одиночке и сам президент Баранов. Говорят, очень симпатичный и остроумный человек. Его как-то посетил губернатор. Баранов преспокойно продолжал сидеть. «Вы бы, господин президент, потрудились встать», — замечает Леонтьев. «Обыкновенно губернаторы стоят перед президентами», — с достоинством говорит Баранов. Потом жалуется на недоброкачественность арестантской пищи. Губернатор возражает, что при посещении он сам с удовольствием пробует пищу. На это Баранов отвечает: «Да, я, Иван Михайлович, не теряю надежды, что Вы будете пробовать еще арестантскую пищу», намекая на превратность судьбы, которая может и губернаторов посадить на наше место.

Однако прости за болтовню. Теперь, во-первых, как твое здоровье, а потом, что говорят по поводу моего ареста все вообще и твои родители в частности? Мне, признаться, очень желательно получить от тебя ответ, хотя, предупреждаю, письма прочитываются предварительно прокурором. Потом вот еще что. Я хочу сказать, что ты не обязана по отношению ко мне ничем. Можешь располагать собой в полном смысле слова, я ничего не имею против. С моей стороны это было бы непростительно. А пока прощай.

Целую тебя.

Политический заключенный М а т в е й.

* После подавления декабрьского 1905 г. вооруженного восстания тюрьмы царской России были переполнены политическими заключенными. И с ними «победители» действительно не церемонились. Так, судебный процесс над лейтенантом П. П. Шмидтом и другими руководителями восстания на корабле «Очаков» длился всего две недели. Они были расстреляны рано утром 6 марта 1906 г. Накануне, т. е. 5 марта 1906 г., был арестован М. К. Цаплин, в марте 1907 г. — М. В. Фрунзе, в июне 1906 г. — Я. М. Свердлов, который, как и Цаплин, отбывал ссылку в Нарыском крае.

** Вероятно, Матвей Константинович имеет в виду политзаключенных, побывавших ранее в Александровской пересыльной тюрьме Иркутской губернии, где еще в 1902 г. под руководством Ф. Э. Дзержинского возникла «трехдневная республика». Политссыльные, вытеснив надзирателей за пределы тюрьмы, в течение 3 дней держали в своих руках пересыльную тюрьму. На одном из тюремных барачков взвился красный флаг с надписью: «Свобода». Политссыльные добились отмены некоторых ограничений, добились ускорения отправки на место поселения.

20 марта 1906 года.

Милостивая государыня
Екатерина Константиновна!*

Извините за беспокойство, до Вас есть просьба: не будете ли добры сшить две обыкновенные мужские рубашки, которые нужно сделать, т. е. сшить, хорошо бы к среде 22 ч(исла) с(его) м(есяца) для отправки во Владимир моему другу Мате. Если найдете возможным сшить и не составит это особого затруднения для Вас, то сообщите с подателем сего, в каком виде доставить Вам материал, т. е. скроенным или же прислать рубашку, по которой, может быть, Вы сами скроите, и в какое время Вам удобнее прислать, наконец, сколько стоит работа.

Кланяется он — М(атвей) Вам.

В ожидании Вашего приятного ответа. Н. Крюков.
Р. С. В субботу был на всеношной в Ильинской, с целью увидеть Вас и переговорить, но Вас не было.

ДОКУМЕНТЫ ЦАРСКОЙ ОХРАНКИ О ЦАПЛИНЕ И ДРУГИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАХ

Марта 21 дня 1906 года. г. Владимир.

Копия. Секретно**.

Г(осподину) помощнику начальника Владимирского губернского жандармского управления по Шуйскому уезду. Ко мне поступило дело об Иваново-Вознесенском окружном комитете Российской социал-демократической рабочей партии...

Прошу Ваше Высокоблагородие сообщить мне, имеются ли у Вас какие-либо сведения о лицах, составляющих этот комитет, и об его деятельности.

Судебный следователь Владимирского окружного суда по важнейшим делам.
Подпись неразборчива.

Мая 24 дня 1906 года. г. Владимир.

Копия. Секретно.

Из приказа начальника Владимирского губернского жандармского управления***.

По рассмотрении в Особом Советании... обстоятельства дела о содержащихся под стражей во Владимирском исправительном арестантском отделении крестьян Петре Викулове и Матвее ЦапLINE, обвиняемых в принадлежности к социал-демократической партии, г(осподин) Министр Внутренних Дел постановил: выслать названных крестьян в Нарымский край, Томской губ(ернии) под гласный надзор полиции на четыре года...

Начальник Владимирского губернского жандармского управления
п. полковник Медведев.

* Написано Н. А. Крюковым, другом и соратником М. ЦапLINE на подпольной деятельности.

** ЦААК КПСС, ф. 1061, оп. 3, д. 28, л. 8—9.

*** Там же.

Даты нет.

Прощай, Катя!

Отправляюсь в Томскую тюрьму, Нарымский край. Матвей. Подробности после, попробуй побывать в тюрьме, если будет не поздно и разрешат.

В декабре 1906 года М. К. ЦапLINE бежал из Нарымской ссылки.

В Иваново-Вознесенске, Ярославле, Муроме, Шуе, Москве около года он проводил большую революционную работу. В этот период продолжается переписка, состоятся редкие встречи с Катей.

Даты нет.

Моя дорогая!

Признаюсь, писать не хотел... Желательно было задумать все, что не касалось дела, к которому прикован не разрывающимися и не разрывающимися цепями...

(...) Интересно, насколько важно для тебя знать, где я и что со мной. Если для тебя это имело значение, ты могла узнать мой адрес, так как ты знаешь, что кое-кому я всегда его сообщаю.

И я не писал бы, если бы мог только. Условия, в силу которых весь мир ограничивается кружками, программой и тактикой, заставляют частенько задумываться. Внутри что-то кричит, настойчиво, неотвратно, с каждым разом сильнее и требовательнее. «Разве ты не хочешь жить? Разве только в этом жизнь? Неужели сердце не требует иного, на что имеют право все? А ты? А ты? Ну, разумеется, ты одной своей «возлюбленной» верен*. Так еще это не значит, что другую можно пренебречь.

И знаешь, эта история повторяется ежедневно. Каждый день, как только освободишься, невольная мысль несется туда, где прожил немало счастливых часов. И странно, хочется вновь пережить их, уже новые. Когда же в праздник проходишь по улицам и видишь, как всюду дышит любовь, видишь, что улица полна ею, встречаешь гарочку, четыре глаза которой поют: «Любовь, любовь», как стена тогда встает вопрос: «Почему тебе нет места в этом торжестве? Почему твой голос не присоединяется к гимну всеобщей любви? И постарайся задуть поднявшееся чувство и идишь в кружок или на масовку...

(...) Увидимся не скоро. Писать вздумалось, адрес у Крюкова. Не сообщаю потому, что, во-первых, хочу, чтобы сама сумела найти его, а во-вторых, опасаясь сообщить. Ты знаешь, что мои письма иногда получались тобой с опозданием. Возможно, что их вскрывали...

Матвей.

Даты нет.

Моя дорогая!

Письмо только сейчас получил. Признаюсь, я расхохотался, взглянув на жука, который изображен на конверте. С чего ты взяла, что нужно изобразить какой-то «кабаллистический» знак? А знаешь, ведь «кое-кого» такие значки могут ввести в

* Здесь и далее Матвей называет своей первой «возлюбленной» революционную борьбу.

заблуждение и «кое-кто» может поинтересоваться содержанием конверта, с изображением насекомого. Когда в приписке, как адресовать, я упомянул о необходимости подчеркнуть фамилию двумя чертами и стрелкой указал, как это сделать, я отнюдь не предполагал, что ты и стрелку намажешь. Если ты уже написала еще, я не уверен, что получу. Кажется, и это письмо прошло через цензуру: марка совершенно отвалилась и заклеено оно плохо. Итак, наперед прощаюсь с теми новостями, которые ты обещаешь сообщить.

Да, я, вероятно, буду в ваших палестинах, только не так скоро. Постараюсь к июню, раньше едва ли. Существование мое здесь не тайна. На квартире уже побывали, но пока частным образом. Пишу из деревни, в городе жить нельзя.

Пусть теперь в экскурсию в области предположений. Буду угадывать, что ты делала в праздники. Вероятно, в первый день ты в церковь ходила. А вот вчера, ручаюсь, на массовку не пошла.

Что я делал, тебе не угадать. Ты скажешь «ничего» и ошибешься. Эта неделя решит все: останешься ли я здесь, съеду ли в Выксу, или в Муром, а оттуда во Владимир, а потом... Потом — не скажу куда.

Да, кстати мне писали, что у вас плохо: слишком много будто бы архангелов и всех небесных сил*. Тогда придется обождать с приездом. Ведь от Новок поневоле придется к вам. Тут-то и попадешь. Через Москву — дорого. Не дадут столько денег. Кроме того, возможно, что не будет опять квартиры. Плохо еще — ночей нет. В общем, все будет зависеть от того, нужны ли работники в Ив. С.**. Разъезжать на свидания не позволят...

Матвей.

8.

Даты нет.

Дорогая Катя!

(...) До рождества я здесь не останусь. Дольше нельзя. Везде уже меня узнали. Разумеется, ты не знала этого обстоятельства, да и сам я думал пробыть подольше. И вот приходится ехать в Москву, а может быть, и в Петербург, причем, возможно, что буду в Финляндии или на юге. Ты говоришь: «Боюсь подвергать себя опасности». Я скажу, что опасность на каждом шагу, и мой приезд сюда был уже риском, но на полдороге останавливаться не люблю. Буду или в четверг, или в пятницу. Поезд десятичасовой. На день, не больше. Потом уезжаю. Пошли кого-нибудь на завод. Нужно сообщить К(рюков)у, а он поосторожнее это сделает дома. Место — дорога к кладбищу. Может быть, и раньше. Для домашних он знает то самое, что он когда-то предлагал. Может быть, найдутся место и квартира, то останусь дольше.

Обрати внимание на заклею конверта.
До свидания.

9.

Даты нет.

Катя!

В понедельник вечером прибуду. Если можно, я хотел бы увидеть. Сколько времени проживу, сказать никто не может, так что желательно увидеть в

* Матвей имел в виду жандармерию и полицию.

** Очевидно речь идет о социал-демократической организации Иваново-Вознесенска.

среди вечером. Разумеется, попозднее... Я буду в 9 часов. Итак, до свидания.

Матвей.

10.

Даты нет.

К(атенька)!

Могу ли увидеть в половине восьмого? Ответ с посланным. Жду. Если нет, то когда? День, время дня, поточнее. Всего лучше два дня назначь, иначе не знаю, буду ли свободен. В субботу и в воскресенье при всем желании не мог по причине уже известной: у вас было много гуляющих. При таких условиях не могу быть никогда.

Сердитый и злой.

Ответь обязательно с мальчиком. На конверте не нужно никакую подпись. Он передаст только мне.

11.

Даты нет.

Екатерина Константиновна!

(...) Я думаю почему-то, что между нами стала стена, хоть, может быть, и карточная, но все-таки стена. Не видать целых семь месяцев, наконец, приехать и встретиться, как чужим. Как будто мы вчера только виделись, все между нами переговорено, осталось только спросить, где вчера был каждый из нас и как провел день. Признаться, все это мне кажется странным и отчасти неестественным. Чувствовал, что передо мной чужая женщина, и задавил в себе все, чем хотелось поделиться. Что это не та «одна», с которой так легко, свободно... во всем чувствуется какая-то фальшь.

Желание живой любви, желание знать, что есть человек, которому безразлично, что делается с тобой, что ты переживаешь, наконец, мечты о том, что твои идеи, твои чувства найдут отклик в другом сердце — все это оказалось только желаниями, только мечтой, созданной, быть может, досужливым воображением человека-скитальца, позабывшего, что «тот говори любви конец, в разлуке кто пробыл два года безизвестно»*. Чацкий был, с одной стороны, прав, с другой — он ошибался, не нужно двух лет, достаточно и месяцев. Итак, вместе с Чацким еду туда, «где оскорбленному есть чувству уголок».

Я никогда никого не желал связывать, тем более не хочу Вас.

Если вздумается писать, то на имя Метелицина, это в том случае, если письмо может попасть к четвергу.

Теперь всего себя отдам своей «возлюбленной». В случае, если опять не выдержу, как-нибудь напишу. Если приеду, то не для Вас прежде всего, как приезжал на этот раз.

Матвей.

12.

Даты нет.

(...) Спешу удовлетворить любопытство: живу где — день, где — ночь. Объехал пол-России, объ-

* Матвей цитировал слова Чацкого на память, сохранив смысл.

У Грибоедова в «Горе от ума»:

Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.

еду, наверное, и всю. Заделался профессиональным революционером: бываю и в городах, и в селах, фабричных и не фабричных, и в деревнях больших и маленьких. Спал иногда под стогом, а теперь сплю всегда в доме, считаю, что под стогом неудобно. В Иванове иногда бываю, был даже в Кохме, но в Ш(уе) не был, хотя меня там и видели 4-го, когда я был в Москве. Очевидно, меня хорошо помнят...

Определение «забытая» неуместно. Писать не мог, куда — не знал. Иногда справлялся у К(рюк)ова. Но с ним правильной переписки не было. Что случилось с той, которая говорит «когда-то твоя»? Я знал ее иной. Я помню, что она способна даже была на такой риск, как свидание в «клоповнике»*, которого нужно было испрашивать у начальника всех «клоповников» данного района. А теперь? Но нет! Я не хочу верить, что все умерло, что меня не хотят видеть, слышать, что «как живешь» только простая видимость, что это не просто любопытство. Хочу верить, что все будет так, как нужно и как я надеялся, что двухвершковые письма — недоразумение, что холодность — ни больше ни меньше, как неуверенность и т. д. и т. д.

Если угодно, адрес для писем: Тейково, к(онто)ра фабрики А. Каретникова — Федору Федоровичу Метелицину для А.

Пока до свидания. М а т в е й.

13.

Даты нет.

Дорогая Катя!

Прости, что письмо было сплошь упреками и только. Но для того, чтобы осудить, необходимо знать, какое неприятное впечатление произвел на меня двухвершковый клочок. Безусловно, мне должны были показаться странными подобная краткость и чрезвычайная холодность. Ко всему этому нужно добавить неприятный, скорее неблагоприятный ход организационных работ в том районе, откуда я только что приехал в Иваново. Кроме того, не нужно упускать из виду и того обстоятельства, что даже в Иваново я рискую; и вот тут-то пришлось проводить митинг-налет. Масса совершенно незнакомых, город знаю плохо; каковы полицейские условия — совершенно не знал. Все это вместе и создало известное настроение и дало тон всему письму.

Да и вообще за последнее время я страшно познервничался. С одной стороны — известное желание побывать «у нас», увидеть своих, брата в особенности, еще больше, пожалуй, желание тебя видеть; с другой — полнейшая невозможность сделать что-либо в этом направлении, в то же время необходимость работать, хотя бы даже и хотелось отдохнуть. Известная ответственность, запросы и требования со стороны массы и к(оммунист)ов... Волна захватывает и заставляет позабыть даже тебя... Однако я большой эгоист. Позабыл даже поблагодарить за это письмо. Оно меня очень порадовало. Каждое слово говорит о той Кате, которую я знал, а не о той чужой, приславшей 2 вершка бумаги.

Поблагодари Л. Ш. и Т. С. Только напрасно ты им сказала обо мне. И так, кажется, полгорода знает, что «там»** меня нет. Не желательно, чтобы знали еще «где» я. Относительно времени и места свидания трудно что-либо сказать. Да, время назначать не могу из тех соображений, что прежде, чем

письмо попадет в твои руки, его могут прочесть жандармы. Всего лучше свидание можешь назначить ты. Ты лучше знаешь местные условия.

М а т в е й.

14.

Даты нет.

Милая!

Неужели все кончилось? И разве я только один виноват? Да, пожалуй. Я... один я. Но условия для этого создались не там, где ты их видишь. Знала ли ты, что я не мог в тот момент даже и на минуту остаться без уважительной причины? А степень уважительности зависела не от того, насколько я находил это уважительным, а от того, как на это посмотрят товарищи, взявшиеся доставить мне ночевку и рискованные провалиться со мной... Мог ли я задерживать тех, которые для меня готовы были сделать все, несмотря на риск? Как ты думаешь?

(...) Представляешь меня всего моей «первой возлюбленной». Я в свою очередь представил бы тебя твоим «возлюбленным», которых у тебя больше, например, вечера, танцы, гулянья и так далее... Разумеется, твои возлюбленные более благодатны, чем моя, давшая мне право жить зайцем, вечно впроголодь, вечно посылающая под казацкие плети, грозящая каждую минуту тюрьмой и в будущем обещающая наградить пулей или пеньковыми галстуком, сиречь — виселицей.

Вывод из твоего письма следующий: поумнела практически умом, подсказывающим, что от меня ждать нечего, что я «бывший человек», с которым порядочной девице общего иметь ничего не следует, ибо на это посмотрят со стороны «разные знакомые» не сквозь пальцы, а только отрицательно.

В разрыве же, желательном для тебя, виновата только ты, я его не хотел — хватался за соломинку, чтобы только удержать те, для кого и рисковать было так сладко. Насчет любви скажу — тот больше и непритворно любит, кто больше делает хотя бы для того, чтобы увидиться. Ты всегда не хотела этого, даже, когда я спрашивал о времени и месте, ты писала — нет. Потому, что ты понимала, что я увижу фальшь. А, да что тут! А вернуть, так хочу, как не хотел никогда.

Если верно, что любила, приезжай! Не приедешь, буду знать, что все, что написал — верно и что я прав. И тогда только — прощай.

А пока до свидания. М а т в е й.

15.

Даты нет.

Катя!

(...) Ты должна приехать. Я напомним тебе твое собственное выражение: «Как люблю я, когда ты так приказываешь». Ты это гсворила, и вот я приказываю: «Моя милая, приезжай»...

Жду. М а т в е й.

(...) Да, я посылаю тебе письмо, которое, может быть, не успеет. Бери в нем только стороны положительные, отрицательные не нужно... М(атвей).

16.

Даты нет.

Моя дорогая Катя!

(...) Удивляюсь приятно, что ты полемизировать научилась и очень удачно, приходится признаться.

* Вероятно, комната для свиданий в тюрьме.

** Матвей имеет в виду место ссылки.

Например, хороша твоя ориентация, когда ты доказываешь, что опасения мои относительно провала адреса не выдерживают критики...

Огорчает меня твоя немилость ко мне. Зачем поцелуй только за 200 верст, подумай, что мне от них. И почему такое жестокое «не буду». И так категорически!

Я, оказывается, полнейшая противоположность тебе... Поцелуй на бумаге не есть поцелуй. Такой поцелуй есть имя существительное, которое есть название предмета, существующего в мире. Я же признаю поцелуй, который есть действие (хотя и не глагол). Итак, да здравствует «поцелуй»-действие, долой «поцелуй»-существительное.

До свидания.

17.

Даты нет.

Дорогая Катя!

(...) Долго оставаться здесь нельзя. Милая, пиши больше. Все, что напоминает о тебе, для меня так дорого. И, опять повторяю, как счастлив я, когда вижу тебя, но не желаю подвергать тебя какому бы то ни было риску.

Тебе кланяются здешние.

18.

30 марта 1907 года. Муром.

Дорогая Катя!

Сейчас только получил твое письмо и спешу ответить. Собственно, ответить, пожалуй, и нечего. Но считаю долгом сообщить, что все ж таки адрес я, вероятно, сменю, и на этот раз самым коренным образом. В воскресенье буду во Владимире, оттуда вернусь, наверное, но оставаться здесь больше невозможно. Можно еще раз писать по старому адресу, но с тем расчетом, чтобы мне получить не позднее среды, желательно бы и раньше. Не удивляйся, если адреса скоро не получишь. Меня беспокоит состояние твоего здоровья. Ты бы обратилась к врачу.

Удивляться, что я пишу на имя Т. В. не приходится. Объясняется это просто: никаких писем я не получал не только от тебя (ты всегда отличалась этим грешком), но я не получал ни от кого, вследствие провала двух адресов...

Когда добуду новый адрес, постараюсь сообщить. В крайнем случае, узнай его от К(рюков)а. Если у последнего не будет через неделю, значит, что-нибудь случилось. Так я каждый день не уверю, что завтра буду еще на вольной квартире.

Прости, дорогая, что писать больше не могу.

Целую тебя и запрещаю думать даже о каких бы то ни было болезнях.

Матвей.

19.

Даты нет.

Моя дорогая!

Тебе, может быть, кажется странным мое молчание, ты, может быть, и недовольна подобным обстоятельством, но, прости, мне ей-богу нет ни времени, ни даже места, чтобы исправить этот недостаток. Про себя пиши как можно больше. Как проводишь время дома (опиши хоть один день), читаешь ли и что читаешь — (название нескольких произведений), каково впечатление от наиболее понравившегося произведения и какой из выведенных писателей тип кажется наиболее оригинальным и по-

чему. Я настаиваю, чтобы это было написано, больше никогда такой работы тебе не дам. Что нового, интересующего тебя?

Дальше, как говорят Ваши дома о Думе и что ты на этот счет скажешь? Вот и все, что мне крайне интересно.

Живу в том же городе. В первое время можно было бы устраиваться с некоторыми удобствами: у меня была постоянная квартира, не требовалось каждый день бегать по ночевкам, и каждый день обедал и пил чай. Потом одна за другой провалились две квартиры... Но ночевки с большим трудом нахожу, приходится ночевать версты за три, четыре, в Слободе или Карачарове, обедаю редко, в трактирах нельзя...

...Вот уже из этого ясно, могу ли я писать часто.

Милая Катя, моя покорнейшая просьба, пиши поскорее и потом по возможности чаще. Пиши и тогда, когда я, может быть, на каждое письмо отвечать не буду. Ты знаешь, почему.

Пиши: Овражная улица, в собственном доме — Михаилу Васильевичу Гаврилову.

20.

9 апреля 1907 года. г. Меленки.

Мой дорогой корреспондент!

Ввиду не особенно благоприятных условий, не мог раньше дать своего адреса. Прошлая неделя ушла исключительно на изыскание мер и способов для отъезда. Писать не мог, ибо не знал ни дня, ни часа, когда явится возможность оставить один город, чтобы перебраться в другой. Дороги были непроходимы для тех, у кого в кармане одна трешница. Только вчера представился благоприятный случай переложить эту трешницу из моего кармана в карман ямщика, и я на новом месте (хотя уже во второй раз).

Однако довольно! Перемена местожительства в отношении безопасности в высшей степени неудачна. Нужно же было голодным мужикам Меленковского уезда не вовремя захотелось хлеба. И вот, не считаясь с моим мнением насчет моих личных удобств, они возьмем да и потребуй продовольственную ссуду. Но ты знаешь, бунты терпимы быть не могут. Позвали стражников для усмирения в деревню, а в город вызвали солдат из Владимира, да силы подкрепили отрядом конной и пешей стражи из Мурома. Дело осложнили еще общепризнанные бунтовщики — рабочие, вздумавшие забастовать на денек и потребовать выезда из деревни «усмирителей». Уж это не бунт, это — восстание. Распорядительный и находчивый исправник вызвал по телефону оставшихся своих и прибывших муромских охранителей порядка, законности и государственности. Пустили в ход плетки, и началось в городе то, что продолжалось в деревне. Очевидцы рассказывают, что начальник города показал чудеса храбрости, геройски предводительствуя отрядом «усмирителей» и собственноручно расправляясь с голодными бунтарями — рабочими, восставшими в защиту еще более голодных бунтарей — крестьян. Потом приезжал вице-губернатор, с целью выразить благодарность местным властям за подавление беспорядков, вернее восстания.

Теперь, кажется, начнут искоренять крамолу и уже одного арестовали, предполагается, что в ближайшем будущем возьмут еще по одним версиям 7, по другим — 20 уже намеченных крамольников. А мне, ты знаешь, жить приходится тоже у крамольников, так что за неприкосновенность личности тво-

его покорного слуги я не поставил бы и гривенника. Однако есть надежда, что и на этот раз увернусь.

Ты прошлый раз уж больно вздыхала о весне. Вот она. У нас начинается. Ваша Теза, небось, давно прошла. Я заключаю потому, что даже Ока очистилась у Муроме. Стоит чудесная погода, теплая, ясная... Хороши в особенности ночи. В такую ночь, как вчерашняя, к примеру, право не хочется идти на квартиру. Кажется, всю ночь прогулял бы, если бы... Пожалуй, мечтательные «ахи» не доведут до добра. Как ты живешь, дорогая? Надеюсь, ты послушалась и не думаешь о том, что не следует. Я говорю о болезни. Теперь мой приказ слушай. Когда я приеду, ты должна быть совершенно здорова. Я не доктор, чтобы больным делать визиты. Средство от болезней: меньше сидеть дома, больше гулять. В частности, рекомендуются прогулки за город и, главное, продолжительная ходьба. Ты, я вижу, засиделась. А у вас квартира сырая, что крайне вредно. Наконец, позволю себе желать тебе всего хорошего, а паце всего — доброго здоровья и с любовью низкий поклон.

Жму твои руки.

Ждущий выздоровления твоего с нетерпением, а потом и свидания.

Адрес: г. Меленки, Владимирской губернии, фабрика т (оваричесств)ва Меленковской льнопрядильной (мануфактуры), Сергею Измайловичу Ефанову. Фамилию подчеркнуть так, добавлять «для А» не надо.

21.

Ярославль, 9 — воскресенье.

(...) Здесь тоже праздник. И настроение у меня праздничное. Вообрази, сижу в пивной. Ты скажешь — все это так прозаично. Да. Когда я вошел, я был действительно в настроении самом прозаическом, и зашел исключительно только потому, что чувствовал желание пить. Жара у нас — черт знает что... Разгулялись рабочие, и, если бы ты слышала, Катя, какие они чудные песни поют. В особенности на меня сильно повлиял один певец. Пел он хорошо, от души, как говорится. Слов я не помню, но знаю, что в них говорится о разлуке милых...

Я говорил тебе и ты помнишь, думаю, что писать не буду. Почему, спрашивается? Потому, отвечу, что хочу освободить тебя от себя. И поступай так, как для тебя выгоднее, т. е. не выгоднее (слово нехорошо звучит). Делай так, чтобы потом не раскаиваться, сиречь — составляй для себя сама счастье. Обо мне же не беспокойся. Все равно, кроме редких свиданий, я тебе едва ли что могу дать. Прости. Поют: «На том ли поле серебристом»... Не люблю я этой песни. Похоронная она. Знаешь, я больше не могу быть откровенным. Что я не всегда откровенен, не удивительно. Ты — никогда! Откровенной не была: всякие есть люди. До свидания, а может быть — прощай... Как бы желал расцеловать когда-то только мою Катю.

Матвей.

Мне писать: Ярославль, Стрелецкая ул., дом Петрова Е. Я. Каплину (подчеркнуть фамилию обязательно).

22.

Даты нет.

Милая!

Ты пишешь «одно из двух», но тут собственно одно из одного... Итак, по-твоему, у меня один выход — жениться. Обсудим здраво этот вопрос. Я положительно не намерен подвергать тебя опасно-

сти. Такой эгоизм с моей стороны по отношению к тебе, т. е. к той, которую люблю, был бы прямо непростителен. (...) Однако с бумагой у меня совсем нет желания рассуждать, а потому постарайся дать мне возможность видеть тебя, чем скорее, тем лучше...

Да, кстати, ты все-таки не плачь, черт возьми, плакать нет никакого смысла. Увижу тебя, тогда все решим.

Твой Матвей.

23.

Даты нет.

Дорогая Катя!

Я скажу, что был в четверг, ждал два раза и один раз вечером. Был и в пятницу вечером около дома. Наконец вчера... И никогда ты не поинтересовалась поглядеть на дорогу, где бродила какая-то тень. Теперь я хочу узнать окозательно, желаешь ли ты подвергнуть меня опасности, ибо я каждый вечер, невзирая на погоду, хожу часа по два. Вчера чуть не нарвался на стражников. И сегодня пойду, и каждый день буду ходить, пока не уеду, потому что мне нужно выяснить, конечно, это и для тебя имеет значение.

И самое лучшее переговорю лично. Дело в том, что письменно я могу писать и прямо на квартиру для скорости. Стало быть, письмо может попасть не в те руки... Я ей-богу против того, чтобы такое письмо попадало в руки родителей. Так вот выход: сегодня, если дождя не будет, пройди в 10 часов к Мельничному, от Шмидтовского училища, даже можно раньше несколько. При наличии дождя я приеду к 10¹/₂ или 11 часам к вам по полотну. А пока, лучше бы только до свидания.

Матвей.

24.

17 сентября 1907 года. г. Томск.

Дорогая Екатерина Константиновна!

Я давно собирался написать тебе и давно бы написал, но условия не позволяли. Меня, видишь ли, не может не интересовать все касающееся тебя. Ты это знаешь. Но меня несколько поразило, что ты не пришла навестить меня в тюрьме*. А я так ждал. Мне просто необходимо было увидеть тебя. Для чего, я не скажу теперь потому, что теперь это не будет иметь смысла.

...Думаю, что между нами возможны хорошие отношения. Лично я не желал бы портить их, по крайней мере сознательно. Ты всегда говорила то же.

Пиши побольше. Адрес, вероятно, знаешь. Я в Томске, в губернской тюрьме. В России быть могу не ранее конца декабря или в январе. Не знаю, поеду ли обратно. Все зависит от многих причин...

Крепко жму твою руку. Матвей.

Еще раз прошу писать, если только можно. Большое спасибо скажу. Делать это так: г. Томск, губернская тюрьма и т. д. следует имя и фамилия Вашего покорного слуги.

Привет от меня Елизавете Семеновне.

* В Ярославле Матвей Цаплин после митинга на фабрике «Большая Ярославская мануфактура» (не позднее 17. IX. 1907 г.) был схвачен агентами тайной полиции и снова выслан в Томск, затем в Нарым.

7 февраля. 1908 года. Тогур.

Дорогой Николай!*

С этой почтой от тебя не получил письма... От М. А. тоже ничего. Я узнал от Семена, что он очень важное письмо не получил. В том же духе писал я и тебе. Это, вероятно, в октябре было. Если ты не получил, то не удивлюсь, что тебя допрашивали. Письмо с адресом мадам Александровой, скверно, если провалилось. Да и тебе неприятность. Теперь ты вот что. Дай какой-нибудь другой адресок. Ну хоть кого-нибудь из ребят.

(...) Сообщаю, что в половине марта почта перестает функционировать месяца на два. Поэтому писать не особенно надо. Эти два месяца — самое тяжелое время. Ни газеты, ни письма, ни даже казенного пособия. Я не жывал, не знаю, но говорят — голодать приходится. Вот если ходы разыщешь, нельзя ли будет помочь. Кстати, ни у меня, ни у Петра сапог нет. А грязь здесь большая. Однако, кажется, трудно это, судя по письму Семена, который высказал взгляд М. А. на этот предмет. Времена, говорит, тяжелые...

М а т в е й.

После окончания срока ссылки М. К. Цаплин остается в Томске. Находясь на легальном положении, под негласным надзором полиции, он устанавливает связи с местными организациями РСДРП, стремясь внести свой вклад в активизацию революционного движения в Сибири.

* Письмо отправлено с места ссылки в адрес Николая Александровича Закорюкина, через которого шла нелегальная переписка и передачи.

В 1916 году Матвей Константинович приезжает на Алтай и становится одним из руководителей барнаульских большевиков, а позднее — активнейшим организатором Советской власти.

В одном из выступлений он сказал: «Советская власть должна коренным образом изменить существующий порядок управления и то положение, когда над большинством управляет меньшинство. Может быть, народ допустит те или иные ошибки в строительстве, но в процессе творчества, работы эти ошибки сам народ будет исправлять. Только эту власть понимает народ и за нее ведет борьбу...»

Матвей Константинович пользовался заслуженным авторитетом и любовью у рабочих и крестьян Алтая, товарищей по борьбе. Его люто ненавидели враги Советской власти. И когда в 1918 году он оказался в застенках контрреволюционных мятежников, они получили возможность свести счеты с Цаплиным, изоциренно издеваясь над ним.

И. В. Присягин, забывая о своих муках, тайно посылает из тюрьмы оставшимся на свободе большевикам Барнаула записку, полную заботы и тревоги за Матвея Константиновича: «Товарищи, нужно приложить все усилия к освобождению Цаплина. Ему первому грозит опасность быть убитым...»

Предотвратить расправу не удалось.

Имена М. К. Цаплина и других борцов за Советскую власть стали символом мужества, стойкости, отваги.

В трудные дни Матвей Константинович говорил товарищам: «Надо чаще думать о будущем, чтобы прибавилось сил в борьбе. А будущее — не за горами. Оно такое прекрасное, что и в мечтах его вообразить невозможно».

Мы живем сейчас в то прекрасное время, о котором мечтал Матвей Константинович. Оно пришло не само собой. За него боролись, терпели лишения, шли на смерть лучшие сыны нашей Родины, верные ленинцы, такие, как М. К. Цаплин.

ПУБЛИКАЦИЮ ПОДГОТОВИЛА А. ЧЕРНЫШЕВА,
НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ПАРТИЙНОГО АРХИВА
АЛТАЙСКОГО КРАЙКОМА КПСС

Для детей

Виктор СИДОРОВ

ОДНАЖДЫ ЛЕТОМ

РАССКАЗ

Мишкин папа шофер, работает на большом МАЗе. Когда он иной раз заезжает на минутку, чтобы проверить, как обстоят дела дома, то кабина его самосвала достает чуть ли не до второго этажа. А мама инженер. На заводе. Она там что-то изобретает и конструирует. Дома их нет целыми днями, так что многие хозяйственные заботы лежат на Мишкиных плечах.

А дел всяких полно. Однако Мишка наловчился выполнять их быстро, чтобы оставалось побольше времени на футбол и на разные другие игры.

Но в это лето к привычным заботам привалила еще одна — Зойка. Не забота — кошмар! Сплошная нервотрепка и расстройство!

Кто-то придумал закрыть Зойкин детсад на ремонт. Не зимой, не осенью, а летом! В самый разгар каникул! Если кому-то так уж сильно хотелось поремонтировать, то делал бы это зимой. Тогда пожалуйста! Тогда Мишка с полным удовольствием сидел бы дома хоть весь учебный год. А так что? Вместо того чтобы спокойно побегать или позагорать на берегу Оби, он целыми днями должен возиться с Зойкой. А это не конфеты сосать.

Папа говорит, что если с Зойкой побыть подольше, то можно получить инфаркт. Ну инфаркт там не инфаркт, а вот психом стать пара пустяков. Не девчонка — сверло, не остановишь — в полу дырку провер-

тит. А ей всего-навсего пять лет. То она носится по квартире с визгом и хохотом, то вдруг присмирееет в каком-нибудь углу. Это опаснее всего: значит, что-то бедокурит.

Когда Зойка не бегает, не хохочет и не прячется по углам, Мишке от нее все равно нет никакого покоя: она начинает просить есть или поиграть с ней. А то возьмется приставать с идиотскими разговорами.

Вчера ни с того ни с сего спрашивает Мишку:

— А ты умеешь висеть на люстре?

У Мишки брови полезли вверх.

— Зачем?

— А чтоб качаться.

— Да что я, макака, что ли? — разозлился Мишка. — Или мне больше делать нечего?

Но Зойке было наплевать на Мишкины расшатанные нервы. Она заявила с хвастливым превосходством:

— А я умею. Запросто. Вот подсади — увидишь.

— Ха! — нервно захохотал Мишка. — Чего выдумала! Может, ты еще на крышу захочешь? Или, может, тебя на трубу посадить?

Зойка не уловила Мишкиного тонкого юмора и в диком восторге захлопала в ладоши:

— Хочу! На трубу хочу. Посади!

У Мишки сразу пропал смех. Понял — влип. Теперь Зойка от него не отвяжется.

Мишка торопливо принялся убеждать Зойку, что про эту дурацкую трубу он брякнул просто так, для хохмы. Но было поздно: Зойка уже начала помаленьку всхлипывать, а потом, увидав, что Мишка не собирается тащить ее на крышу, заревела во все горло, как умела реветь, наверное, только она одна.

Еще хуже кутерьма с Зойкой во дворе. Там она просто нагнет: придумала превращать Мишку в животных. Каждый день в разных — в коня, в кошку, в собаку. И оттого, кем становился Мишка, такая жизнь была у него: лошадиная, кошачья или собачья. Тогда он то катал Зойку на спине, то лаял, привязанный за шею к столбику грибка грязной веревкой, то должен был мяукать и лакать воду из обломка чашки.

Сегодня утром Мишка был козой, и Зойка кормила его какой-то колючей травкой, пихая ее в рот прямо с корешками и комочками земли.

Пока Мишка давился всякой этой пакостью, мяукал, ржал и гавкал, двор гудел от веселья: ребята бегали, гоняли футбол, играли в войну. Но как только Мишка порывался хоть на минуту улизнуть к ребятам, Зойка сразу же бросалась к нему:

— Няня, ты куда? Не уходи! Давай еще поиграем. Ну хоть маленько! Няня!..

И для верности начинала реветь.

Няня, а?! Мало, что из-за нее пропали Мишкины каникулы, взяла да еще и придумала на его голову «няню». Теперь Мишку так зовут все пацаны. Едва увидят его, сразу начинают кривляться, дергаться, как паралитики, и на все лады долдонить:

— Няня! Нянька! Няня Миша!..

Больше всех досаждал Мишке сосед по лестничной площадке Славка Дерябин, хвостун и задавака. Отец у него футболист, вот Славка и решил, наверное, что он самый важный во всем дворе. Бывало, так расхвастается, что даже начнет захлебываться: «Мой папка самый лучший вратарь. Железный. Если захочет, ни одного гола не пропустит. Я тоже буду вратарем. Я уже такие приемчики знаю — ахнете! Любой мяч возьму. Я...» И пойдет, пойдет — не переслушаешь.

Так вот этот Славка Дерябин просто огравил Мишке жизнь. Он и до этого обзывал Мишку всякими обидными кличками — дуршлаг дырявый, балда-сковорода, ночной горшок и черт знает что еще выдумывал. А тут, когда услышал, как Зойка назвала Мишку няней, сделал вид, что изнемогает от смеха: упал на траву, схватился за живот и принялся кататься, икая и хрюкая.

— Няня! — выкрикивал он между хрюканьем и икотой. — Няньша, родная! Вытри мне носик. Принеси скорее горшочек. — И хохотал еще пуще.

С той поры Славка стал звать Мишку не иначе, как Няньша, добавляя обязательно какой-нибудь противный эпитет: конопатая, ушастая, дохлая.

Однажды Славке купили спортивный костюм, футбольные бутсы, судейский свисток и оранжевый мяч. Выбежал Славка во двор, а сам от гордости смотреть ни на кого не может. Крикнул небрежно ребятам:

— Эй вы, дистрофики, айда мяч погоняем!

Ребята бросились к Славке. Каждому хотелось попинать оранжевый, будто огромный апельсин, мяч. Подбежал и Мишка. Однако Славка, увидав его, завертел кулаками:

— А ты куда прешь, Няньша конопатая? А ну брысь отсюда. Футбол — это тебе не кашку варить, понял? Это тебе не какие-то там хухры-мухры.

Мишка ушел, полный обиды. Жадина хвастливая. Дать бы этим мячом по самодовольной роже, чтоб знал...

Но вскоре оказалось, что Славку не то что бить, а наоборот, жалеть надо да возиться не хуже, чем с Зойкой.

Это случилось в четверг, или нет, в пятницу, Мишка как раз шел с Зойкой из магазина — набрали молока, творогу, кефира. Зойка путалась под ногами и плела что-то несурзное про какую-то Катюку, которая вчера укусила за нос собаку из соседнего дома.

Мишка хмуро качнул головой.

— Дура твоя Катюка. Вдруг собака цапнула бы ее саму за нос? Что тогда?

Зойка пренебрежительно скривила губы: — Фи!.. Собачка-то маленькая. Как кошка. Вот я укушу настоящую. Большую. До визга.

Они были уже во дворе, возле скверика, заросшего кленами и сиренью, когда Мишка вдруг остановился: показалось, что там, в кустах, кто-то плачет.

Зойка подумала о другом:

— Не веришь, да? А я укушу. Сейчас побегу и укушу. Вон ту собаку.

Мишка сделал свирепое лицо и показал кулак. Зойка обидчиво умолкла. В кустах, точно, кто-то всхлипывал. Мишка просунул голову между сиренью и обомлел — Славка! Сидит, положив голову на колени, и трясется, будто от холода.

— Славка, ты чего? — испугался Мишка. — Тебя побили?

Славка дернулся, хотел, видно, встать или огрызнуться, да так и остался сидеть. Зойка снова pokrивила губы.

— Ишь, воет... Не нравится, когда обижают. Дистрофик щекастый...

Мишка цыкнул:

— Да уймись ты! По правде получишь.— И к Славке: — Ну?

Славка совсем не собирался рассказывать кому бы то ни было о своих печалях, тем более этому ушастому Няньше, а тут сам, не зная почему, заплакал все без остатка.

— Маму... в больницу положили... Вчера... Аппендицит, говорят... А папа в Казахстане... В футбол играет... На кубок.

— Ну и чего плакать? То есть оно конечно — дело такое... А аппендицит — ерунда! Вырежут — не ойкнет. Через неделю дома будет. Только передачи таскай.

Славка снова уныло всхлипнул:

— Ага, передачи... Я сам уже целый день не ел... И деньги потерял... Пошел в магазин и потерял... Десять рублей...

Зойка, которая все это время безучастно ковыряла туфлей землю, вдруг встrepенулась и перекосилась от страдания.

— О-ей-е, целых десять?! Надо же! Сколько мороженого купили бы, а! — И с отвращением отвернулась от Славки. — Эх ты, хухры-мухры плаксивый!

Славка даже не стал шмыгать носом.

— Слышь, — сказал он Мишке, — пусть она перестанет, а то не погляжу, что девочка...

Мишка дернул Зойку за косичку, сказал Славке:

— Не обращай внимания... Маму-то в какую больницу положили?

Славка растерянно заморгал:

— В какую? Не знаю... Ведь ее «Скорая» увезла.

— Ну так что? Почему у врача не спросил? Тоже мне... Отцу-то сообщил про маму?

Славка растерялся еще больше.

— Не-ет... А куда сообщать?

Мишка сплюнул:

— Ну чудик! Ладно, пойдем домой, там разберемся.

Славка молча выбрался из кустов и послушно пошaгал за Мишкой. Тот шел, неся в одной руке тяжелую хозяйственную сумку, другой вел подпрыгивающую Зойку.

У Славки в прихожей было как в задудалой сараюшке: на полу валялась разбросанная обувь, в одном углу, как пики, торчали во все стороны лыжи, палки, клюшки, в другом лежала скомканная Славкина

футбольная форма, какие-то портфели, драпные шапки. Среди них сиротливо пламенел знаменитый оранжевый мяч.

— Фу, как здесь противно, — произнесла Зойка, сморщив облудленный нос. — И дохлой кошкой воняет.

Славку прямо-таки перекосило всего, присипел надсадно:

— Ну вьeдливая! Суется куда не просят... Двину вот в нос, сразу нюхать перестанешь.

Мишка засмеялся, погладил Зойку по голове, а Славке сказал:

— Брось злиться. Она не любит беспорядка... А ты в самом деле прибрал бы маленько. Вон и в спальне все кувыркoм.

Славка, сдерживая кипевшее негодование, лишь тяжело засопел. «Вот еще комиссия! Это им противно, то им не нравится».

На кухне Мишка по-хозяйски, словно у себя дома, заглянул в хлебницу, потом в холодильник.

— Ого, — воскликнул он, — тут у тебя на целую неделю еды всякой, знай вари! А он — голодный! Ты что, брикет размять не мог, чтобы кашу сварить?

Славка лишь уныло улыбнулся. Знал бы Мишка, что он за всю жизнь не то что бы кашу, яйца не сварил ни разу!

Зойка увидела в холодильнике мед, взвизгнула восторженно:

— Давай мед есть! Вместо мороженого. Только, чур, без хлеба!

Мишка, зная решительный характер Зойки, поспешно захлопнул дверцу холодильника.

— Вот что, — сказал он Славке. — Я тут пока чего-нибудь поесть приготовлю, а ты прибери в квартире да пол подотри. Гляди — пыли, как на улице.

У Славки челюсть отвалилась, и глаза стали круглыми:

— Пол? Да ты что?! Я не умею.

Мишка поглядел на него как на больного.

— Дурак ты. «Не умею»! Чего тут уметь-то? Берись да делай — вот и все умение.

— К чертям! — визгливо выкрикнул Славка. — У меня горе! Выметайтесь отсюда!

Крикнул и осекся: испугался, что Мишка в самом деле уйдет и оставит его одного, а друзей у Славки не было.

— Ну ладно, — сказал он тихо. — Уберу...

Морщась и бубня себе под нос что-то недовольное, он кое-как заправил кровать, прибрал в прихожей, потом, кряхтя, словно

немогущий старик, вынес из ванной полный таз воды и половую тряпку. Но едва ступив в комнату, он вдруг запнулся об отцовы сапоги, которые почему-то стояли прямо в проходе, и грохнулся на пол вместе с тазом.

Мишка сломя голову кинулся на шум: что случилось? Когда он вбежал, Славка, распластавшись в луже, безуспешно пытался сбросить половую тряпку, которая обмоталась вокруг головы и залепила лицо. Мишка сдернул тряпку и принялся собирать ею воду. А Славка вскочил на ноги будто чумной, вытаращил глаза и закричал диким голосом:

— Ну что, видал? Видал, а?

Мишка, хоть и не понял, что должен был видеть, бросил хмуро:

— Ладно, вижу. И не ори. Бери вот тряпку и помогай.

Пока шла вся эта кутерьма, пока ребята собирали воду, а потом подтирали пол, Зойка словно пропала: ни слуху ни духу. Когда Мишка вспомнил о ней, сердце у него чуть не остановилось. Где Зойка? Он бросился на кухню. Вбежал и остолбенел: она торопливо, на полный рот, уплетала ложкой мед. Глянув на Мишку, на его несчастное лицо, она шевельнула липкими губами:

— Вкусно. Хочешь попробовать? — И добавила великодушно: — Не переживай, я оставлю тебе маленько.

Мишка с львиным рыком подскочил к Зойке и выхватил у нее банку. Однако было слишком поздно: меду в ней осталось с гулькин нос, муравью на обед.

— Ты что наделала? — сипло закричал Мишка перехваченным от расстройства голосом. — Кто ты есть, а? Разве можно брать чужое?

Позади раздался Славкин голос:

— Ерунда, пускай ест. Я все равно терпеть не могу мед.

Мишка глянул на Славку.

Он стоял мокрый и грязный, растопырив руки, как встрепанный воробей крылья. Волосы у него слиплись в тощие длинные со-

сульки и торчали в разные стороны, лицо было в темных полосах и потеках.

«Знаменитый вратарь», — подумал Мишка и звонко расхохотался.

Зойка, услышав смех, сразу же смекнула, что взбучки ей уже не будет, и тоже засмеялась. От радости. Глядя то на Мишку, то на замурзанную Зойку, захохотал и Славка. Сначала тихонько, неуверенно, потом от души, во все горло.

Вскоре он уже сидел за столом и за обе щеки уписывал глазунью с широкими золотистыми пластами сала. А Мишка, поглядывая на него, выяснял по телефону, в какую больницу положили Славкину маму. Наконец он весело сообщил:

— Во второй городской она. Уже операцию сделали. Чувствует себя хорошо. Понял? А теперь позвоним в «Динамо», узнаем, где твой папка...

Все, что совсем недавно казалось Славке почти непоправимым и беспросветным, стало вдруг простым и ясным. Он сидел сытый, чуть утомленный и совсем повеселевший: в спортобществе сказали, что папку немедленно разыщут и вызовут.

И точно, Славкин отец в субботу вечером был уже дома.

А назавтра жизнь во дворе шла своим чередом: ребята гоняли оранжевый мяч. Славка в полной футбольной форме суетился по площадке, дул в свой голосистый судейский свисток и до хрипоты орал на кого-то.

В самый разгар игры из подъезда вышел Мишка, без Зойки. Было воскресенье — Мишкин выходной. Зойка сидела дома и миловалась с мамой.

— А вот и Нянька вышел, — хохотнул кто-то, предвкушая потеху.

Славка быстро оглянулся. Увидел Мишку и, всем на удивление, закричал:

— Миша, сюда! Бери пас!

Оранжевый мяч, ярко мелькнув на солнце, описал огромную дугу, упруго ударился о землю и, звонкий и веселый, подкатился прямо к Мишкиным ногам.

СКАЗКА ПРО ДЕРЕВЯННОГО СПРАВЕДЛИВОГО СОЛДАТА

I

В стороне какой, не знаю,
может в этой, может в той,
в городке, в избенке с краю,
жил один мастеровой.

Делал он столы, диваны,
топорища, стеллажи,
двери, рамы, чемоданы,
делал, что ни закажи.

Скалки, ложки и кадушки
делал прочно, не спеша,
а еще порой игрушки
на потеху малышам.

Был он добрым, несварливым,
неприметным сам собой

и, конечно, справедливым,
как любой мастеровой.

Так и жил он, слава богу,
в крайнем маленьком дому,
только мастеру немного
было скучно одному.

В год какой, в какую дату,
не отвечу, хоть убей,
деревянного солдата
мастер вырезал себе.

Сшил мундир ему красивый,
саблю сбоку привязал
и, конечно, справедливым
быть солдату наказал.

Старикам и малым детям —
всем известно с давних лет:
никого на целом свете
веселей солдата нет.

От восхода до заката
мастер дерево строгал,
а солдат — солдат, понятно,
целый день маршировал.

Веселил мастерового
песней, шуткой, как умел,
был он в званье рядового
и другого не хотел.

С той поры с солдатом вместе
мастер жил да поживал
лет полста, а может, двести,
я об этом не узнал.

II

Время шло.

И вот однажды —
видно, так тому и быть —
загрустил солдат отважный,
стал у мастера просить:
«Отпусти меня в дорогу,
захотелось очень мне
посмотреть на мир немного
в чужедальной стороне.
Окажи такую милость,
я вернусь, даю зарок,
может, где за справедливость
повоюю хоть разок».

Мастер выслушал солдата,
покумекал, что к чему,
улыбнулся виновато
и ответил так ему:
«Что ж, иди, коль есть охота,
посмотри на мир земной,
у меня своя работа,
у тебя порядок свой.
Что успели не успели —
пересилим как-нибудь.
Каждый должен быть при деле,
в этом — правда, в этом — суть».

III

Через степи и разливы,
через горы наугад
шел солдат неторопливо,

чернокожий мальчуган
чистит пыльные обувки
у прохожих горожан.
В пыльной обуви негоже
быть хоть дома, хоть в пути,
и солдат решил тоже
блеск сапожный навести.
Только было он решился
(как-никак, а тоже чин),
в будку вдруг, как слон, ввалился
здоровенный господин,
белолицый, белокурый,
в белой куртке на замках,
в белых выглаженных брюках
и в огромных башмаках.
Сел на стул, погладил брюхо
и, кривя брезгливо рот,
дернул мальчика за ухо:
«Ну-ка живо, обормот!»

шел без усталости солдат.
Днем и ночью без опаски
шел он, шел, и вот те на —
перед ним, как будто в сказке,
непонятная страна.
Не страна, точнее будет,
непонятны для него
в государстве были люди —
все черны до одного.
По асфальту автострады
шел да шел и видит он:
перед ним дома-громады,
все одетые в бетон,
а внизу кругом витрины,
крики, брань и топот ног,
запах гари и бензина,
и машин сплошной поток.
На углу в картонной будке

Юный чистильщик мгновенно
щетки взял и в две руки
с двух сторон попеременно
начал драить башмаки.
Щетка мечется за щеткой —
где какая, кто поймет, —
а за ними то бархотка,
то суконка вслед идет.
Раз да два по коже лентой
так, что зайчик заиграл...
Тут нечаянно клиенту
мальчик брюки замарал.
Зарычал клиент гниевой
и ударил, как спяна,
так, что брызнула на стену
кровь из носа пацана.
Не стерпел солдат отважный,
саблю выхватил свою,

чтоб за правду — с кем, не важно —
постоять в лихом бою.
Но увь! Не тут-то было,
не успел моргнуть никто,
как сиреною завыло
полицейское авто.
По газонам, в страшной тряске,
не взирая на народ,
мчат в машине — каска к каске —
полицейских целый взвод.
Налетели ураганом —
оцепили в три кольца —
кто с дубинкой, кто с наганом
на защитника мальчика.
Спеленали руки-ноги
от груди до самых пят
и по той же по дороге,
по которой шел солдат,
отвезли его к границе,
там избили как могли
и никто не мог вступиться,
из народа той земли.

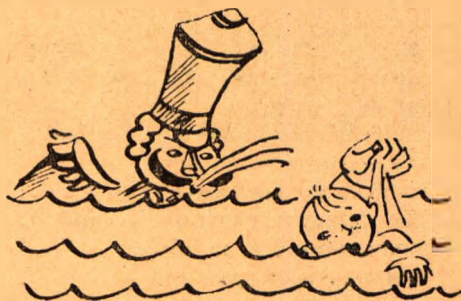
Отлежался под откосом
справедливый наш солдат,
встал, чихнул разбитым носом
и пошел царю не брат.
Ничего он — молвить просто —
не запомнил в той стране,
кроме мальчика-подростка
да отчетливых и броских
пятен крови на стене.

IV

На дорогу не в обиде,
через каменный карьер
перешел солдат и видит
буквы СССР,
отливают красным лаком,
различимы за версту.
Тут же рядышком, у знака,
пограничник на посту
с автоматом, смотрит браво,
даже глазом не моргнет.
Как положено уставом,
он команду подает:
«Стой! Ни с места! Здесь граница,
не позволю нарушать!»
И солдат, как говорится,
тут же замер не дыша.
Постоял, подумал малость
и с досадою — заметь —
говорит: «Какая жалость,
так хотелось посмотреть».
Ко всему в пути привычный,
повернул солдат домой,
но суровый пограничник:

«Подожди! — кричит. — Пстой!
Поясни мне чин по чину
без вранья, без прочих дел,
по какой такой причине
в наши земли захотел?»
Повернул солдат обратно
и в минутный интервал
постовому все, как брату,
все, как есть, растолковал.
То, что он вперед стремится
без дороги, наугад,
посмотреть Москву-столицу
и на город Ленинград.
Улыбнулся пограничник —
дескать, ты, товарищ, наш —
и команду подал зычно:
«С места с песней шагом марш!»

И пошел солдат бывалый,
только пыль из-под сапог,
без ночевки, без привала
курсом строго на восток.
Шел он, шел... Но вот однажды,
направленью вопреки,
привела солдата жажда
прямо к берегу реки.
Только он хотел напиться,
смыть дорожный пот с лица,
вдруг над речкой, словно птица,
крик какого-то мальчика.
«Помогите! Ма-ма! Ма-а—ма-а!» —

Изо всех кричал он сил, —
и солдат, в мундире прямо,
прыгнул в воду и поплыл.
Подхватил мальчика, как друга,
и на берег разворот,
видит, к берегу по лугу
валом движется народ.
Впереди на полном ходе,
еле сдерживая руль,
мчит к реке на вездеходе
из милиции патруль.

Оробел солдат немного —
ну как снова невпопад —
позабудь тогда дорогу
и в Москву, и в Ленинград.
Он мальчишку на мосточки
посадил скорей, а сам
через рытвины и кочки
побежал к густым кустам
на траве в холодных росах
торопливо, как курьер.
Что такое? Перед носом
вырос милиционер.
Отскочил солдат, и шашка
засвистела, как лоза...
А патрульный под фуражку
руку вскинул и сказал:
«Разрешите вам, коллега,
благодарность объявить
от сельчан и от Олега,
от мальчонка, стало быть».
Растерялся, удивился
справедливый наш солдат,
будто в чем-то провинился,
а теперь и сам не рад.
«Извините, я не думал,
та есть думал, да не так,
испугался малость шума. —
И добавил: — Вот дурак.
От души, не ради скуки,
я парнишку стал спасать...»
Тут народ его на руки
подхватил — и ну качать.

VI

Как на праздник, вышел лагерь,
летний день ему под стать,
на ветру стреляют флаги,
барабаны не унять.
Заливаются горнисты,
вторит им сосновый бор.
По лужайке светлой, чистой
все торопятся на сбор.
Пионерская дружина —
красных галстуков костры,
каждый строй сродни пружине,
напряженной до поры.
На трибуне, у линейки,
справедливый наш солдат,

рядом с ним Олег Копейкин,
он из группы октябрят.
Задран нос его потешно,
взгляд надменный, грудь горой,
будто он не потерпевший,
а заслуженный герой.
Вот утихли барабаны,
бор сосновый замолчал,
и над солнечной поляной
голос звонкий прозвучал:
«Равняйся! Смирно!» И вожатый
(ростом мал, в делах удал)
без запинки, четко, сжато
гостю отрапортовал.
А затем, обняв, как брата,
глядя весело в глаза,
справедливому солдату
красный галстук повязал.
Снова грянули горнисты,
барабаны трам-тар-ра!
И сосновый бор смолистый
содрогнулся от «Ур-ра!».
Вплоть до самого отбоя
песни, шутки, хоровод —
лагерь чествовал героя,
он достоин был того.

· VII

Утром, словно по тревоге,
снова наш солдат в пути.
Только я его в дороге
вдруг из вида упустил.
Кто виновен здесь? Не важно.
Он ли, я ли, суть не в том.
Где теперь солдат отважный?
В направлении каком?
В край какой сейчас стремится
справедливый наш солдат?
Может, он в Москве-столице?
Может, входит в Ленинград?
Может, он давно на БАМе
у костра среди ребят?
А быть может, он на Каме
строит новый автоград?
Может быть, он на Алтае,
в хлебоборной стороне?..
Если кто, друзья, узнает,
сообщите сразу мне.

РУДЗИТЕ-ЦЕСЮЛЕВИЧ. Мой дедушка — солдат. X, т., 1975.

И. РУДЗИТЕ-ЦЕСЮЛЕВИЧ. Мед. X., т., 1971.

На первой странице обложки иллюстрация В. РАМЕНСКОГО
к поэме И. Мухачева «Демжай-алтаец».
Высокий офорт. 1977.